U 125
1922

2007111194

10 41
Ф 1-82 / 13769
И 125 / 1222

ОБЪ УСТАВНОЙ КНИГѢ

РАЗБОЙНАГО ПРИКАЗА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

НИКОЛАЯ ШАЛФѢЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

И 125/1222

ОБЪ УСТАВНОЙ КНИГѢ

РАЗБОЙНАГО ПРИКАЗА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

НИКОЛАЯ ШАЛФѢЕВА.

ПЕЧАТАНО ИЖДИВЕНІЕМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.
1868.

По опредѣленію юридическаго факультета С. Петербургскаго университета, печатать разрѣшается. 26 іюля 1868 г.

За декана *Чебышевъ-Дмитріевъ.*

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
Ф-14237-44

ОБЪ УСТАВНОЙ КНИГѢ

РАЗБОЙНАГО ПРИКАЗА.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ то время, когда распри князей за удѣлы прекратились усиліями московскихъ великихъ князей, когда спало татарское иго, когда, наконецъ, угасала послѣдняя искра свободы земледѣльческаго сословія,—организующая и объединяющая политика московскихъ великихъ князей, превращавшихся мало по малу въ единодержавныхъ Государей всей Руси, создаетъ рядъ центральныхъ учрежденій—приказовъ, изъ коихъ одни должны были имѣть постоянное существованіе, другіе же, будучи вызваны не постоянными потребностями, учреждались на время. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и т. наз. Разбойный приказъ, образовавшійся, какъ показываетъ и самое названіе, для преслѣдованія разбоевъ, которые усилились въ XII ст. вслѣдствіе недостатковъ областнаго управленія и сильнаго развитія начала рабства и крѣпости. Результатъ его дѣятельности въ цѣлое столѣтіе (отъ половины XVI до половины XVII ст.)—его Уставная книга,—составляетъ предметъ нашего изслѣдованія.

Уставной книги издано три списка: одинъ, неполный, княземъ Оболенскимъ въ 1841 году, подъ заг. «Уголовные Законы Царя и Великаго князя Іоанна IV Васильевича»; второй—въ актахъ Арх. Эксп. т. II, подъ № 225, тоже неполный, и третій, болѣе полный, въ Акт. Историч. т. III, подъ № 167. Всѣ три списка относятся къ XVII ст.

Не смотря на важность изслѣдованія слѣдственнаго процесса для изученія исторіи русскаго права, Уставная книга Разбойнаго Приказа, главный памятникъ, въ которомъ мы находимъ постановленія о немъ до Соборнаго уложенія, до сихъ поръ еще не изслѣдована. Во многихъ сочиненіяхъ по исторіи русскаго права на нее встрѣчаются ссылки, а нѣтъ ни слова о томъ, что это за памятникъ, и какое онъ имѣетъ

значеніе. Надо замѣтить, что на эти вопросы еще нельзя дать вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта, потому что памятники, служащіе главнымъ пособіемъ для изслѣдованія Уст. Кн. Разб. Прик.— каковы судебники и губныя грамоты, не вполнѣ разработаны; да и самая дѣятельность нашихъ приказовъ, ихъ составъ и предметы вѣдомства, мало опредѣлены. Вотъ почему найденное нами въ сочиненіи г. Калачова: «объ Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича» болѣе полное замѣчаніе объ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, высказанной имъ въ формѣ ряда предположеній: «бояре (которымъ приказаны были разбойныя дѣла), составляя коллегіальное правленіе, руководствовались при исправленіи своей должности такъ называемымъ Разбойнымъ Уставомъ, котораго начало, по всей вѣроятности, относится ко временамъ Іоанна IV. По крайней мѣрѣ при этомъ Государѣ была уже извѣстна Уставная Книга Разбойнаго Приказа, которая и хранилась въ немъ за подписью дьяковъ Василья Щелкалова и Мясоѣда Вислаго. Въ случаяхъ сомнительныхъ бояре спрашивали разрѣшенія Государя, но, кажется, не прямо, а чрезъ Боярскую Думу. Приговоръ думныхъ бояръ записывался также въ Уставную Книгу, отчего всѣ ея списки, доселѣ извѣстные, вмѣстѣ съ первоначальнымъ текстомъ, содержатъ въ себѣ и позднѣйшія дополненія, которыя частію объясняютъ прежнія статьи, частію измѣняютъ ихъ содержаніе (1). Въ предисловіи къ изданному Княземъ Оболенскимъ списку Уставной Книги говорится, что «Уставъ о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ былъ внесенъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ особую уставную книгу, которая была подписана дьякомъ Васильемъ Щелкаловымъ, Мясоѣдомъ Висльмъ и хранилась въ Разбойномъ Приказѣ. При царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ сіи уголовные законы были частію пополнены, а частію измѣнены боярскими приговорами, дававшимися въ Разбойный Приказъ». Изъ этихъ замѣтокъ объ Уст. Кн., изъ которыхъ первая высказана мимоходомъ, трудно сдѣлать опредѣленное заключеніе. Провѣрить ихъ и пополнить составляетъ цѣль нашего введенія.

Князь Оболенскій и г. Калачовъ признаютъ, какъ мы видѣли, первоначальный уставъ о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ, внесенный въ Уставную Книгу при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, который и составляетъ ея первоначальный текстъ; поэтому при изслѣдованіи книги необходимо постараться отдѣлить этотъ первоначальный текстъ отъ прибавокъ и измѣненій, сдѣланныхъ въ послѣдующія царствованія до изданія уложенія царя Алексѣя Михайловича. Надо сознаться, что попытки къ подобному расчлененію постановленій книги врядъ-ли приведутъ къ какимъ нибудь положительнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что многія постановленія, находившіяся въ кн. Разб. Пр. XVI ст., въ XVII ст. были исключены изъ нея и замѣнены позднѣйшими, какъ мы увидимъ ниже; собрать ихъ изъ изданныхъ матеріаловъ нѣтъ возможности, губныя же грамоты, кромѣ того, что содержатъ въ себѣ многія,

(1) Юрид. Зак. Рѣдкина, т. II, стр. 378.

чисто мѣстныя постановленія, чего въ Книгѣ, какъ общемъ уставѣ, быть не могло и дѣйствительно не было, съ одной стороны не заключали всѣхъ ея узаконеній и съ другой—были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полнѣе ея, такъ что и этимъ путемъ нельзя добиться до точныхъ данныхъ. Правда, всѣ отпечатанныя губныя грамоты представляются написанными какъ бы по одному образцу ([2]), и это обстоятельство наводитъ на мысль, что подкладкою для нихъ служилъ внесенный въ Уставную Книгу первоначальный разбойный уставъ, но дѣло въ томъ, что на основаніи этого мы не можемъ еще сказать, что то и то принадлежитъ къ древнѣйшему тексту, а то къ позднѣйшимъ прибавкамъ, если принять въ соображеніе только что высказанное нами положеніе о содержаніи губныхъ грамотъ.

Кромѣ этого, безспорно важнѣйшаго вопроса, по отношенію къ Уст. Кн. Разб. Пр., слѣдуетъ обратить вниманіе еще на слѣдующіе:

1) на значеніе ея для Разбойнаго приказа и подвѣдомыхъ ему учрежденій;

2) на время и мѣсто ея составленія;

3) на систему и источники, изъ которыхъ она составилась, и, наконецъ,—

4) расмотрѣть вкратцѣ ея содержаніе и на этомъ основаніи опредѣлить порядокъ изслѣдованія.

§ 1. Обращаясь къ первому вопросу,—о значеніи Уст. Кн. Разб. Пр., мы имѣемъ положительныя свидѣтельства источниковъ, что она не есть частный сборникъ законовъ, относящихся до разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ, но оффиціальный уставъ, служившій руководствомъ въ Разбойномъ Приказѣ и подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ, составленный въ XVI ст. по повелѣнію Царя Ивана Васильевича, и въ XVII—Михаила Ѳедоровича. Изъ нея Разбойный приказъ дѣлалъ выписки и ссылки въ сношеніяхъ своихъ съ другими приказами, напр. Земскимъ, съ которымъ онъ долженъ былъ приходить въ столкновеніе чаще, чѣмъ съ другими, потому что послѣдній вѣдалъ тѣ же самыя дѣла въ Москвѣ и ея уѣздѣ, какія поручены были Разбойному приказу на пространствѣ всего остальнаго Государства ([3]). Кромѣ того, изданные списки Уставной Книги находились не въ самомъ Разбойномъ Приказѣ, а въ областныхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ; такъ что можно думать, что Уставная Книга выдавалась при губныхъ наказахъ губнымъ старостамъ или высылалась тѣмъ органамъ общественной власти, на которыхъ возложены были обязанности первыхъ; такъ, списокъ книги изданный Кн. Оболенскимъ, списанъ былъ для чарондскихъ губныхъ старостъ въ то время, когда царь Михаилъ Ѳедоровичъ под-

---

([2]) См. ст. г. Ерлыкова. Сличенный текстъ всѣхъ доселѣ напечатанныхъ губныхъ грамотъ XVI и XVII вѣка въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. при Моск. Университ. 1846 г. № 2.

([3]) А. И. III, № 92, VI.

твердилъ Чарондской округѣ губную грамоту Царя Ѳедора Ивановича, а списокъ, отпечатанный въ III т. Акт. Ист., найденъ въ Казани, куда былъ присланъ изъ Разбойнаго приказа для руководства воеводамъ при производствѣ ими слѣдствія и суда надъ вѣдомыми лихими людьми, и записанъ въ воеводскомъ приказѣ слѣдующимъ образомъ: «Списокъ съ списка съ Уставной Книги слово въ слово, каковъ присланъ къ боярину и воеводамъ къ Ивану Васильевичу Морозову, къ Князю Никитѣ Гагарину, къ діакомъ къ Микифору Талызину и къ Леонтію Полуехтову въ 146 (1638) году февраля въ 7 день (4). Пользоваться уставною Книгою при отправленіи слѣдствія и суда было совершенно необходимо уже потому, что губныя грамоты, доставлявшія жителямъ извѣстнаго округа привилегію собственнаго преслѣдованія вѣдомыхъ разбойниковъ и татей, при подтвержденіи ихъ преемниками даровавшаго ихъ Государя переписывались слово въ слово на его имя, а потому въ нихъ входили и всѣ тѣ постановленія, которыя въ то время были уже измѣнены или отмѣнены; съ другой стороны въ нихъ не было новыхъ законовъ, между тѣмъ какъ въ Уставной Книгѣ, рядомъ съ старыми, отжившими постановленіями, находимъ и всѣ позднѣйшія распоряженія по тому или другому предмету.— Такимъ образомъ Уставную Книгу Разбойнаго Приказа должно разсматривать, какъ оффиціальный Уставъ о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ, служившій до Соборнаго уложенія руководствомъ для тѣхъ органовъ правительства, которымъ эти дѣла были поручены.

§ 2. Что касается до времени, къ которому относится Уставная Книга Разбойнаго Приказа, то прежде всего должно замѣтить, что было бы совершенно невѣрно опредѣлять точный годъ ея составленія; она не возникла вдругъ изъ готоваго уже матеріала, но составлялась постепенно, мало по малу, по мѣрѣ изданія тѣхъ или другихъ постановленій, касающихся предметовъ вѣдомства Разбойнаго приказа или производства слѣдствія и суда. Въ этомъ отношеніи будетъ вѣрнѣе разсматривать Уставную Книгу по двумъ періодамъ времени существованія Разбойнаго приказа: отъ его открытія вѣроятно въ 1539 году до междоцарствія, и отъ воцаренія Михаила Ѳедоровича до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Въ смутное время Разбойный приказъ самъ собою, безъ всякаго законодательнаго распоряженія, упразднился, и хотя Земскою Думою въ 1611 году повелѣно было, вслѣдствіе увеличенія грабежей и разбоевъ, возстановить его, но нѣтъ извѣстій о томъ, чтобы это повелѣніе было исполнено. Во всякомъ случаѣ есть основаніе думать, что до Михаила Ѳедоровича Разбойный приказъ не возстановлялся. Вслѣдствіе этого обстоятельства, т. е. временнаго закрытія приказа, Уставная Книга имѣла двѣ редакціи: до т. наз. Московскаго разоренія и послѣ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, на что прямо указывается и въ тѣхъ источникахъ, въ которыхъ находится указаніе на Уставную Книгу, и въ самомъ ея заглавіи (извѣстномъ

(4) А. И. V, въ поправк. и дополн. къ № 167 т. III тѣхъ же Актовъ.

изъ сборника Царскаго): «Списокъ съ Уставной Книги блаженные памяти Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, какова была въ Разбойномъ Приказѣ до Московскаго разоренія, за приписью дьяковъ Василья Щелкалова, Мясоѣда Вислова, а послѣ московскаго разоренія сдѣлали тое книгу діакъ Третьякъ Корсаковъ да подъячей Микита Посниковъ».—Въ дополнительномъ указѣ къ судебнику 5 авг. 1624 года сохранилось извѣстіе о времени, съ котораго началось составленіе обѣихъ книгъ; а именно относительно первой, т. е. находившейся въ Разбойномъ приказѣ до Московскаго разоренія, сказано, что она была въ немъ уже въ 1556 году: «въ Розбойномъ приказѣ въ Указной Книгѣ, лѣта 7064 году, написано.... Кажется подъ этимъ 1556 годомъ должно разумѣть тотъ именно годъ, въ который изошло отъ Царя Ивана Васильевича повелѣніе о составленіи Книги, а не время изданія указа о томъ предметѣ, о которомъ въ данномъ случаѣ Замскій Приказъ требовалъ справки у Разбойнаго приказа, потому что при отдѣльныхъ статьяхъ книги необозначался годъ изданія указовъ, изъ которыхъ онѣ заимствованы. Въ томъ же самомъ указѣ 5 авг. 1624 г. есть указаніе и на время составленія второй книги: «да въ Книгѣ жъ указано, какова по Государеву Указу въ прошломъ во 125 году въ Розрядѣ писана».... Къ этому 1617 году можно приблизительно отнести и открытіе самого Разбойнаго приказа, вотъ почему его Уставная Книга была составлена въ Разрядѣ. Извѣстіе о составленіи Уставной Книги для Разбойнаго приказа въ Разрядѣ не означаетъ, чтобы первый находился къ послѣднему, въ подчиненномъ отношеніи, но вѣроятно его бумаги, по закрытіи въ смутное время, были переданы въ Разрядъ, поэтому Михаилъ Ѳедоровичъ и далъ ему повелѣніе вновь составить Уставную Книгу для вновь открывавшагося Разбойнаго приказа. Это составленіе состояло только въ томъ, что были списаны постановленія первой книги и пополнены изъ находившагося въ ней же самой матеріала, при чемъ даже не всѣ отмѣненныя статьи были исключены изъ нея. Вмѣстѣ съ этою вновь составленною Уставною Книгою, изъ Разряда въ Разбойный приказъ была передана и первоначальная, изъ которой послѣдній продолжалъ дѣлать выписки въ сношеніяхъ съ другими приказами ([5]), но по всей вѣроятности она уже не имѣла болѣе значенія. Изъ того, что въ 1617 году Уставная Книга Разбойнаго Приказа была составлена въ Разрядѣ, можно было заключить, что въ него, какъ въ учрежденіе, вѣдавшее главнымъ образомъ дѣла о службѣ, поступали всѣ дѣла по закрытіи какого нибудь изъ центральныхъ учрежденій, и что на него же возлагалась обязанность составлять уставы для вновь открывавшихся, но для повѣрки этого предположенія нѣтъ другихъ данныхъ, кромѣ приведеннаго случая. О мѣстѣ составленія первой книги въ источникахъ нѣтъ извѣстій, но, кажется, это былъ

([5]) А. И. III, № 92, VI.

Разбойный Приказъ, что будетъ видно при разсмотрѣніи системы нашего памятника.

Гг. Редакторы актовъ относятъ выписку Уст. Кн. Разб. Пр., помѣщенную въ Акт. Арх. Экспедиціи, ко времени послѣ 1605 года, къ которому приблизительно можно пріурочить послѣднее, находящееся въ ней постановленіе, а выписку въ Актахъ Историческихъ, на томъ же основаніи, къ 31 августа 1631 года. Кажется вѣрнѣе будетъ послѣднюю книгу, составленную въ Разрядѣ, отмѣтить промежуткомъ времени отъ 1617 г. до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, съ изданіемъ котораго, какъ общаго законодательнаго кодекса, отдѣльные спеціальные уставы должны были прекратиться.

§ 3. Источники Уставной Книги Разбойнаго Приказа суть приговоры боярской Думы по дѣламъ татинымъ и разбойнымъ, на что прямо указываютъ нѣкоторыя ея статьи, напр. 15 и 18, первоначальный же, внесенный въ Книгу при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Разбойный Уставъ трудно, какъ мы уже сказали, отдѣлить отъ позднѣйшихъ прибавокъ. Можно думать, что его составляютъ первыя 8 статей, другія же постановленія перемѣшаны съ позднѣйшими прибавленіями и многія, впослѣдствіи измѣненныя, выброшены; тѣмъ болѣе трудно сказать что нибудь положительное о томъ, какъ составился этотъ первоначальный разбойный уставъ. По характеру постановленій Книги можно однакожъ заключить, что происхожденіе ихъ одно и тоже, т. е. что всѣ они суть боярскіе приговоры. Такимъ образомъ Уставная Книга Разбойнаго Приказа есть сборникъ указовъ по дѣламъ татинымъ и разбойнымъ, на что, замѣтимъ мимоходомъ, указываетъ и самое ея названіе—Указная Книга (6), сборникъ, наполнявшійся по мѣрѣ изданія указовъ, поэтому въ немъ нечего искать внутренней системы. Въ Книгѣ могла быть только внѣшняя система, и именно хронологическая, т. е. указы должны были слѣдовать въ ней одинъ за другимъ въ порядкѣ времени ихъ изданія. Въ первой книгѣ, находившейся въ Разбойномъ приказѣ до его закрытія въ междоцарствіе, такъ вѣроятно и было, т. е. въ нее былъ внесенъ сперва первоначальный разбойный уставъ, и за тѣмъ указы Разбойному приказу приписывались къ нему въ хронологическомъ порядкѣ. Въ Книгѣ, составленной въ 1617 году, ясно различаются двѣ части: 72 статьи текста и за ними 8 боярскихъ приговоровъ, изданныхъ отъ 1624 года до 1631 включительно. Изъ этихъ приговоровъ два: 15 января 1628 года и 21 ноября 1629 года, относятся къ судимымъ дѣламъ; но они помѣщены въ Книгу только для тѣхъ городовъ, которые были приписаны къ Разбойному приказу, какъ это въ одномъ изъ нихъ и высказано: «а въ городѣхъ, которые по Государеву указу вѣдаютъ въ Розбойномъ Приказѣ, съ прежняго и съ сего статейнаго списка указалъ Государь послать свои Государевы грамоты, съ росписми, къ

(6) А. И. III, № 92, VI. Въ самой книгѣ она называется то Уставною Книгою, о Уложеніемъ, отдѣльныя же статьи носятъ названіе главъ.

воеводамъ и къ приказнымъ людемъ, чтобъ тотъ Государевъ указъ и въ городѣхъ былъ вѣдомъ.» Изъ этого можно заключить, что по общему правилу въ книгу должны были входить только тѣ приговоры боярской думы, которые касались вѣдомства Разбойнаго приказа. Всѣ эти боярскіе приговоры мы находимъ въ книгѣ цѣликомъ, въ хронологическомъ порядкѣ, въ размѣщеніи же отдѣльныхъ постановленій, эта система не соблюдена, такъ что нѣкоторыя позднѣйшія находятся передъ прежде изданными (7). Такое отступленіе отъ хронологической системы можно объяснить себѣ тѣмъ, что при вторичномъ составленіи Книги въ Разрядѣ въ 1617 году нѣкоторыя изъ ея статей, отмѣненныя или измѣненныя позднѣйшими узаконеніями, были изъ нея выброшены и на ихъ мѣсто поставлены послѣднія, чрезъ что хронологическій порядокъ необходимо долженъ былъ нарушиться; такъ напр. въ прежней книгѣ находилось слѣдующее постановленіе: «которые люди передъ старостами ищутъ на разбойникахъ и на татехъ на вѣдомыхъ, а учнутъ о тѣхъ своихъ искѣхъ съ тѣми людми, на комъ ищутъ, старостамъ миръ являти, и старостамъ тѣмъ истцомъ въ тѣхъ искѣхъ мириться не велѣти, а про тѣхъ людей, на комъ ищутъ, доводити по суду и по обыску для земскихъ дѣлъ, чтобъ лихихъ вывести» (8), вмѣсто котораго въ Уставной Книгѣ XVII ст., въ ст. 41, находимъ слѣдующее: «которые истцы съ розбойники или съ приводными людми съ поличнымъ, въ розбойныхъ дѣлѣхъ не дожидаясь Указу, учнутъ мириться, и мировые челобитные въ Приказъ учнутъ приносить, и тотъ ихъ миръ не въ миръ ставить и розбойникомъ указъ чинить по Государеву указу, кто чего доведется; а истцомъ за то пеня чинить, смотря по дѣлу, не мирись съ розбойники».

Не всѣ, однакожъ, отмѣненныя или измѣненныя постановленія первоначальной Книги были исключены при ея редакціи въ 1617 году; нѣкоторыя изъ нихъ остались, такова напр. ст. 6 и 8, 17 и 18. Вообще должно замѣтить, что редакція Книги очень неисправна; особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ ней мы находимъ и такія прибавленія къ статьямъ, которыя не имѣютъ по своей формѣ значенія законодательныхъ постановленій, а только, повидимому, указываютъ на пробѣлы и недостатки тѣхъ статей, къ которымъ онѣ присоединены, или за которыми непосредственно слѣдуютъ. Такъ къ ст. 14, гдѣ говорится объ укрывательствѣ боярскими дѣтьми, дворянами и приказными людьми принадлежащихъ имъ крестьянъ, оговоренныхъ языками въ разбоѣ и татьбѣ, прибавлено: «а про самихъ дворянъ и приказныхъ людей и про дѣтей боярскихъ въ Уставной Книгѣ имянно не написано, и отъ нихъ воровъ ничѣмъ не отведены»; или слѣдующая ст. за ст. 47, въ которой идетъ рѣчь о вознагражденіи владѣльцевъ за ихъ убитыхъ людей: «а дворянскимъ и дѣтѣмъ боярскимъ убитымъ

(7) См. напр. ст. 43 и 45.
(8) А. И. III, № 92, VI.

головамъ Указу не было». Можно бы думать, что въ нихъ содержится указаніе какимъ образомъ должна въ данныхъ случаяхъ поступать практика; именно, что относительно дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ людей сохраняютъ свою силу общія постановленія. Но такое заключеніе, если принять во вниманіе другія статьи памятника, будетъ, кажется не совсѣмъ справедливо. Съ 61 ст. до 72 включит. идетъ непрерывный рядъ статей, содержащихъ въ себѣ одинъ только вопросъ. Эти статьи отчасти имѣютъ тотъ же характеръ, какъ и вышеприведенная прибавка къ ст. 14 и статья 48, отчасти представляются возникшими изъ частныхъ случаевъ, на что указываетъ ихъ чисто спеціальный характеръ, какъ напр. ст. 66. При этомъ тѣ статьи Книги, которыя оказывались неполными или неточными и поэтому требовали дополненія, снова выписывались; такъ, ст. 63 есть буквальное повтореніе ст. 19: «въ прежнемъ Уложенье написано: на которыхъ людей языки говорятъ съ первые и съ другіе пытки, а съ третьей пытки и къ казни идучи учнутъ сговаривати, и тому ихъ сговору вѣрить не велѣно», и слѣдующая 64 ст. служитъ указаніемъ на то, что въ ней должно быть пополнено: «а на которыхъ людей языки говорятъ въ розпросѣ и съ первые пытки, а съ другіе и съ третіе учнутъ зговаривати и тому изговору вѣрить или невѣрить, того въ Уложеньи не написано»; или ст. 7 повторена въ 70: «Въ прежнемъ Уложенье написано: будетъ въ той половинѣ болши обыскныхъ людей, которые назовутъ ково лихимъ человѣкомъ, человѣкъ 15 или 20, и той половинѣ и вѣрить и тово человѣка пытати накрѣпко»; 71 ст. ставитъ обратное положеніе: «а будетъ обыскныхъ людей болши въ той половинѣ, которые одобрятъ, и про то не написано что учинить.» Эти вопросы, поставленные въ Книгѣ, какъ ея отдѣльныя статьи, и вышеприведенныя прибавки къ другимъ статьямъ, не имѣя положительнаго значенія, очень хорошо указываютъ на составителей Книги—дьяковъ Разбойнаго приказа,—и на степень ихъ участія въ развитіи законодательства по дѣламъ лихимъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ статьи Книги образовались тѣмъ же путемъ, какимъ шло все законодательство того времени, т. е. путемъ частнымъ, отъ конкретныхъ случаевъ, вызывавшихъ то или другое постановленіе, поэтому законодательныя опредѣленія были неполны, такъ какъ они были разсчитаны на данный именно случай и предвидѣли только данныя обстоятельства; всѣ же случаи, которые тою или другою стороною не подходили подъ извѣстныя опредѣленія законодательства, или которыхъ по какимъ нибудь другимъ причинамъ рѣшить было не мочно, шли на докладъ къ Государю или непосредственно, или чрезъ то центральное мѣсто, въ вѣдомствѣ котораго состояло то или другое областное учрежденіе. Въ обоихъ случаяхъ до доклада Государю дѣло разсматривалось въ боярской Думѣ, изъ которой, послѣ доклада Государю, исходилъ рѣшавшій его указъ, вносившійся въ Разбойномъ приказѣ въ Уставную Книгу. Даже и въ томъ случаѣ, когда сомнѣніе въ рѣшеніи дѣла со стороны того или другаго областнаго начальника было неосновательно, потому что данный случай совершенно подходилъ подъ существующій законъ,

оно все-таки разсматривалось въ боярской Думѣ и издавалось новое постановленіе, что видно и изъ Уставной Книги; такъ напр. 23 марта 1629 года костромской воевода Андрей Голубовскій испрашивалъ разрѣшенія, какимъ образомъ поступать съ лицами, оговоренными разбойникомъ Ваською Щербакомъ, который уже нѣсколько лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и въ первый годъ своего заключенія ничего не говорилъ на нихъ. Въ ст. 43 Уставной Книги такіе случаи разрѣшены совершенно ясно (*), но все-таки послѣдовало новое рѣшеніе. Такимъ образомъ, если бы всѣ эти вопросы, которые находимъ въ Книгѣ, были не болѣе, какъ обобщенія встрѣтившихся на практикѣ случаевъ, какъ они обыкновенно шли на докладъ, если поступали въ боярскую Думу не прямо, а чрезъ какой нибудь приказъ, то мы непремѣнно нашли бы въ ней и рѣшенія всѣхъ ихъ, а этого нѣтъ; притомъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ прямо указано, изъ какого именно постановленія они вытекаютъ, поэтому должно заключить, что ихъ источники—нечастные случаи, а неполнота и неточность самихъ постановленій Книги, и на этомъ основаніи признать, что многія изъ нихъ образовались такимъ образомъ: дьяки, которымъ поручена была въ Разбойномъ приказѣ письменная часть и вѣроятно составленіе Уставной Книги, записывая въ нее тотъ или другой боярскій приговоръ, легко могли замѣтить его неполноту или неточность, которую и отмѣчали тутъ же, въ самой статьѣ, или ставили отдѣльную статью; боринъ, которому приказаны были разбойныя дѣла, вносилъ объ этомъ въ Думу, и такимъ образомъ являлся новый законъ, который также записывался въ Книгу, напр. ст. 15. Правда, не всѣ такія отмѣтки дьяковъ вызывали новыя постановленія, что происходило можетъ быть отъ случайныхъ причинъ, но это-то обстоятельство и даетъ намъ поводъ заключать, что дьяки играли въ составленіи Книги не одну пассивную роль—переписчиковъ въ нее царскихъ указовъ, а имѣли значеніе болѣе важное: они вызывали законодательную дѣятельность посредствомъ указанія на то, чего недостаетъ для полноты и точности тѣхъ или другихъ постановленій, указывали на такіе случаи, которые могли встрѣтиться на практикѣ и произвести затрудненіе.

§ 4. По содержанію Уставная Книга Разбойнаго Приказа распадается на двѣ части; въ ней мы находимъ статьи, содержащія общія опредѣленія предметовъ вѣдомства губныхъ учрежденій, и затѣмъ статьи, относящіяся до судопроизводства и судоустройства; впрочемъ въ подробностяхъ судоустройство опредѣляется не уставною книгою, а губными грамотами и наказами; въ ней же находимъ только самыя общія постановленія На основаніи этой двойствен-

(*) А при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ всеа Русіи далъ въ Розбойной Приказъ боярской приговоръ: которые тати или розбойники сидятъ въ тюрмѣ годы два или три, и на которыхъ людей, съ пытокъ, въ первомъ году не говорили, а въ другомъ или въ третьемъ году учнутъ говорити, и тому не вѣрити.

ности содержанія книги и наше изслѣдованіе распадается на двѣ главы: 1) о лихомъ дѣлѣ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, при чемъ мы постараемся опредѣлить, какія именно дѣйствія считались лихими въ этотъ періодъ времени, чтобы яснѣе обозначить ту часть ихъ, преслѣдованіе которой возложено было на Разбойный Приказъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ намъ нельзя будетъ ограничиться только одною Уставною Книгою и губными грамотами, а придется обратиться и къ другимъ источникамъ, изъ которыхъ важнѣйшіе суть Судебники, уставныя и судныя грамоты.—2) Во второй главѣ займемся разсмотрѣніемъ судоустройства и судопроизводства для дѣлъ лихихъ, при чемъ также будемъ обращаться, кромѣ губныхъ грамотъ, къ Судебникамъ и другимъ памятникамъ. Такъ какъ почти всѣ постановленія Уставной Книги Разбойнаго Приказа перешли въ XXI гл. Уложенія царя Алексѣя Михайловича, которая на этомъ основаніи представляется какъ бы послѣднею редакціею Книги, то въ 3-й главѣ мы сдѣлаемъ краткій очеркъ измѣненій, произведенныхъ Уложеніемъ въ предметахъ вѣдомства Разбойнаго приказа и въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ по лихимъ дѣламъ.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ первой главѣ, мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку: въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ ссылаться только на ту выписку Уставной Книги, которая помѣщена въ III Т. Ак. Ист., какъ мы дѣлали и до сихъ поръ, такъ какъ въ выпискѣ, издан. Кн. Оболенскимъ, недостаетъ тѣхъ восьми боярскихъ приговоровъ, которые находимъ въ первой, а въ выпискѣ въ Ак. Арх. Экси., кромѣ того, что нѣтъ упомянутыхъ приговоровъ и ст. отъ 68 до 72 вкл., замѣчается пропускъ на стр. 391 отъ словъ: «а давати въ нихъ иски оцѣня розбой». до: «старосты у дѣла быти по выборомъ сотныхъ людей» что соотвѣтствуетъ окончанію 44 статьи и ст. отъ 45 до 56 вкл. выписки Ак. Ист. Далѣе, изъ всѣхъ трехъ выписокъ только послѣдняя, т. е. находящаяся въ Ак. Ист., разбита на 72 ст., что представляетъ большое удобство для ссылокъ на нее при изслѣдованіи. Этому обстоятельству, т. е. разбивкѣ Книги на статьи, мы не придаемъ большаго значенія, такъ какъ изъ него нельзя сдѣлать заключенія о системѣ Книги, потому что не всѣ ея списки представляются въ такомъ видѣ, и нельзя дать себѣ отчета, почему такое-то постановленіе составляетъ отдѣльную статью, а не соединено въ одну съ предыдущими или послѣдующими, и наоборотъ; поэтому должно заключить, что постановленія Книги перенумеровывались по усмотрѣнію дьяковъ, только для удобства при ея употребленіи, и при томъ не въ самомъ Разбойномъ приказѣ, а въ какомъ нибудь изъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій, потому что въ противномъ случаѣ мы имѣли бы всѣ ея выписки разбитыми на статьи. Наконецъ мы не вправѣ были бы ограничиться въ нашемъ изслѣдованіи только одною выпискою Ак. Ист., если бы ея постановленія чѣмъ нибудь разнились по содержанію отъ постановленій двухъ другихъ, или даже если бы не былъ соблюденъ въ нихъ одинъ и

тотъ же порядокъ размѣщенія статей; но и то и другое во всѣхъ трехъ совершенно одинаково.

ГЛАВА I.

О лихомъ дѣлѣ и наказаніи за него до Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

При изложеніи понятія и объема лихаго дѣла въ періодъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, прежде всего замѣтимъ, что съ точки зрѣнія теоріи весьма важно было бы сказать о томъ, что разумѣлось въ этомъ періодѣ времени подъ преступленіемъ, лихимъ дѣломъ, и на основаніи этого провести границу между понятіемъ преступленія и гражданскаго правонарушенія. Но съ бытовой точки зрѣнія не для чего трудиться надъ этимъ вопросомъ, хорошо разработаннымъ во многихъ изслѣдованіяхъ, напр. въ сочиненіи профессора Чебышева-Дмитріева: «О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву», потому что въ дѣйствительной жизни преступленія и гражданскія правонарушенія не различались не только при полномъ господствѣ въ обществѣ частнаго права, но даже и въ позднѣйшее время, при значительномъ развитіи государства. Въ самомъ дѣлѣ, только продолжавшимся въ обществѣ старинnымъ воззрѣніемъ на претсупленія, какъ на обиды, и можно объяснить себѣ напр. такія явленія, какъ заключеніе мировыхъ съ преступниками во время самаго процесса не только въ древнѣйшее время, но даже и въ XVII ст., когда государственныя начала представляются уже значительно развитыми; или недоставленіе преступниковъ въ руки Правительства вслѣдствіе заключенія съ ними частныхъ сдѣлокъ. Этому не противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что уже въ XIV ст. нѣкоторыя дѣянія обратили на себя особое вниманіе общественной власти и выдвинулись изъ общей суммы правонарушеній въ томъ отношеніи, что стали вѣдаться судомъ самого князя, каковы разбой безъ всякой свады, конокрадство и поджигательство ([10]),—потому что все-таки на волю общества предоставлено было выдать или не выдать преступника на судъ общественной власти. Съ возвышеніемъ княжеской власти и шедшаго на ряду съ нимъ упадка автократіи и автономіи общинъ, разбой, татьба вообще и въ особенности съ поличнымъ, и смертоубійство большею частію стали подсудны однимъ высшимъ област-

([10]) Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій изд. Калачовъ Москва 1847. Сп. Троицкій ст. 5, 30, 70. Сводъ мнѣній о томъ, что должно разумѣть подъ разбоемъ безъ всякой свады, См. у Чеб. Дмитр. О преступ. дѣйств. по руск. до-петр. праву стр 71—73. Въ учен. Зап. Казанск. Универ. 1862 г. выпускъ I.

нымъ натальникамъ—намѣстникамъ, представителямъ князя въ управляемой ими области. Но намѣстничье управленіе оказалось для управляемыхъ весьма тягостнымъ, такъ какъ заботы ихъ почти исключительно устремлены были на извлеченіе возможно большаго количества своихъ кормовъ, попеченія же о благосостояніи и внутренней безопасности управляемыхъ ими областей уходили на задній планъ (11), то естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ явилось желаніе жителей освободиться отъ нихъ, для чего средствомъ послужило испрашиваніе у князей жалованныхъ грамотъ. Изъ нихъ очень хорошо видно, что и сами князья уже сознавали несостоятельность господства въ управленіи частныхъ началъ на ряду съ возникавшими государственными, но не могли еще дать ему новой организаціи, соотвѣтствующей новымъ потребностямъ.

Жалованными грамотами не только цѣлыя общины, но даже и отдѣльныя лица были освобождены отъ суда областныхъ правителей по всѣмъ вообще дѣламъ, за исключеніемъ обыкновенно разбоя, татьбы и душегубства. Изъятіе этихъ трехъ преступленій изъ подсудности намѣстниковъ было уже особой привилегіей, которую князья чаще всего давали духовенству, при чемъ душегубство было выдѣляемо изъ области намѣстничьяго суда гораздо рѣже двухъ другихъ упомянутыхъ преступленій (12).

Уставныя грамоты, стремившіяся оградить жителей отъ произвола областныхъ начальниковъ путемъ точнаго опредѣленія количества ихъ кормовъ и поборовъ и установленія правилъ, которыми они должны были руководствоваться на своемъ судѣ, въ большинствѣ случаевъ изъемлютъ дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ изъ подсудности низшихъ областныхъ правителей въ пользу намѣстниковъ (13). Однако за общее правило предоставленія исключительному намѣстничьему суду упомянутыхъ трехъ преступленій считать нельзя, какъ дѣлаютъ нап. гг. Чичеринъ и Дмитріевъ; во многихъ памятникахъ этого періода мы находимъ противное. Такъ, жалованною грамотою великаго князя Василія Васильевича Ивану Путелину 1450 г. татьба съ поличнымъ, разбой и душегубство предоставлены суду волостелей и ихъ тіуновъ (14). На основаніи Уставной Грамоты Дмитровскаго князя Юрія Ивановича Каменскаго стана бобровникамъ 1509 г. вѣдомые тати и убійцы судятся ловчимъ (15). Судъ по этимъ преступленіямъ исключался изъ вѣдомства намѣстниковъ не только въ пользу низшихъ правителей, но и въ пользу духовенства; такъ, по жалованной грамотѣ Отрочу монастырю, данной ему

---

(11) Н. Андреевскаго: О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. С. Петербургъ. 1864. Гл. I.

(12) А. И., I. №№ 2, 13, 14, 36, 49, 58, 106; А. Э. I, №№ 7, 9, 15, 34, 35, и др. Доп. къ А. И. I, №№ 2, 17, 44, II, № 7.

(13) А. А. Э. I, №№ 123, 143, 144, 181, 240, 324; А. И. I 137, и др.

(14) А. Э. I, № 46; см. еще т. же №№ 4, 41.

(15) А. Э. I, № 150.

въ половинѣ XIV ст. тверскими князьями, судъ надъ татями, разбойниками и душегубцами предоставленъ монастырскому тіуну; или пожалованной же грамотѣ Срѣтенскому монастырю въ XV ст. татьба съ поличнымъ, разбой и душегубство судятся игуменьей ([16]).— Не смотря на приведенные примѣры изъятія дѣлъ о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ изъ подсудности намѣстникамъ, все-таки замѣтно стремленіе правительства предоставить эти дѣла въ ихъ исключительное вѣдомство. Поводъ къ этому г. Чичеринъ видитъ въ томъ, что преслѣдованіе этихъ преступленій было дѣломъ доходнымъ, составлявшимъ одну изъ самыхъ выгодныхъ статей кормленія ([17]). Невѣрность такого взгляда замѣчена г. Калачовымъ въ его рецензіи на приведенное сочиненіе г. Чичерина ([18]), и г. Чебышевымъ-Дмитріевымъ, въ изслѣдованіи о преступномъ дѣйствіи по Русскому до-петровскому праву ([19]). Г. Калачовъ говоритъ, что судъ не былъ только доходною статьею, но имѣлъ значеніе и общественной должности, и что князья отличали разбой, татьбу съ поличнымъ и смертоубійство, какъ дѣла особенной важности, а не какъ особенно доходныя. Г. Чебышевъ-Дмитріевъ, въ возраженіе на мнѣніе г. Чичерина, ставитъ два вопроса: «если, говоритъ онъ, преступленія въ глазахъ того времени были тождественны со всѣми другими правонарушеніями, то почему же душегубства, разбой и татьба сдѣлались особенно доходной статьей, а не гражданскія правонарушенія? или, если въ судѣ видѣли только кормленіе, доходъ, почему всѣ правонарушенія не сдѣлались доходнымъ дѣломъ?» Вслѣдствіе того, что въ судѣ въ древности рѣзко обозначалась только его финансовая сторона, только съ этой точки зрѣнія на него смотрѣли намѣстники, значеніе же его, какъ общественной должности, проявляется въ источникахъ весьма слабо, вслѣдъ за г. Чичеринымъ и г. Дмитріевъ проводитъ тотъ же самый взглядъ. Онъ говоритъ, что «хотя издревле дѣла уголовныя и исключались изъ вѣдомства низшихъ начальниковъ въ пользу однихъ намѣстниковъ, но причиною этого явленія было не желаніе сосредоточить ихъ въ однѣхъ рукахъ, вслѣдствіе особенной ихъ важности, а финансовый взглядъ на судъ и расправу: душегубецъ отдавался въ казнь и продажу, между тѣмъ какъ съ гражданскихъ дѣлъ платились только пошлины ([20]).» Но исключительно финансовый взглядъ на судъ и расправу имѣли только одни намѣстники; нельзя сказать того же самаго про князей, ясно сознававшихъ несостоятельность подобнаго воззрѣнія, чему доказательствомъ служитъ длинный рядъ жалованныхъ и уставныхъ грамотъ, ограничившихъ къ половинѣ XVI ст. намѣстниковъ до того, что въ ихъ рукахъ почти ничего не оставалось. Далѣе, за татьбу, разбой и смертоубійство въ памятникахъ

([16]) Ibid. №№ 5, 35.

([17]) Б. Чичеринъ: Областныя учрежденія Россіи въ XVI и XVII. в., стр 20.

([18]) Арх. Историч. свѣд. относ. до Россіи 1859.

([19]) Учен. Зап. Казан. Унив. 1862 г. вып. I стр. 123.

([20]) Ист. Суд. Инст. стр. 50.

положено высшее наказаніе, чѣмъ за всѣ другія правонарушенія, изъ чего уже видна ихъ важность, а потому о большей или меньшей доходности ихъ не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ опасность татьбы, разбоя и душегубства для общественнаго спокойствія является изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже въ XIV ст. судъ по нимъ принадлежитъ самому князю. Въ XVI вѣкѣ, съ значительнымъ развитіемъ единодержавія, намѣстничье управленіе, въ основѣ котораго лежали начала, противныя такому развитію, было уничтожено. Профессоръ Андреевскій говоритъ, что «само правительство признавало несостоятельность своихъ мѣстныхъ управителей, что намѣстническая должность отжила свое время, что существуетъ только по имени, и что потому должна быть уничтожена и замѣнена чѣмъ нибудь другимъ» —([21]). Съ постепеннымъ упадкомъ значенія общества выработывается мало-по-малу понятіе о лихихъ людяхъ, извѣстій о которыхъ до XIV ст. въ источникахъ не встрѣчается, потому что въ постановленіяхъ о нихъ въ то время не было надобности; но когда потребовалось отдѣлить область суда намѣстниковъ, во время упадка этой должности, отъ круга дѣлъ, изъятыхъ изъ ихъ подсудности, то въ уставныхъ грамотахъ и другихъ памятникахъ мы находимъ нѣкоторыя постановленія по тому или другому поводу и относительно лихихъ людей. Между ними различаются просто лихіе люди и вѣдомые; спрашивается, въ чемъ состоитъ это различіе, и что вообще должно разумѣть подъ лихимъ человѣкомъ? Установить различіе между простыми лихими людьми и вѣдомыми весьма важно въ томъ отношеніи, что тогда объяснится и самое основаніе установленія особой формы суда для послѣднихъ; но должно сказать, что это дѣло нелегкое. Въ большинствѣ изслѣдованій по исторіи русскаго права различіе между этими двумя видами лихихъ людей полагается въ народной молвѣ. Обыкновенно принимаютъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшалъ вопросъ голосъ общества, указывавшій на то или другое лицо, какъ на вѣдомаго человѣка, или одобрявшій его. По этому вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ признавался всякій, кто занимался извѣстными преступленіями, какъ промысломъ, потому что для того, чтобы народная молва направлена была противъ него, необходима была многократность дѣйствія, иначе трудно было бы получить всеобщую извѣстность. Общины должны были выдавать намѣстникамъ и другимъ областнымъ начальникамъ вѣдомыхъ лихихъ людей, и въ обыскѣ, даже безъ довода, лежалъ центръ тяжести всего судебнаго дѣла. Но съ XVI столѣтія повальный обыскъ мало-по-малу утрачивалъ свое прежнее значеніе; онъ уже не пользовался прежнимъ безусловнымъ довѣріемъ правительства. Значеніе его, какъ самаго важнаго доказательства въ дѣлахъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ, было подорвано: съ нимъ были сравнены и другія доказательства, именно поличное и даже язычная молка; такъ, въ Уст. Кн. Разб. Пр. по этому предмету мы находимъ слѣдующую ст.: на

([21]) И. Андреевскаго· О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. С. Петербургъ 1864, ст. 33.

которыхъ людей псцы бьютъ челомъ въ татбахъ и розбояхъ именно *безъ поличного*, и *безъ язычной молки* и *не по лихованнымъ обыскомъ*, и тѣхъ челобитчиковъ отсылати въ Судной Приказъ, гдѣ кто судимъ» (22). Изъ нея видно, что не одинъ повальный обыскъ, но и другія улики, каковы поличное и язычная молка, т. е. обвиненіе кого либо въ лихомъ дѣлѣ, учиненное преступникомъ съ пытки, служили для опредѣленія качества подсудимаго; поэтому должно принять, что вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ почитался всякій, противъ кого были представлены установленныя закономъ для производства дѣла розыскомъ улики въ его виновности. Слѣдовательно съ XVI ст. слово «вѣдомый» имѣетъ болѣе обширный смыслъ и служитъ для опредѣленія формы суда для подсудимаго на основаніи силы представленныхъ противъ него обвиненій.

Понятіе о лихихъ людяхъ выростало мало-по-малу. Первоначально въ его объемъ входили только тѣ лица, дѣйствія которыхъ наносили вредъ непосредственно обществу, потому что это понятіе вырабатывалось снизу, а не шло отъ правительства. И въ этомъ отношеніи замѣчается извѣстная постепенность; первоначально между лихими людьми мы встрѣчаемъ напр. только татей съ поличнымъ и душегубцевъ; потомъ къ нимъ прибавляются и другіе, такъ что, если бы изучить этотъ постепенный ростъ (къ чему еще нѣтъ полной возможности), то можно было бы представить себѣ довольно полную картину развитія преступленій въ древнемъ русскомъ обществѣ. Съ XV ст. развивающееся государство въ объемъ понятія лихаго дѣла внесло государственныя преступленія въ собственномъ смыслѣ, такъ что въ образованіи понятія лихаю дѣла являются уже два дѣятеля—общество и государство, и поэтому лихое дѣло можно разсматривать въ двухъ отдѣлахъ: общественное лихое дѣло и государственное. Въ первомъ отдѣлѣ представляются двѣ важнѣйшія группы: разбойное дѣло и дѣло татиное; но распредѣлить по группамъ всѣ преступленія перваго отдѣла довольно трудно, потому что во многихъ случаяхъ нельзя опредѣлить съ точностью, что именно должно понимать подъ тѣмъ или другимъ преступленіемъ. Преступленія втораго отдѣла сводятся къ общему понятію государственной измѣны.

I. § 1. Извѣстія о разбояхъ на Руси восходятъ въ памятникахъ къ самымъ древнимъ временамъ. Уже въ Русской Правдѣ для разбойника безъ всякой свады установленъ потокъ и разграбленіе (23); но до XV ст. разбои являются отдѣльными преступленіями; съ этого же времени, когда намѣстничій произволъ дошелъ до край-

(22) А. И. III, № 167 ст. 18.

(23) Профессоръ Чебышевъ-Дмитріевъ думаетъ, что и въ русской Правдѣ XIII ст. подъ разбоемъ безъ всякой свады разумѣлось то же самое, что и въ настоящее время понимаетъ подъ разбоемъ наше законодательство (о прест. дѣйств. по русск. до - петр. праву стр. 71—73). Въ позднѣйшее время, съ XV ст., подъ разбоемъ разумѣлись открытыя нападенія съ цѣлью грабежа, производимыя шайкою злодѣевъ.

нихъ предѣловъ, когда общины, подъ вліяніемъ развивающагося государства, стали измѣнять свой первоначальный характеръ, когда классъ земледѣльцевъ сталъ фактически закрѣпощаться за землевладѣльцами, разбои сдѣлались явленіемъ политическимъ: въ разбойничьи шайки укрывался всякій, кто не хотѣлъ потерять своей свободы. Мы видимъ, что съ XV ст. разбои все болѣе и болѣе увеличиваются, потому что въ обществѣ все болѣе и болѣе утверждается начало рабства, и въ XVI ст. доходитъ до такихъ страшныхъ размѣровъ, что даже жители городовъ не были безопасны отъ грабежей и убійствъ, совершаемыхъ открыто. Они должны были предпринимать противъ разбойниковъ различныя мѣры, не дававшія впрочемъ хорошихъ результатовъ: разбои не уменьшались; такъ напр. при Василіѣ Ивановичѣ были поставлены въ Новгородѣ по улицамъ рѣшетки и учреждены рѣшеточные сторожа, замѣненные при царѣ Иванѣ Васильевичѣ рѣшеточными прикащиками, которые обязаны были заботиться о прекращеніи грабежей и убійствъ ([24]). Разбойники стали составлять шайки, нерѣдко весьма значительныя, которыя имѣли опредѣленную организацію; разбойники раздѣлялись иногда на партіи, имѣли участниковъ и притоны въ самыхъ селеніяхъ, которыя разбивали и грабили, и доставшуюся добычу распредѣляли между собою повытно. Обыкновенно во главѣ разбойничьей шайки стоялъ начальникъ, носившій названіе атамана и избиравшійся въ эту должность товарищами. Въ помощь атаманамъ придавался иногда податаманъ ([25]). Смутное время помогло развитію разбоевъ; по свидѣтельству Уложенія царя Алексѣя Михайловича ([26]), они значительно противъ прежняго усилились и во второй половинѣ XVII ст. даже въ самой Москвѣ свирѣпствовали шайки разбойниковъ: «ѣздятъ по улицамъ воры всякихъ чиновъ люди и боярскіе холопи въ саняхъ и нѣши ходятъ многолюдствомъ, съ ружьемъ и бердыши, и съ рогатины, и съ топорами и съ большими ножами, и воруютъ, людей бьютъ и грабятъ, и до смерти побиваютъ и всякое воровство отъ тѣхъ воровъ чинится ([27]). При крѣпости общиннаго устройства, разбои, являясь отдѣльными, частными преступленіями, не были очень опасны; съ упадкомъ же перваго параллельно шло развитіе послѣднихъ, такъ что народъ просилъ наконецъ у царя Ивана Васильевича привилегіи собственнаго суда надъ вѣдомыми разбойниками и только съ конца XIV ст. въ законодательныхъ памятникахъ между вѣдомыми лихими людьми встрѣчаемъ разбойниковъ.

Въ первый разъ вѣдомые разбойники упоминаются, кажется, только въ Судебникѣ Ивана III: « а доведутъ на кого татбу, или

([24]) С. Соловьева Исторія Россіи съ древн. временъ. М. 1857. Т. VII, стр. 44.

([25]) Калачова: Артели въ древней и нынѣшней Россіи, стр. 16 и 17.

([26]) Улож. XXI, 15.

([27]) А. Э. III, 44, 50, 64; IV, 159. П. С. 3. № 423.

разбой, или душегубство, или ябедничество,—или иное какое лихое дѣло, и будетъ вѣдомой лихой..... ([28]). Можетъ быть прежде такое же значеніе, т. е. значеніе вѣдомыхъ, имѣли такъ называемые разбойники съ доводомъ ([29]), въ отличіе отъ простыхъ, противъ которыхъ доводовъ не было представлено. Съ Ивана IV для вѣдомыхъ разбойниковъ опредѣлилась подсудность выборнымъ отъ общинъ и установилась мало по малу слѣдственная форма суда надъ ними—доказательство сильнаго развитія разбоя въ это время, такъ какъ всѣ другіе вѣдомые лихіе люди судились еще областными правителями. Въ Судебникѣ 1550 г. разбой уже ясно выдѣляется изъ общей суммы лихихъ дѣлъ: «а на кого доведутъ татбу, или душегубство, или иное какое лихое дѣло, опричь розбоя, въ которомъ городѣ или въ волости, а будетъ вѣдомой лихой человѣкъ: и намѣстнику или волостелю велѣти того казнити смертною казнію.... А приведутъ кого въ розбоѣ, или на кого въ судѣ доведутъ, что онъ вѣдомой розбойникъ: и намѣстникомъ тѣхъ отдавати губнымъ старостамъ. А старостамъ губнымъ. опричь вѣдомыхъ разбойниковъ у намѣстниковъ невступатися ни во что ([30]). Въ первыхъ губныхъ грамотахъ, Каргопольской и Бѣлозерской ([31]), только одно т. наз. разбойное дѣло выдѣлено въ губное вѣдомство изъ круга намѣстничьяго суда, потому что общины просили привилегіи собственнаго преслѣдованія только разбойниковъ. Вскорѣ къ нимъ перешелъ судъ и надъ нѣкоторыми другими вѣдомыми лихими людьми, такъ что уже въ Уст. Кн. Разб. Пр. разбойники вездѣ упоминаются вмѣстѣ съ послѣдними ([32]).

Дѣятельность правительства по отношенію къ преслѣдованію разбойниковъ не могла бы имѣть никакого успѣха, если бы оно не обратило вниманія и на всѣхъ тѣхъ, которые такъ или иначе помогали имъ и такимъ образомъ поддерживали разбой; поэтому рядомъ съ разбойниками преслѣдовались и ихъ пособники, т. е.: 1) содержащіе разбойничьи станы и пріѣзды, 2) покупающіе и принимающіе въ поклажу завѣдомо добытыя разбоемъ вещи, и 3) подводчики и поноровщики ([33]). Всѣ эти преступныя дѣянія, вмѣстѣ съ главнымъ—разбоемъ, навѣтны были подъ общимъ именемъ разбойнаго дѣла.

Съ разбоемъ въ губномъ вѣдомствѣ долгое время слиты были, въ древнѣйшее время отдѣлявшіяся отъ него, два совершенно самостоятельныя преступленія: смертоубійство (душегубство) и поджигательство, служившія только обстоятельствами, увеличивавшими вину и мѣру наказанія разбойника. Что касается до перваго изъ этихъ

([28]) Суд. Ив. III, ст. «о татбѣ» и «о татѣхъ указъ».
([29]) А. Э. I, 123.
([30]) Ст. 60.
([31]) А. Э. I, 187. А. И. I, 81.
([32]) Ст. 1, 17, 18, 24 и др.
([33]) Ibid. ст. 30—33.

преступленій, то извѣстно, что въ первоначальномъ обществѣ обязанность преслѣдованія убійцы лежала на родственникахъ убитаго, которые воздвигали противъ него кровавую месть. Этотъ способъ преслѣдованія убійцы съ развитіемъ общественной жизни долженъ былъ уничтожиться. Случаи примѣненія мести мало-по-малу были ограничены князьями, которые замѣнили ее наконецъ денежными выкупами въ пользу родственниковъ убитаго; въ пользу же общественной власти съ каждаго убійства установлено было брать продажи и виры. Мы видѣли, что жалованныя грамоты предоставляютъ смертоубійство суду почти однихъ правительственныхъ органовъ, рѣдко выдѣляя его въ частныя руки, слѣдовательно правительство полагало особую опасность этихъ преступленій для общественнаго спокойствія и безопасности; однако изъ источниковъ XIV и XV ст., въ которыхъ уже совершенно ясно выражено понятіе о лихомъ дѣлѣ, смертоубійство преслѣдуется почти также, какъ и въ XIII ст., во времена Русской Правды. Въ Псковской Судной Грамотѣ, которая впрочемъ, какъ замѣтили уже г.г. Энгельманъ и Чебышевъ-Дмитріевъ, по характеру своихъ постановленій стоитъ весьма близко къ Русской Правдѣ XIII ст. и разсматриваетъ большую часть преступленій, какъ нарушеніе болѣе частнаго права, нежели государственнаго, смертоубійство наказывается денежною пенею князю: «а гдѣ учинится головшина, а доличатъ коего головника; ино князю на головникохъ взять рубль продажи ([34]). О частномъ вознагражденіи нѣтъ ни слова; но оно безъ сомнѣнія существовало и о немъ не говорится только потому, что оно было предоставлено на волю заинтересованныхъ лицъ. Убійство родственниковъ въ Псковской Судной Грамотѣ не отличалось отъ простаго и наказывалось наравнѣ съ послѣднимъ денежною пенею: «а штобы сынъ отца убилъ, или братъ брата, ино Князю продажа» ([35]). Кажется только съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича въ свѣтскомъ законодательствѣ стали различаться эти два рода убійства, до этого же времени только въ области церковнаго суда обращалось вниманіе на простое убійство и родственное. Въ Уставныхъ Грамотахъ постановленія объ убійствѣ носятъ почти тотъ же характеръ, съ какимъ онѣ являются въ Псковской Судной Грамотѣ. Такъ, по Двинской Уставной Грамотѣ 1398 г. убійство оплачивается вирою со стороны убійцы, а въ случаѣ невыдачи его общиною, въ предѣлахъ которой совершено было преступленіе, на нее возлагалась и уплата виры. Тоже самое находимъ и во всѣхъ другихъ уставныхъ грамотахъ; вся разница между ними состоитъ только въ томъ, что за неотысканіе убійцы количество виры опредѣлено различно, большею частію въ четыре рубля; въ одной только Онежской Уставной Грамотѣ 4 іюня 1536 года — въ два рубля Новгородскихъ ([36]). Если душегубецъ былъ отыскиваемъ, то выдавался намѣстникамъ или ихъ тіунамъ,

---

([34]) И. Энгельмана. Гражд. Зак. Пск. Суд. Гр. § 43, стр. 70.

([35]) Ibid. § 104, стр. 156.

([36]) А. Э. I, 13, 123, 143, 144, 150, 181, 240, 324; А. И. I, 177 и пр.

и въ такомъ случаѣ вира общинами не платилась: «а доищутся душегубца и они его дадуть намѣстникомъ нашимъ или ихъ тіуномъ, а крестьяномъ въ томъ продажи нѣтъ ([37])». По Судебнику Ивана III вѣдомые душегубцы раздѣляютъ общую судьбу со всѣми прочими вѣдомыми лихими людьми: «а доведутъ на кого татбу, или розбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дѣло, и будетъ вѣдомой лихой, и боярину того велѣти казнити смертною казнью».... Здѣсь же различается простое убійство отъ убійства господина; послѣднее поставлено на ряду съ самыми важными преступленіями: а государскому убойцѣ, и коромольнику, церковному татю и головному и подметчику и зажигалнику, вѣдомому лихому человѣку живота не дати, казнити его смертною казнью ([38]). Это же самое находимъ и въ Царскомъ Судебникѣ ([39]). Мы видѣли, что преслѣдованіе душегубства почти всегда было оставляемо за намѣстниками; но послѣ того какъ они были почти повсемѣстно уничтожены, когда вся администрація и судъ сосредоточились въ рукахъ самого народа, душегубство, какъ и всѣ другія лихія дѣла, вѣдалось выборными отъ земства. Кажется, что уже съ половины XVI ст. дѣла о смертоубійствѣ сдѣлались подсудны губнымъ учрежденіямъ, только что это преступленіе не разсматривалось въ нихъ, какъ самостоятельное, а было соединяемо съ разбоемъ, служа къ увеличенію вины разбойника. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы узнать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какимъ образомъ совершено убійство, въ разбоѣ, или нѣтъ, необходимо было и дѣла о душегубствѣ предоставить суду тѣхъ самыхъ учрежденій, которыя вѣдали разбойное дѣло; de facto такъ, вѣроятно, и было, но законодательнымъ путемъ передача дѣлъ о душегубствѣ въ вѣдѣніе губныхъ учрежденій совершена была только въ XVII ст. Въ Уст. Кн. Разб. Пр. душегубство еще не поставлено отдѣльно отъ разбоя, но въ приложенномъ къ ней боярскомъ приговорѣ 17 февраля 1625 года, оно, уже какъ самостоятельное лихое дѣло, предоставлено суду губныхъ старостъ. По отношенію къ душегубству они должны были

([37]) Ibid.

([38]) Суд. Ив. III, ст. о татбѣ и о татѣхъ указъ. Сравненіе этого послѣдняго постановленія съ постановленіемъ Псковской Судной Грамоты: А Кромскому тату и Коневому и перевѣтнику и зажигалнику тѣмъ живота недати—навело г. Энгельмана (Систематъ. изл. Гражд. Зак. Псков. Суд. гр. § 46, стр. 73 примѣч.) на мысль что оно заимствовано составителемъ Судебника изъ приведеннаго постановленія Пск. Суд. Гр., при чемъ Кромскій передѣлано имъ въ коромольникъ. Храмскій (по другому списку), по сближенію со словомъ храмъ, переведено—церковному тату, слово коневому замѣнено словомъ головному, а вмѣсто перевѣтнику поставлено подметчику. Такая догадка, не смотря на ея остроуміе, кажется, неосновательна. Нельзя допустить, чтобы составителю Судебника не было извѣстно значеніе словъ, изъ которыхъ нѣкоторыя встрѣчаются не въ одной только Псков Суд. Грамотѣ; онъ не могъ, съ другой стороны, выдумать преступленій, если бы онѣ не были уже извѣстны обществу и не преслѣдовались имъ.

([39]) Ст. 59, 60 и 61.

производить розыски о томъ, какимъ образомъ совершено оно, умышленно или нѣтъ, на основаніи чего и произносили приговоръ: «чинятся убивства смертные, въ дракахъ или пьянымъ дѣломъ.... и того убойца пытать, которымъ обычаемъ убивство учинилось, умышленьемъ ли или пьянымъ дѣломъ, неумышленьемъ» ([40]). За лихое дѣло признавалось только одно умышленное убійство. Такимъ образомъ только въ XVII ст. изъ разбоя выдѣлилось до тѣхъ поръ смѣшиваемое съ нимъ въ губномъ вѣдомствѣ самостоятельное преступленіе—смертоубійство.

То же самое должно сказать и о поджигательствѣ. Мы знаемъ, что въ Русской Правдѣ опредѣлено поджигателя выдавать Князю на потокъ и разграбленіе. Псковская Судная Грамота постановляетъ «зажигалнику живота недати ([41])»; тоже самое находимъ и въ другихъ памятникахъ ([42]). Въ Судебникахъ поджигатели занимаютъ мѣсто между самыми важными лихими людьми, каковы измѣнники, крамольники, подметчики, святотатцы и др. ([43]). Изъ всего этого можно заключить о значительномъ развитіи этого преступленія въ древней Руси; но въ Уст. Кн. и губныхъ грамотахъ поджигательство соединено съ разбоемъ, какъ одно изъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину подсудимаго; для него, какъ самостоятельнаго преступленія, какъ и для смертоубійства, существовала особая подсудность—не мѣстнымъ управителямъ, а губнымъ старостамъ. Изъ разбоя въ губномъ вѣдомствѣ выдѣлилось оно позже смертоубійства, только въ концѣ XVII ст.

Во всѣхъ древнихъ памятникахъ отъ разбоя отличается грабежъ, но должно замѣтить, что на практикѣ различіе между ними не сознавалось ясно. Г. Энгельманъ говоритъ, что въ Псковской Судной Грамотѣ подъ грабежомъ разумѣется всякое насильственное завладѣніе чужимъ движимымъ имуществомъ ([44]); но изъ этого опредѣленія отношеніе между этими преступленіями не уясняется. И въ настоящее время въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ иногда весьма затруднительно отличить ихъ, но въ древности, при отсутствіи теоретической разработки права, провести границу между грабежомъ и разбоемъ представлялось нерѣдко дѣломъ совершенно невозможнымъ; а между тѣмъ установить различіе между ними было весьма важно въ томъ отношеніи, что дѣла о грабежѣ вѣдались судомъ, а не розыскомъ; поэтому въ практикѣ губныхъ учрежденій должны были часто происходить затрудненія, за что считать данный случай, за грабежъ или за разбой, подтвержденіе чего находимъ и въ Уст. Кн.: «въ которыхъ городѣхъ казаки, собрався, стояли и въ уѣздѣхъ многіе люди при Государѣ; и стоя тѣхъ городовъ въ уѣздѣхъ тутошнихъ и проѣзжихъ людей грабили и тѣ

([40]) А. И. III, 167. Бояр. Приг. 17 февр. 1625 г.
([41]) Энгельмана: Гражд. Зак. Псков. Суд. Гр. § 46.
([42]) См. напр. А. Э. I, 144, 181 и др.
([43]) Судеб. Ив. III, см. о татбѣ, и Ив. IV, ст. 61.
([44]) Гражд. Зак. Псков. Суд. Гр. стр. 80.

грабежные животы продавали въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ стояли, или отъѣзжимъ людемъ, и у тѣхъ людей учнутъ тѣ люди, конхъ казаки грабили, иматься, а у кого поимаются, и тѣ люди учнутъ говорити, что та рухледь, за что поимаются, пометали казаки, какъ въ тѣхъ мѣстѣхъ стояли, а они поимали на ихъ станѣхъ, и тѣ статьи во что ставити: въ розбой-ли или въ грабежъ? (45) Предложенный случай имѣетъ тотъ смыслъ, какимъ порядкомъ судить его, уголовнымъ или гражданскимъ; но, къ сожалѣнію, въ Книгѣ онъ не рѣшенъ. Въ уставныхъ грамотахъ второй половины XVI ст. и во всѣхъ позднѣйшихъ памятникахъ признаки грабежа не выставлены, поэтому общаго опредѣленія его сдѣлать нельзя, и слѣдовательно невозможно провести границы между нимъ и разбоемъ.

Въ Псковской Судной Грамотѣ отъ разбоя и грабежа отличается такъ наз. находъ, подъ которымъ, по мнѣнію г. Энгельмана, должно понимать покушеніе на грабежъ (46); однакожъ такого заключенія нельзя вывести изъ постановленій самой грамоты, въ которой только упоминается о находѣ; въ другихъ же памятникахъ, сколько мнѣ извѣстно, о немъ не говорится. Вѣроятно сродство съ находомъ имѣлъ упоминаемый въ нѣкоторыхъ грамотахъ наѣздъ (47). Между лихими дѣлами оба эти преступленія не встрѣчаются.

§ 2. Обращаемся къ татьбѣ, сильно распространенной въ древней Руси, подъ которой разумѣется тайное присвоеніе чужаго имущества. До XVI ст. татьба была гораздо опаснѣе разбоя, о чемъ можно заключить изъ того, что въ памятникахъ, какъ вѣдомые лихіе люди, тати упоминаются ранѣе разбойниковъ; но съ тѣхъ поръ какъ въ общественныхъ отношеніяхъ произошли измѣненія, когда разбои усилились и утратили характеръ частныхъ преступленій, они скоро обратили на себя преимущественное вниманіе общественной власти, наконецъ передавшей въ руки народа все разбойное дѣло, потому что всѣ ея усилія къ его искорененію оказались безполезны. Между вѣдомыми лихими людьми тати встрѣчаются, въ уставныхъ грамотахъ XVI ст. (48), и съ того же времени судъ надъ ними переданъ выборнымъ отъ народа. Важность татьбы опредѣлялась родомъ похищеннаго имущества; такъ, Русская Правда придаетъ особенную важность конокрадству, что замѣтно и въ другихъ памятникахъ, но трудно опредѣлить, почему именно конокрадство считалось важнѣе похищенія какого либо другаго имущества. Судебники особенно строго относятся къ кражѣ рабовъ и святотатству, которыя стоятъ между важнѣйшими преступленіями, и въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ говорится о татьбѣ вообще, онѣ постоянно отдѣляются: «котораго татя поимаютъ съ которою татбою ни буди впервые, опрочѣ церковные татбы и головные.... (49).

---

(45) Ст. 65.

(46) Гр. Зак. Псков. Суд. Гр. стр. 80.

(47) См. напр. Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, 48. Панова: Изслѣд. О Новгор. Суд. Грам. въ Сборникѣ студентовъ Петерб. Универ. Выпускъ II, 1857.

(48) А. Э. I, 150.

(49) Суд. Ив. III, ст. о татѣхъ.

Суду выборныхъ передано было все такъ наз. татиное дѣло, къ которому, кромѣ собственно татьбы, должно отнести слѣдующія преступленія: 1) покупку и продажу завѣдомо краденаго имущества и пріемъ таковаго въ поклажу и 2) подводъ и попаровку.

§ 3. Разбой и татьба представляются безъ сомнѣнія, наибольшимъ общественнымъ зломъ въ древнее время; но недостатки общественнаго устройства способствовали развитію рядомъ съ ними и другаго лихаго дѣла, ябедничества, представлявшаго не меньшую опасность для общественнаго благосостоянія. Съ нимъ правительство ведетъ самую упорную борьбу, но результаты ея не были значительны, потому что, по характеру своему, ябедничество не поддавалось систематическому преслѣдованію. Спрашивается, что должно разумѣть подъ ябедничествомъ? Подъ именемъ ябедниковъ въ древней Руси извѣстны были всѣ тѣ лица, которыя искали или совершенно ложно, или одного и того же по нѣскольку разъ, или болѣе того, что имъ слѣдовало ([50]). Поэтому г. Дмитріевъ справедливо называетъ ябедничество организованнымъ грабежомъ. Между лихими людьми ябедники занимали видное мѣсто ([51]); правительство смотрѣло на нихъ даже неблагопріятнѣе, чѣмъ на разбойниковъ.

Въ разсматриваемый періодъ къ лихимъ людямъ причислялись еще слѣдующіе:

4) подписчики, т. е. поддѣлыватели чужихъ подписей, и

5) подметчики, подъ которыми г. Дмитріевъ разумѣетъ тѣхъ лицъ, которыя обвиняли кого-нибудь въ государственномъ преступленіи, съ цѣлью погубить обвиняемаго, оставаясь, въ случаѣ неудачи, безъ всякаго преслѣдованія. Такое опредѣленіе едва-ли вѣрно; до уложенія царя Алексѣя Михайловича трудно изъ источниковъ собрать признаки этого преступленія, но опредѣленіе подмета въ Уложеніи можно взять за исходный пунктъ и для XVI вѣка, такъ какъ понятіе о немъ не могло въ такое короткое время совершенно измѣниться: «а будетъ кто кого такимъ же воровскимъ заводомъ подкинетъ чѣмъ напрасно и про тотъ его подметъ по тому же сыщется допряма, что онъ подкинулъ кого, хотя неспродать напрасно. И за такой воровской подметъ, и т. д. ([52]). Эту статью должно разсматривать въ связи съ предшествующею, въ которой говорится объ ополченіи кого-либо насильно, — преступленіи, вытекавшемъ уже изъ постановленій Уст. Кн., но прямо въ ней не высказанномъ. Подметъ, такимъ образомъ, есть тайное ополченіе.

6) Въ нѣкоторыхъ губныхъ наказахъ въ числѣ лихихъ дѣлъ находимъ и такія, которыя преслѣдовались скорѣе изъ полицейскихъ видовъ, для предохраненія общества отъ могущей произойти отъ нихъ опасности, а не потому, чтобы онѣ были дѣйствительно пре-

---

([50]) Дмитр. Ист. Суд. Инст. стр. 168. Калачовъ: О судеб. ц. Іоанна Васильевича Юр. Зак. Рѣдкина II, 324; А. Э. I, 257; III, 36; А. И. I, 165.

([51]) Суд. Ив. III, ст. о татѣхъ указъ и о татбѣ. Ив. IV, 59. А Э. I, 150.

([52]) Улож. XXI, 56.

ступленіями. Сюда относятся: а) скоморошество, б) нищенство, в) между скоморохами и нищими поставлены конюхи и псари (?), г) волхвованіе и ворожба, д) корчемство, е) держаніе блядни, т. е. притоновъ разврата, и, наконецъ, ж) денежныя игры: зернь и кости.

Духовенство, кажется, ранѣе свѣтскаго правительства, обратило вниманіе по крайней мѣрѣ на нѣкоторыя изъ этихъ дѣяній. Если нельзя отвергать, что и оно имѣло въ виду при преслѣдованіи ихъ матеріальное благосостояніе и безопасность своихъ волостей и селъ, то также нельзя не признать въ этомъ преслѣдованіи и особаго взгляда духовенства на эти дѣянія. Извѣстно, что, съ появленіемъ своимъ въ Россіи, оно взяло въ свою опеку нравственную сторону жизни русскаго общества, и въ остаткахъ языческой старины видѣло нѣчто такое, что противорѣчило христіанскому ученію и препятствовало его распространенію. Оно возстало противъ всего, что напоминало языческое состояніе русскаго общества, даже противъ народныхъ пѣсенъ и игръ. Большая часть поученій нашихъ древнихъ проповѣдниковъ укоряетъ народъ за привязанность къ своей старинѣ, выставляя ее главнымъ препятствіемъ къ спасенію; противъ нея воздвигнуто было, наконецъ, гоненіе и путемъ законодательства, на которое вліяніе духовенства было очень сильно. Такимъ образомъ произошло то, что многія дѣянія, совершенно безразличныя съ юридической точки зрѣнія, явились въ ряду преступленій; такъ, въ Приговорной Грамотѣ Троицко-Сергіевскаго Монастырскаго Собора 31 октября 1555 года скоморохи, волхвы и бабы ворожеи поставлены на одну доску съ татями и разбойниками: «не велѣли семя въ волости держати скомороховъ, ни волхвей, ни бабъ ворожей, ни татей, ни розбойниковъ; а учнутъ держати и у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ скомороха или волхва, или бабу ворожею, въ его сотной и на томъ на сотскомъ и на его сотной, на стѣ человѣкъ, взяти пени десять рублевъ денегъ, а скомороха, или волхва, или бабу ворожею бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонъ; а прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать ([53])».

Конечно, наказаніе за ворожбу, скоморошество и волхвованіе ниже, чѣмъ за разбой и татьбу, потому что духовенство не могло рѣзко отступать въ этомъ отношеніи отъ началъ, принятыхъ свѣтскимъ законодательствомъ, но уже самое сопоставленіе этихъ преступленій съ лихими дѣлами, при огромномъ вліяніи духовенства на свѣтское правительство, легко могло повести къ тому, что и въ самомъ свѣтскомъ законодательствѣ онѣ были уравнены, какъ это мы дѣйствительно и видимъ изъ нѣкоторыхъ Уставныхъ Грамотъ XVI и XVII ст., въ которыхъ кругъ этихъ преступленій представляется еще болѣе широкимъ. Такъ, въ Уставной Грамотѣ посадскимъ людямъ города Шуи 7 іюля 1606 года на сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ, возложена обязанность «беречи наврѣпко, чтобъ посадскіе и всякіе люди у себя по подворьямъ корчемъ и блядни не держали и лихимъ людемъ, татемъ и розбойни-

([53]) А. Э. I, 244.

комъ пріѣздъ у себя не чинили.... а кто въ Шуѣ въ городѣ и на посадѣ учнетъ воровать, корчму и блядню держать и лихимъ людемъ татемъ и розбойникомъ къ себѣ пріѣздъ чинити, или ябедниковъ и подпищиковъ и убойцовъ у себя держати, или кто татиною и розбойною рухлядью учнетъ промышлять и ябедничествомъ продавать, и тѣхъ лихихъ людей имая отдавати губнымъ старостамъ и городовымъ приказщикамъ и всякимъ людемъ, безпенно; а приказные люди посадскимъ людемъ, опричь тѣхъ, кто учнетъ у себя воры доржать, пени продажи не чинятъ, а про тѣхъ лихихъ людей обыскиваютъ по нашему крестному цѣлованью» (54). Для насъ весьма важно, что корчемство и блядня судятся тѣми же самыми органами, какіе установлены для суда надъ вѣдомыми разбойниками и татями, потому что отсюда видно, что и эти дѣянія были сравнены съ лихими дѣлами. Внесеніе законодательствомъ въ разрядъ самыхъ важныхъ преступленій дѣйствій безправственныхъ какъ блядня, безразличныхъ въ юридическомъ отношеніи, можно объяснить только вліяніемъ на свѣтское законодательство духовенства, для котораго, сообразно съ его назначеніемъ, дорога была преимущественно нравственная чистота, и потому въ каждомъ дѣяніи оно обращало особенное вниманіе на грѣховность его, что въ особенности отразилось на Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Но въ разсматриваемый періодъ въ преслѣдованіи безправственныхъ дѣяній нельзя не замѣтить полицейскихъ видовъ правительства. Скоморохи и нищіе поставлены были на одну доску съ вѣдомыми лихими людьми потому, что они занимались воровствомъ, разбоями и грабежами. «Не смотря на видимое различіе между промыслами или ремеслами, которыми занимались скоморохи, нищіе и разбойники, говоритъ г. Калачовъ (55), они въ источникахъ нашихъ XV, XVI и XVII вѣка иногда отождествляются, потому что нерѣдко скоморохи, а подъ часъ и нищіе, занимались воровствомъ, грабежами и разбоями. Въ Стоглавѣ (56) говорится, что скоморохи собираются ватагами, грабятъ животы изъ клѣтей и разбиваютъ по дорогамъ». Въ XV ст. скоморохамъ впрочемъ запрещается играть только насильно; въ этомъ случаѣ они подвергались удаленію изъ извѣстной мѣстности, если же было на то согласіе жителей, то они вѣроятно не были преслѣдуемы. Съ теченіемъ времени постановленія о нихъ дѣлаются все болѣе и болѣе строгими.

Тѣ же причины побудили правительство обратить вниманіе на корчемство, содержаніе притоновъ разврата (блядню) и денежныя игры въ зернь и кости. Зернщики и костери преслѣдуются на томъ основаніи, что проигравшіеся обыкновенно занимались грабежами и разбоями, мотивъ, не высказанный прямо въ памятникахъ XVI

---

(54) А. Э. II, 52.

(55) Артели въ др. и нынѣш. Россіи стр. 13 и сл.

(56) Ibid.

и начала XVII ст., но приведенный въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича ([57]).

Рядомъ со скоморохами и нищими упоминаются конюхи и псари ([58]). Въ чемъ состояли ихъ занятія и слѣдовательно причины ихъ преслѣдованія правительствомъ, на основаніи сохранившихся о нихъ извѣстій, въ которыхъ упоминается только одно ихъ названіе, трудно сдѣлать какое нибудь заключеніе.

Наконецъ прибавимъ, что такимъ же порядкомъ, какъ разбойники и тати, преслѣдовались всѣ тѣ, которые такъ или иначе помогали имъ, какъ-то: 1) укрыватели, будутъ ли это органы общественной власти или частныя лица, 2) недоставившіе начальству вѣдомыхъ разбойниковъ и татей, и 3) неоказавшіе помощи противъ разбойниковъ и невышедшіе на слѣдъ вмѣстѣ съ пострадавшими отъ нихъ по требованію послѣднихъ ([59]). Всѣ эти лица не называются въ памятникахъ лихими людьми.

II. Намъ остается еще бросить бѣглый взглядъ на т. назыв. государственное лихое дѣло въ этомъ періодѣ, т. е. до Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Понятіе о государственныхъ преступленіяхъ является обыкновенно гораздо позже, чѣмъ понятіе о преступленіяхъ противъ личности и имущества частныхъ лицъ, потому что для образованія его требуется развитіе государственныхъ началъ, между тѣмъ какъ въ древней Руси, до Ивана III, все управленіе покоилось исключительно на частномъ правѣ, всякое законоположеніе было слѣдствіемъ частной инициативы. Немного было въ древней Руси такихъ мѣстъ, гдѣ бы сильно развита была общественная жизнь, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, въ которыхъ развитію ея способствовало ихъ исключительное положеніе.

Въ Псковѣ и Новгородѣ мы находимъ такіе памятники законодательной дѣятельности, какъ ихъ Судныя Грамоты, подобныхъ которымъ въ ихъ время не встрѣчается нигдѣ въ остальной Руси. Псковская Судная Грамота, законченная незадолго до того времени, когда Псковъ переживалъ свою независимость отъ Москвы, уже содержитъ зародышъ понятія о государственныхъ преступленіяхъ въ упоминаемомъ въ ней перевѣтничествѣ (измѣнѣ) ([60]). Подъ это понятіе можно подвести всякое отдѣльное преступленіе противъ псковскаго государства. Въ Судебникѣ Ивана III государственные преступники извѣстны подъ именемъ крамольниковъ ([61]), подъ которыми, по мнѣнію г. Дмитріева ([62]), разумѣлись тѣ лица, которыя, чтобы погубить своего отвѣтчика, взводили на него государственную измѣну и потомъ не могли доказать ея. Но, кажется, вѣрнѣе

([57]) Улож. XXI, 15.

([58]) А. Э. I, 144, 150, 240 и др. А. И. I, 137.

([59]) А. И. III. 167, ст. 14, 25, 26, 27, 28. А. Э. 281.

([60]) Энг. Гр. 3 Псков. Суд. Гр. § 46, стр. 73.

([61]) Суд. Нв. Ш, ст. о татбѣ.

([62]) Дмитріевъ Ист. Суд. Инст. стр. 169.

опредѣленіе г. Калачева (63), который разумѣетъ подъ крамольниками бунтовщиковъ. Какое бы изъ приведенныхъ мнѣній ни было основательнѣе, мы все-таки положительно можемъ заключить, что въ Судебникѣ Ивана III впервые появилось понятіе о государственномъ лихомъ дѣлѣ, которое съ большею опредѣленностью выражено въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича, гдѣ между вѣдомыми лихими людьми упоминаются т. наз. градскіе сдавцы(64). Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что въ періодъ Судебниковъ объемъ государственныхъ преступленій былъ гораздо обширнѣе. Понятіе государственной измѣны не ограничивалось только приведеннымъ постановленіемъ Судебника 1550 г., а распространялось и на нарушеніе клятвенной записи, или обѣта вѣрности, даннаго Государю (65). Развитіе государства въ это время не дошло еще до той высоты, когда на мѣсто всѣхъ составныхъ элементовъ его становится глава государства, представитель его единства, и когда слѣдовательно всякое государственное преступленіе становится преступленіемъ противъ государя. Съ такимъ въ высшей степени обсолютнымъ характеромъ русское государство является только въ половинѣ XVII ст., и поэтому только въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича находимъ широкое и довольно полное понятіе о государственныхъ преступленіяхъ, рѣзко отдѣляющихся отъ другихъ лихихъ дѣлъ.

Сдѣлавъ краткій очеркъ того, что входило въ объемъ лихаго дѣла въ періодъ господства Уставныхъ и Губныхъ грамотъ и Судебниковъ, мы вовсе не имѣемъ претензіи исчерпать всѣ тѣ отдѣльныя дѣянія, которыя почитались лихими, къ чему врядъ ли представляется возможность. Самые законодательные памятники, стремившіеся исчислить всѣ виды лихаго дѣла, далеко не достигаютъ цѣли, что уже видно изъ встрѣчающагося въ нихъ на каждомъ шагу выраженія: «а доведутъ на кого татбу... или иное какое лихое дѣло».... Уставныя грамоты до 1550 г. съ большею точностію исчисляютъ, какія именно дѣянія признаютъ онѣ за лихія, поэтому въ нихъ вышеприведенное выраженіе встрѣчается рѣже; но съ развитіемъ жизни тѣ узкія рамки, въ которыя вложили онѣ лихое дѣло, дѣлаются недостаточными. Условія общественнаго быта постоянно создаютъ новыя лихія дѣла и законодательство уже не въ состояніи перечислить всѣхъ ихъ; общихъ же началъ, по которымъ можно было бы опредѣлить свойство каждаго дѣянія, оно не даетъ.

III. Разсмотримъ теперь наказанія, полагавшіяся за лихія дѣла. Наказанія за лихое дѣло въ періодъ до Соборнаго Уложенія имѣютъ уже характеръ уголовныхъ наказаній. Такой ихъ характеръ проявляется во 1-хъ въ томъ, что на первый планъ становится удовле-

---

(63) Юр. Зап. Рѣдкина т. II, стр. 332.

(64) Суд. 1550 г., ст. 51.

(65) Калачовъ: О суд. Царя Іоанна Васильевича, Юрид. З. Рѣдкина т. II, стр. 318.

твореніе чувства абстрактной справедливости, а за тѣмъ уже 2) слѣдуетъ вознагражденіе лицъ, пострадавшихъ отъ преступленія, истцовъ.

Въ судебникахъ и уставныхъ грамотахъ почти до половины XVI ст. еще проглядываетъ борьба двухъ интересовъ въ наказаніи: частнаго и государственнаго, но послѣдній видимо беретъ перевѣсъ; такъ, вѣдомыхъ лихихъ людей повелѣвается казнить даже и въ томъ случаѣ, если у нихъ не окажется имущества, достаточнаго для удовлетворенія истцовъ: «а не будетъ у котораго лихого сстатка, чѣмъ истцово заплатити, и ловчей мой того лихого человѣка истцу въ его гибели не выдаетъ, а велитъ его казнить смертною казнью ([66]). Въ царскомъ Судебникѣ относительно вѣдомыхъ лихихъ людей этотъ принципъ проведенъ совершенно послѣдовательно: вознагражденіе истца всегда слѣдуетъ послѣ наказанія преступника изъ оставшагося послѣ него имущества, «статка»; тоже самое находимъ въ губныхъ граматахъ и наказахъ и Уст. Кн. Разб. Пр.

Родовъ наказаній въ этомъ періодѣ было семь: 1) смертная казнь, 2) торговая казнь—битье кнутомъ, 3) лишеніе свободы, 4) конфискація имущества, 5) денежные штрафы, 6) изгнаніе преступника изъ той общины, гдѣ было совершено имъ преступленіе, и, наконецъ, 7) членовредительныя наказанія.

1) Что касается до смертной казни, то она не опредѣлена по виду. Изъ всѣхъ законодательныхъ памятниковъ до половины XVII ст., только въ трехъ, именно: въ Двинской уставной грамотѣ 1398 г., въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря 1549 г. и въ губной грамотѣ Чарондской округѣ, опредѣляется видъ смертной казни—повѣшеніе.

Смертная казнь положена за слѣдующія преступленія: 1) за доведенный разбой. Въ этомъ случаѣ преступникъ выдавался намѣстникамъ, волостелямъ, ловчимъ или ихъ тіунамъ въ казнь и продажу ([67]). Впрочемъ нельзя съ точностью сказать, въ чемъ именно здѣсь состояла казнь, такъ какъ подъ этимъ же словомъ въ грамотахъ разумѣлось и наказаніе вообще; 2) вѣдомые разбойники, на основаніи судебниковъ, наказывались смертью ([68]). Въ губномъ вѣдомствѣ для вѣдомыхъ разбойниковъ, говоря вообще, существовало то же самое наказаніе: «доведчи на нихъ (разбойниковъ) и допытався у нихъ, что они розбиваютъ да тѣхъ бы есте розбойниковъ бивъ кнутьемъ да казнили смертью» ([69]), предписывается губнымъ старостамъ. Но по Уст. Кн. Разб. Пр. не всѣ вѣдомые разбойники подвергались смертной казни, а только пойманные на разбоѣ трижды, или и одинъ разъ, но если при этомъ былъ произведенъ имъ пожаръ или убійство ([70]); 3) держащіе разбойничьи статы

([66]) А. Э. I, 150.

([67]) А. Э. I, 123, 143, 144, 150 и др. А. И. I, 137.

([68]) Суд. 1497 г. ст. о татбѣ и о татѣхъ указъ. Суд. Ив. IV ст. 59, 60.

([69]) А. Э. I, 187. А. И. I, 31.

([70]) Ст. 10.

и пріѣзды, подводчики и попоровщики наказывались такимъ же образомъ, какъ и разбойники (71); 4) для татей, въ Двинской Уставной Грамотѣ установлена смертная казнь чрезъ повѣшеніе: «а того бы естя татя велѣли, бивъ кнутьемъ да казнивъ смертною казнью, повѣсити въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ котораго татя поймаютъ съ татбою». Подобное же опредѣленіе наказанія находимъ въ губномъ Наказѣ—селамъ Кирилова монастыря 1549 г. и въ Чарондской Губной грамотѣ. Этотъ родъ смертной казни составляетъ особенность сѣвернаго края. Вообще отсутствіе законодательныхъ опредѣленій относительно вида смертной казни объясняется существованіемъ обычаевъ въ каждой мѣстности въ этомъ отношеніи. Въ другихъ губныхъ грамотахъ и Уст. Кн. Разб. Пр. повелѣвалось наказывать смертью только за трехкратное совершеніе татьбы (72), если это была простая татьба, потому что святотатство и головная татьба считались такими важными преступленіями, что за нихъ всегда назначалась смертная казнь, независимо отъ того, сколько бы разъ онѣ ни были совершены (73). Со времени Ивана III смертною казнью наказывались вѣдомые: 5) душегубцы, 6) поджигатели, 7) ябедники, 8) крамольники, 9) подметчики, 10) градскіе сдавцы и 11) перевѣтники. Какимъ образомъ совершалась смертная казнь, были-ли соблюдаемы при этомъ какіе нибудь обряды, или нѣтъ, въ источникахъ указаній не находимъ.

2) Торговая казнь состояла въ томъ, что преступника били кнутомъ на площади или на торгу, отчего это наказаніе и получило свое названіе (74). Описаніе, какимъ образомъ совершалась она, можно найти въ ст. г. Калачова «о судебникѣ царя Іоанна Васильевича», въ Юр. Зап. Рѣдкина Т. II на стр. 337—338. Торговая казнь отдѣльно употреблялась весьма рѣдко; по большей части она сопутствовала другимъ наказаніямъ. Такъ она назначена: 1) за однократно совершенную татьбу; въ этомъ случаѣ за нею слѣдовала ссылка преступника. За двухкратное же совершеніе этого преступленія къ торговой казни присоединялось отсѣченіе руки (75) и затѣмъ ссылка; 2) за укрывательство вѣдомыхъ лихихъ людей на обыскѣ, 3-хъ или 4-хъ лучшихъ изъ обыскныхъ подвергали торговой казни (76) и затѣмъ, наравнѣ съ остальными, съ нихъ взыскивали выти. Вѣдомыхъ разбойниковъ, прежде чѣмъ подвергать смертной казни, указано бить кнутомъ. Такъ какъ это постановленіе находится въ древнѣйшихъ Губныхъ Грамотахъ—Каргопольской и Бѣлозерской (77), а въ другихъ, равно и въ Уст. Кн. Разб. Пр., о немъ не упоминается, то мы должны принять, что такого рода

---

(71) Допол. къ А. И. I, 31. А. Э. I, 187, 192, 281, 330. А. И. III, 167 ст. 30.

(72) А. Э. I, 13, 224. А. И. III, № 167, ст. 37, 38, 39.

(73) Суд. Ив. III, ст. о татбѣ. Ив. IV ст. 61; А. И., III. 167, ст. 40.

(74) О Судебн. Калачова Юрид. Зап. Рѣдкина. Т. II, стр. 337.

(75) А. Э. I, 330.

(76) А. И. III, 167, 27.

(77) Смотр. примѣч. 69.

наказаніе существовало недолго, или въ одной только мѣстности, ограниченной пространствомъ дѣйствія означенныхъ грамотъ.

Въ Двинской уставной грамотѣ постановлено клеймить каждаго татя, но клейменія нельзя разсматривать, какъ наказаніе; оно есть только полицейская мѣра: клеймо служило признакомъ того, что означенное лицо есть лихой человѣкъ. Притомъ клейменіе нигдѣ болѣе не упоминается и составляетъ особенность Двинской Уставной Грамоты, которая вообще по своимъ постановленіямъ значительно разнится отъ другихъ законодательныхъ памятниковъ XIV ст.

3) Лишеніе свободы состояло въ заключеніи преступниковъ въ тюрьмы, которыя устраивались при губныхъ избахъ на счетъ земства, изъ сборовъ, производимыхъ съ сохъ, а съ 1601 года—на счетъ казны. Объ устройствѣ тюремъ долженъ былъ озаботиться губной староста, который опредѣлялъ къ нимъ и сторожей; ближайшее же непосредственное завѣдываніе тюрьмами принадлежало губнымъ цѣловальникамъ ([78]), которые, вмѣстѣ со сторожами, смотрѣли за тѣмъ, чтобы не разбѣжались заключенные въ нихъ преступники ([79]). Такъ какъ тюрьмы были устраиваемы плохо, то для предупрежденія побѣговъ изъ нихъ губнымъ старостамъ повелѣвалось недержать долго татей и разбойниковъ, а казнить ихъ смертною казнью ([80]), такъ что если напр. нѣсколько преступниковъ оговаривали однѣхъ и тѣхъ же лицъ, то губные старосты для очныхъ ставокъ съ оговоренными должны были оставлять одного изъ оговорщиковъ, а остальныхъ его товарищей немедленно предать смертной казни ([81]).

Заключеніе въ тюрьму (какъ наказаніе) было или пожизненное,—на смерть,—или временное. Въ рѣдкихъ однакожъ случаяхъ, тюремное заключеніе носитъ характеръ наказанія; оно является скорѣе мѣрою полицейскою. Такъ, пожизненному тюремному заключенію вообще подвергались облихованные на обыскѣ, но несознавшіеся на пыткахъ въ взводимомъ на нихъ преступленіи. Они сажались въ тюрьму на случай, если прибудетъ на нихъ въ разбойномъ дѣлѣ иное лихо, то, чтобы подвергнуть ихъ положенному за это лихо наказанію ([82]), до того же времени на нихъ лежало только подозрѣніе въ лихомъ дѣлѣ. Временному лишенію свободы, «до Указа», подвергались: 1) тѣ лица, о которыхъ не могло по чему либо состояться окончательнаго рѣшенія ([83]); 2) разбойники, попавшіеся въ однократномъ или двухратномъ совершеніи разбоя, если не было произведено ими ни убійства, ни поджигательства ([84]); 3) убійцы—

([78]) А. П. III, 167, ст. 58, А. Э. I, 330, II, 19.
([79]) А. П. III, 167, ст. 68.
([80]) А. Э. I, 330.
([81]) Ibid.
([82]) А. И. III, 167, ст. 7, 8, 9, 11, 17.
([83]) Ibid. ст. 10.
([84]) Ibid.

дѣти боярскіе или дворяне, если убійство было неумышленное, наконецъ 4) не могшіе представить по себѣ порукъ—до тѣхъ поръ, пока не было за нихъ поручителей ([85]).

4) Конфискація имущества не употреблялась, какъ отдѣльное наказаніе, но всегда совершалась въ томъ случаѣ, когда преступникъ приговаривался къ смертной казни. Конфискаціи подвергалась (продавалась на государя) только та часть имущества преступника, которая оставалась за удовлетвореніемъ истцовъ въ опредѣленныхъ закономъ размѣрахъ ([86]). По Судебнику Ивана III имущество преступниковъ шло судьямъ: «а что ся у статка станетъ, ино то боярину и діаку имати собѣ» ([87]), въ Судебникѣ же 1550 г. указано оставшееся отъ вознагражденія истца имущество преступника отдавать въ прогоны, подъ которыми, кажется, должно разумѣть судебныя издержки, какъ-то: плату приставамъ, недѣльщикамъ и т. д. ([88]).

5) Денежные штрафы извѣстны въ Кн. Разб. Пр. и губныхъ грамотахъ подъ именемъ вытей; это же названіе носитъ и вознагражденіе истца за вредъ, причиненный ему тѣмъ или другимъ лихимъ дѣломъ.

Выть, какъ самостоятельное наказаніе, назначалась сравнительно за маловажныя преступленія, на прим. за пелвку на выручку разбиваемыхъ по ихъ призыву; въ болѣе важныхъ преступленіяхъ денежные штрафы соединялись съ другими наказаніями, чаще всего съ торговою казнью. Такъ, за укрывательство обыскными вѣдомыхъ лихихъ людей опредѣлена выть и сверхъ того для двухъ или трехъ лучшихъ торговая казнь. Въ весьма немногихъ случаяхъ выть не соединена ни съ какимъ другимъ наказаніемъ; напр. если за чистою порукою кто либо начиналъ воровать какимъ воровствомъ, т. е. совершать преступленія, то поручители уплачивали выть.

6) О ссылкѣ справедливо замѣтилъ Г. Калачовъ ([89]), что въ древнемъ русскомъ правѣ нѣтъ яснаго различія между нею и лишеніемъ свободы. Ссылка, какъ наказаніе, почти не была извѣстна древнему времени; по крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ весьма мало случаевъ подобнаго рода; если же и видимъ, какъ говоритъ г. Калачовъ, нѣкоторые примѣры этого наказанія въ настоящемъ его значеніи, то они являются не болѣе, какъ слѣдствіемъ произвола князя или мятежнаго народа. Болѣе опредѣленною дѣлается ссылка не ранѣе начала XVI столѣтія; съ этого времени она проявляется въ изгнаніи изъ мѣста жительства вѣдомаго лихаго человѣка, татя и ябедника; причемъ ссылкѣ всегда предшествовала торговая казнь.

([85]) Ibid. ст. 4, 32, 34, 37.
([86]) Ibid. ст. 54.
([87]) Суд. Ив. III ст. о татѣхъ и о татбѣ.
([88]) Суд. Ив. IV, ст. 59, 61.
([89]) Юрид. Зап. Рѣдкина. Т. II, стр. 339.

Такъ, за одну татьбу повелѣвается, чтобы: «старосты губные тѣхъ татей велѣли, бивъ кнутьемъ, выбити ихъ изъ земли вонъ»; въ другихъ грамотахъ, вмѣсто выбитія вонъ изъ земли, находимъ выраженіе: бивъ кнутьемъ (за 2 татьбы) да отсѣчи рука да покинути; послѣднее, вѣроятно, было равносильно изгнанію (90). Это же постановленіе находится и въ Уст. Кн. Разб. Пр. (91). Ябедники послѣ торговой казни высылались вонъ изъ волости, при чемъ постановлено животовъ ихъ не грабить (92), изъ чего можно заключить, что съ выбитіемъ вонъ изъ земли татей соединялось и отобраніе ихъ имущества,—древнѣйшій потокъ и разграбленіе. Кромѣ татей и ябедниковъ, ссылкѣ, въ смыслѣ изгнанія изъ опредѣленной мѣстности, подвергались скоморохи, игравшіе въ деревняхъ «сильно», волхвы и бабы вороженъ. Относительно всѣхъ этихъ лицъ въ приговорной грамотѣ Троицко-Сергіевскаго Монастырскаго Собора 31 октября 1555 г. постановлено: выбитіе вонъ изъ волости, бивъ ихъ и ограбивъ (93).

Относительно ссылки, какъ способа ограниченія свободы преступника назначеніемъ ему какого либо опредѣленнаго мѣста жительства, въ расматриваемыхъ нами памятникахъ извѣстій не встрѣчается.

7) Что касается членовредительныхъ наказаній, то въ данный періодъ онѣ были еще очень неразвиты. Въ Уставной Книгѣ и губныхъ грамотахъ упоминается только объ одномъ—отсѣченіи руки, которое назначено въ соединеніи съ торговою казнью и ссылкою для татя, совершившаго двѣ татьбы.

Изъ сказаннаго о наказаніяхъ въ этомъ періодѣ легко замѣтить, что почти съ каждымъ изъ нихъ, не исключая, покрайней мѣрѣ первоначально, даже и смертной казни, соединялась торговая казнь, и что со смертной казнью во всякомъ случаѣ соединялась конфискація имущества, оставшагося за удовлетвореніемъ истцовъ; что въ этомъ періодѣ находимъ уже довольно развитыми денежные штрафы, виды, которые взимались за маловажныя преступленія въ пользу общественной власти; что въ этомъ періодѣ уже существовали, хотя въ зародышѣ, членовредительныя наказанія; что, наконецъ, одно опредѣленное наказаніе употреблялось рѣдко, въ немногихъ только случаяхъ, а всегда въ соединеніи съ другими: личное съ имущественнымъ (конфискація), или личное вмѣстѣ съ личнымъ и имущественнымъ.

Господствующею цѣлью наказанія было матеріальное возмездіе: преступнику платилось по возможности тѣмъ же зломъ, какое было имъ совершено. Такъ, за убійство въ разбоѣ онъ подвергался смертной казни; за кражу, совершенную вторично, отсѣченію руки и т. п.

---

(90) А. Э. I, 224, 330.
(91) А. И. III, 167. 38.
(92) А. И. I, 165; А. Э. I, 257; III, 36.
(93) А. И. I, 150, 244.

Но легко замѣтить и другую цѣль, которая имѣлась въ виду при наказаніи преступника, — устрашеніе. Этимъ наприм. объясняется то, что тати, пойманные въ третій разъ съ поличнымъ, подвергались смертной казни чрезъ повѣшеніе въ тѣхъ мѣстахъ, «гдѣ котораго татя поймаютъ съ татбою» (94). Отношеніе между лихимъ дѣломъ и наказаніемъ за него состояло въ томъ, что чѣмъ больше вреда, чѣмъ больше убытковъ причинялъ преступникъ, тѣмъ строже онъ наказывался; сверхъ того бралось въ разсчетъ, былъ ли онъ вѣдомый лихой, или нѣтъ. Большая или меньшая умышленность дѣянія не имѣла значенія, за исключеніемъ одного душегубства, и то уже въ концѣ періода. Наконецъ наказаніе соразмѣрялось съ тѣмъ, противъ кого было направлено преступленіе, что служило его объектомъ; напр. святотатцы наказывались строже простыхъ татей и т. п.

За обстоятельство, увеличивающее вину преступника, можно принять только повтореніе преступленій какъ мы это видѣли напр. при разбоѣ и татьбѣ; что же касается до стеченія преступленій, какъ обстоятельства увеличивавшаго наказаніе, то оно совпадало съ повтореніемъ и въ современныхъ Уст. Кн. законодательныхъ памятникахъ отъ него не отличается. Между тѣмъ г. Калачовъ (95) принимаетъ отдѣльно эти оба обстоятельтева, хотя въ тѣхъ статьяхъ Уст. Кн., на которыя онъ ссылается, различія между ними не видно; правда, въ нихъ говорится, что преступники, сознавшіеся съ питокъ въ одномъ совершенномъ ими преступленіи (разбоѣ или татьбѣ) и въ двухъ и болѣе подвергаются различнымъ наказаніямъ (ст. 10, 38 и 39); но по нашему мнѣнію въ этихъ статьяхъ высказано тоже, что мы находимъ въ Двинской уставной грамотѣ и въ Судебникахъ: «а татя впервые продати противу поличнаго, а въ другіе уличатъ, продадутъ его не жалуя, а уличатъ въ третіе, ино повѣсити» (96). Разница только въ выраженіяхъ, такъ что собственно повтореніе преступленій и стеченіе ихъ сливаются въ одно понятіе. Умышленность дѣянія, упоминаемую при убійствѣ, нельзя считать за обстоятельство, увеличивающее вину убійцы, потому что безъ нея не было бы и самого преступленія.

Изъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа упоминается неумышленность преступнаго дѣянія, но только по отношенію къ смертоубійству. Случаевъ неумышленности убійства, предусмотрѣнныхъ законодательствомъ, было два: совершеніе преступнаго дѣянія въ пьяномъ видѣ и въ дракѣ; другихъ не признавалось.

Вообще субъективная сторона, мотивы, побудившіе преступника къ совершенію преступленія, не обращали на себя вниманія зако-

---

(94) А. Э. I, 244.

(95) Судеб. ц. Іоанна Васильевича. въ Юрид. Зап. Рѣдкина Т. II, стр. 363.

(96) А. Э. I, 13. Суд. Пв. III, о поличномъ; Ив. IV, 55, 56.

нодательства; оно смотрѣло только на его объективную сторону, на причиненный имъ вредъ, съ которымъ и соразмѣряло наказаніе.

ГЛАВА II.

О розыскѣ до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича.

Обращаясь къ судоустройству въ московскомъ государствѣ въ эпоху Устав. Кн. Разб. Пр., мы прежде всего должны замѣтить, что XV и XVI ст. оказали въ этомъ отношеніи ту большую услугу, что дали ему опредѣленную организацію, какой до этого онъ не имѣлъ. Въ законодательныхъ опредѣленіяхъ до этого времени не было надобности, потому что самъ народъ чинилъ судъ и расправу чрезъ своихъ выборныхъ, княжескій же чиновникъ смотрѣлъ своего прибытка, а потому въ основаніи такого суда лежали чисто обычныя начала. Но, начиная съ XV ст., участіе народа въ судѣ все болѣе и болѣе стѣсняется и въ XVI ст. онъ не только утратилъ право суда чрезъ выборныхъ, но даже не могъ преслѣдовать лихихъ людей безъ согласія общественной власти, что прежде принадлежало ему вполнѣ; поэтому съ устраненіемъ народнаго элемента изъ суда потребовалось точное опредѣленіе его законодательнымъ путемъ, что и было сдѣлано уставными и судными грамотами и, наконецъ, судебниками. Съ конца же XV ст. происходитъ выдѣленіе изъ общаго обвинительнаго процесса слѣдственнаго, разыскнаго, изслѣдованіе котораго, преимущественно на основаніи Уставной Книги Разбойнаго Приказа и губныхъ грамотъ, составляетъ предметъ настоящей главы. По отношенію къ росыску слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы: 1) на его предметъ, 2) на его органы и подсудность и на конецъ 3) на его моменты.

I. Предметъ розыска.

Предметъ розыска вообще опредѣленъ нами въ предыдущей главѣ: розыскомъ судились только вѣдомыя лихія дѣла, но не всѣ онѣ вѣдались особыми, такъ называемыми губными учрежденіями, въ которыхъ по преимуществу и выработались начала слѣдственности, а только; 1) дѣла разбойныя въ томъ объемѣ, какой опредѣленъ нами въ предыдущей главѣ, 2) дѣла татиныя, куда входило и святотатство.

О святотатствѣ мы упомянули отдѣльно на томъ основаніи, что покойный профессоръ Неволинъ въ сочиненіи своемъ «о пространствѣ Церковнаго Суда въ Россіи до Петра Великаго» (97), говоритъ, что святотатство всегда было подсудно церковной власти. Къ такому заключенію онъ пришелъ на томъ основаніи, что: 1) въ

---

(97) Полн. собр. соч. т. VI, стр. 352.

Судебникахъ Ивана III и IV неопредѣлена подсудность святотатства, хотя оно и стоитъ между важнѣйшими преступленіями, 2) тоже самое и въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, и 3) при учрежденіи Святѣйшаго Синода въ 1721 году и послѣ, при Петрѣ Великомъ, святотатство было подсудно церковной власти. Противъ этого мнѣнія можно замѣтить, что въ губныхъ грамотахъ и въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, опредѣлявшихъ кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣденію только губныхъ учрежденій, святотатство находится въ числѣ этихъ дѣлъ; въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича оно помѣщено въ XXI главу, гдѣ говорится только о тѣхъ преступленіяхъ, которыя подлежали суду губныхъ старостъ и воеводъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было первыхъ, — поэтому мы заключаемъ, что въ этомъ періодѣ, т. е. отъ Судебниковъ до Уложенія, святотатство было подсудно свѣтской власти, именно губнымъ старостамъ.

3) Дѣла о смертоубійствѣ (душегубствѣ). Сверхъ того: 4) губнымъ же старостамъ принадлежалъ судъ надъ преступленіями лицъ, состоявшихъ при губныхъ учрежденіяхъ, каковы наприм. недѣльщики. 5) Губныя же учрежденія производили судъ надъ давшими ложныя показанія въ обыскахъ, надъ выдавшими преступникамъ (разбойникамъ) ихъ жертву вслѣдствіе неоказанія помощи; надъ неотведшими слѣда, неотправившимися въ погоню за преступниками, и т. д.; однимъ словомъ губными старостами вѣдались всѣ тѣ дѣла, которыя имѣли связь съ татьбою и разбоемъ. Наконецъ въ 6) въ уставной грамотѣ города Шуи 1606 года губнымъ старостамъ, наравнѣ съ городовыми приказщиками, поручены дѣла о корчемствѣ, блядни, ябедничествѣ и поддѣлкѣ подписей.

II. Объ органахъ сыскнаго процесса.

Органы общественной власти, вѣдавшіе судомъ вѣдомыхъ лихихъ людей, были сперва вообще областные правители: намѣстники, волостели, ловчіе, или ихъ тіуны ([98]). Но такъ какъ они смотрѣли на свою должность по отношенію къ суду исключительно съ точки зрѣнія поживы, кормленія, поэтому заботы ихъ объ охраненіи ввѣренной имъ области отъ лихихъ людей были недостаточны; между тѣмъ разбой, воровства, ябедничества и друг. лихія дѣла съ теченіемъ времени все росли и росли, такъ что правительство принуждено было, время отъ времени, для поимки вѣдомыхъ разбойниковъ и суда надъ ними посылать особыхъ обыщиковъ или сыщиковъ, съ которыми крестьяне должны были отправляться на обыскъ. Но сыщики также не приносили пользы, а скорѣе вредъ для жителей тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ приходилось имъ дѣйствовать, потому что: 1) они не находились въ опредѣленной мѣстности постоянно, а посылались время отъ времени туда, гдѣ, вслѣдствіе усиленія грабежей и разбоевъ, дѣятельность ихъ, по усмотрѣнію правительства, становилась необходимою, и 2) потому,

([98]) А. Э. I, 123, 150 и др.

что вѣроятно и они, подобно всѣмъ другимъ областнымъ начальникамъ, смотрѣли на свое дѣло, какъ на кормленье.

Вслѣдствіе неудовлетворительности обыщиковъ около половины XVI ст. жители стали подавать на нихъ жалобы въ томъ, что отъ нихъ чинятся имъ убытки и волокиты великія, а что они сами безъ царскаго указа вѣдомыхъ разбойниковъ ловить и обыскивать права не имѣютъ. Такой именно мотивъ для введенія новаго института—губныхъ старостъ — находимъ въ Бѣлозерской губной грамотѣ 23 октября 1539 г. «Мы къ вамъ посылали на Бѣлоозеро обыщиковъ своихъ и отъ нашихъ де обыщиковъ и отъ недѣльщиковъ чинятся вамъ великіе убытки, а вы де и съ нашими обыщиками лихихъ людей разбойниковъ не имаете, для того, что вамъ волокита велика; а сами де и вы разбойниковъ межь себя, безъ нашего вѣдома, обыскивати и имати разбойниковъ не смѣете» (99). То же самое повторяется и во всѣхъ остальныхъ губныхъ грамотахъ. Жалуясь, такимъ образомъ, на сыщиковъ, общины въ то же время указывали, что дѣятельность ихъ можетъ быть замѣнена ихъ собственною. Они говорятъ, что безъ царскаго указа сами они не могутъ ловить и обыскивать вѣдомыхъ разбойниковъ, и вотъ Иванъ Грозный, ясно видѣвшій всѣ недостатки прежняго управленія и суда, счелъ необходимымъ все т. наз. губное дѣло вручить самимъ общинамъ. Возможность передать въ руки общинъ преслѣдованіе вѣдомыхъ лихихъ людей, не смотря на то, что правительственныя и народныя воззрѣнія и цѣли были въ это время, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, уже совершенно различны, представлялась въ томъ, что, говоря словами г. Чебышева—Дмитріева (100), «общество въ области уголовнаго права менѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой сферѣ, нуждается во внѣшнемъ побужденіи къ преслѣдованію преступниковъ, по самому существу преступныхъ дѣйствій, но причинѣ ихъ общеопасности.»

Такимъ образомъ для поимки лихихъ людей и суда надъ ними повелѣно было выбрать особыхъ должностныхъ лицъ, которыя называются губными головами, губными приващиками, или губными старостами (101); послѣднее названіе сдѣлалось вскорѣ господствующимъ. Въ то же время для наблюденія надъ ними учреждено было особое высшее, центральное мѣсто въ Москвѣ—Разбойная изба или Разбойный приказъ, первые слѣды котораго представляются въ 1539 году: въ Бѣлозерской губной грамотѣ 23 октября 1539 г. упоминаются бояре въ Москвѣ, которымъ разбойныя дѣла приказаны; а за тѣмъ Разбойный приказъ упоминается и во всѣхъ остальныхъ губныхъ грамотахъ и наказахъ послѣдующаго времени (102). Названіе «Раз-

---

(99) А. Э. I, 187; см. вообще губныя грамоты.

(100) А. Чеб.-Дмитр. о преступн. дѣйств. по русск. до-петр. прав. Учен. Зап. Казанск. Унив. 1862 г., выпускъ I, стр. 12б.

(101) См. вообще губн. грамоты: А. Э. I, 187. 192 и др. А. И. I; 31. А. Э. I, 330.

(102) А. Э. I, 187, 192, 194 и др. Неволина Образ. Упр. въ Рос. отъ Іоанна III до Петра В. т. VI, стр. 169—170.

бойная изба или Разбойный Приказъ» является не ранѣе въ 1571 г. въ 1682 г.; оно было измѣнено: съ этого времени Разбойный приказъ сталъ называться Разбойнымъ Сыскнымъ Приказомъ, а въ 1682 г. просто Сыскнымъ ([103]). Поводомъ къ учрежденію этого приказа, какъ справедливо принимаетъ профессоръ Неволинъ, было умноженіе разбоевъ въ Россіи, а потому существованіе его должно было продолжаться до ихъ искорененія; но такъ какъ разбои не прекращались, то изъ временной коммиссіи образованъ былъ постоянный приказъ, кругъ дѣйствія котораго простирался на всѣ части Россіи внѣ Москвы ([104]).

На обязанность Разбойнаго приказа возложено было: 1) заботиться объ искорененіи вѣдомыхъ лихихъ людей; 2) наблюдать за правильнымъ отправленіемъ службы губнымъ начальствомъ; 3) вѣдать губныхъ старостъ судомъ, и 4) докладывать государю для рѣшенія дѣла, которыхъ губнымъ старостамъ по какимъ нибудь причинамъ рѣшить было не можно. Для приказнаго строенія къ нему было приписано нѣсколько городовъ, управленіе которыхъ, вѣроятно, вполнѣ зависѣло отъ него. Въ вѣдѣніи Разбойнаго приказа находились так. обр. всѣ лица, которымъ порученъ былъ уголовный судъ на мѣстѣ; онъ рѣшалъ окончательно дѣла о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ и наблюдалъ за ихъ наказаніемъ ([105]).

Уголовный судъ на мѣстѣ вѣдали губные старосты. Округъ, въ которомъ они находились, назывался губою. Губа сперва означала округъ вообще; такъ въ Псковской Судной Грамотѣ мы уже встрѣчаетъ губскихъ старостъ (низшихъ должностныхъ лицъ, съ характеромъ болѣе полицейскимъ). Эти лица указываютъ на раздѣленіе псковской области на губы, которыя однако же не означали уголовныхъ присудовъ, такъ какъ губскіе старосты не вѣдали уголовныя дѣла исключительно, а были, по вѣроятному заключенію г. Энгельмана, низшими судебными властями и по дѣламъ о преступленіяхъ могли принимать только явку о нихъ совершенія. Относительно дѣленія псковской области на губы, г. Энгельманъ дѣлаетъ догадку, что можетъ быть псковскія волости раздѣлялись на губы, начальниками которыхъ и были губскіе старосты ([106]). Такимъ образомъ онъ принимаетъ губы за подраздѣленіе волости.

Съ значеніемъ уголовнаго присуда губа встрѣчается уже въ московскомъ государствѣ, не ранѣе XVI вѣка. Г. Дмитріевъ думаетъ, что губа означала сперва общину, получившую право собственной расправы по дѣламъ уголовнымъ, а потомъ вообще уголовный округъ, и что нужно дѣлать различіе между двумя значеніями губы: обширнымъ и тѣснымъ. Въ обширномъ смыслѣ, по его мнѣнію, губа означала городъ съ уѣздомъ, а въ тѣсномъ—округъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько селеній и едва-ли не ратнявшійся

([103]) Ibid.

([104]) Ibid.

([105]) Улож. гл. XXI, 1, 6, 49, 99; Невол. ibid.

([106]) И. Энгельмана: гражд. зак. Псков. Суд. Грам., стр. 103.

стану; это значеніе губы и есть древнѣйшее. Послѣднее положеніе г. Дмитріева, основанное между прочимъ на словахъ г. Калачова ([107]), который говоритъ, что губою въ самомъ тѣсномъ значеніи называлось мѣсто, гдѣ производились губныя дѣла, какъ-то: губной станъ, губной дворъ, губная изба, не совсѣмъ справедливо. Очевидно, что г. Калачовъ, говоря, что губою въ тѣсномъ смыслѣ назывались губной станъ, губной дворъ и губная изба, неразумѣетъ подъ губнымъ станомъ раздѣленія области на станы, съ которымъ будто бы совпадало дѣленіе на губы, какъ думаетъ г. Дмитріевъ; станъ у него означаетъ вообще мѣсто, гдѣ имѣлъ свое пребываніе, «стоялъ» губной староста; такъ что, если дѣйствительно иногда и совпадалъ станъ, какъ территоріальное дѣленіе, съ губою, то это должно принять за случай, не болѣе.

Раздѣленіе на губы не имѣло никакой правильности, покрайней мѣрѣ первоначально, что ясно видно уже изъ того, что предоставленіе татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ вѣденію общинъ, отдѣльныхъ учрежденій или даже частныхъ лицъ было привиллегіею, а не общею законодательною мѣрою. Слѣдовательно въ губу входили только тѣ селенія, которыя испрашивали, или для которыхъ испрашивалась у правительства привилегія собственнаго преслѣдованія вѣдомыхъ лихихъ людей. Поэтому напр. мы встрѣчаемъ губныя грамоты, данныя только тѣмъ селеніямъ, которыя принадлежали извѣстному монастырю; такъ въ актахъ помѣщено нѣсколько губныхъ грамотъ селамъ и деревнямъ Троицко-Сергіева монастыря, губной наказъ селамъ Кириллова монастыря и др. На сосѣднія земли дѣйствіе ихъ не распространялось. Наконецъ губныя грамоты выдавались селамъ и волостямъ, принадлежавшимъ частнымъ лицамъ, по ихъ просьбѣ; такая грамота напр. была выдана царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ боярину Дмитрію Ивановичу Годунову ([108]). Въ XVII вѣкѣ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, губа встрѣчается въ смыслѣ одного или даже двухъ уѣздовъ ([109]).

Искорененіе вѣдомыхъ разбойниковъ и татей въ губѣ и судъ надъ ними принадлежалъ, какъ мы уже сказали, губнымъ старостамъ. Когда жителямъ губы предоставлялось губною грамотою право собственнаго суда и расправы по дѣламъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось избрать губнаго старосту всѣми жителями извѣстнаго округа. Выборы должны были быть, кажется, единогласные; по крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ выраженій большинства губныхъ грамотъ: «какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ свѣтясь всѣ заодинъ, учинили собѣ въ тѣхъ своихъ волостяхъ въ головахъ и проч. ([110]). Если губная грамота давалась какому-нибудь частному лицу, то отъ него вполнѣ зави-

---

([107]) Н. Калачовъ О. суд. Юрид. Зап. Рѣдкина т. II. стр. 370.

([108]) А. Э. I, 194, 244, 224, 330. Уголовные законы царя и Великаго Князя Іоанна IV Васильевича, Оболенскаго. Москва. 1841.

([109]) Дмитр. Ист. Суд. Инст., стр. 52

([110]) А. Э. I, 187, 194; А. И. I, 31.

сѣло и назначеніе губнаго старосты. Такъ, въ губной грамотѣ сотамъ и волостямъ боярина Дмитрія Ивановича Годунова сказано, что въ губные старосты крестьяне избираютъ „того, «кого велитъ выбрать боярин» (111). Губные старосты производили судъ въ губной избѣ; на судѣ ихъ присутствовали особые губные цѣловальники, которые избирались одними сошными людьми: «а на судѣ у нихъ быти губнымъ цѣловальникомъ по выборомъ сошныхъ людей (112). Письменною частью завѣдывалъ губной дьякъ или дьячекъ, который былъ избираемъ, какъ и губной староста, также всѣми жителями губы (113). По окончаніи выборовъ, избранные въ губные старосты, въ губные цѣловальники и въ губные дьяки должны были ѣхать въ Москву для принятія присяги, къ которой они приводились въ Разбойномъ приказѣ; безъ этого они не должны были ни подъ какимъ видомъ вступать въ отправленіе должности: «а безъ крестнаго цѣлованья у дѣла имъ не быти ни которыми дѣлы» (114). Судомъ вѣдались они въ Разбойномъ приказѣ (115). Послѣ присяги губной староста получалъ изъ Разбойнаго приказа наказъ, на основаніи котораго и долженъ былъ производить судъ и расправу. По пріѣздѣ на мѣсто онъ долженъ былъ немедленно озаботиться устройствомъ для заключенія вѣдомыхъ лихихъ людей тюремъ и опредѣлить къ нимъ сторожей, по поручнымъ записямъ сошныхъ людей; сторожа находились и въ губной избѣ, куда были опредѣляемы такимъ же образомъ, какъ и тюремные, т. е. за поруками сошныхъ людей. За тѣмъ въ распоряженіи губнаго старосты состояли низшіе служители: недѣльщики, палачи и бирячи (116).

Условія для занятія должности губнаго старосты выставлены слѣдующія: 1) грамотность, 2) прожиточность и 3) классъ. Губныхъ старостъ повелѣвалось избирать только изъ боярскихъ дѣтей, годныхъ для губнаго дѣла (которыхъ съ губное дѣло станетъ) (117).

О числѣ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ въ губѣ точныхъ постановленій губныя грамоты не даютъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сказано, что жители избираютъ губныхъ головъ въ волости человѣка три или четыре, да съ ними старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей человѣкъ пять или шесть. Иногда ихъ было и меньше; такъ для цѣлаго города Бѣлоозера съ уѣздомъ назначаются только два губные старосты и при этомъ не опредѣлено, сколько должно было состоять при нихъ цѣловальниковъ. Встрѣчаются, наконецъ, грамоты, въ которыхъ установляется на цѣлую губу только одинъ губной староста (118). Срока службы губныхъ старостъ также не

---

(111) Уголов. зак. цар. и велик. кн. Ив. IV. Оболенскаго.
(112) А. И. III, 167 ст. 56. А. Э. I, 224, 281, 330 и др.
(113) А. И. III, 167 ст. 57.
(114) Ibid ст. 59.
(115) Ibid ст. 60.
(116) А. И. III, 167, 58 ст. А. Э. I, 330; II. 19.
(117) А. Э. I, 187. 192, 194, 330.
(118) А. Э. I, 187, 194, 224, 330. Доп. къ А. И. I, 31.

было установлено;—кажется, что смѣна ихъ зависѣла главнымъ образомъ отъ избирателей.

Губные цѣловальники избирались обыкновенно на одинъ годъ изъ крестьянъ, съ сохъ, со всѣхъ земель, за исключеніемъ дворцовыхъ и посадовъ. При опредѣленіи ихъ на должность соблюдалась очередь между волостями и селами, такъ какъ обязанность отправлять эту должность была повинностью. Такъ, опредѣлено брать въ цѣловальники сперва изъ большихъ помѣстій и вотчинъ, потомъ изъ среднихъ и наконецъ изъ меньшихъ; но не сказано, какія именно помѣстья и вотчины должно считать большими, средними и меньшими ([119]).

Губные старосты не получали никакого вознагражденія за свою службу, поэтому и постановлено избирать ихъ изъ людей прожиточныхъ. Изъ царскаго наказа Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ 12 марта 1571 года ([120]) видно, что пошлины съ татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ (по два алтына съ рубля) шли не въ пользу губныхъ старостъ, а были отсылаемы ими въ Разбойный приказъ; но и это постановленіе есть исключеніе, потому что самыя пошлины съ дѣлъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ упоминаются только въ одномъ этомъ памятникѣ и, кажется, вполнѣ справедливо будетъ принять, что онѣ на судѣ губныхъ старостъ вообще не взимались.

Губные цѣловальники, дьячки, сторожа, палачи и бирячи получали отъ опредѣлившаго ихъ земства денежное содержаніе, подмогою же со стороны жителей не пользовались ([121]).

Обязанности губныхъ старостъ опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: 1) они должны были розыскивать и ловить вѣдомыхъ разбойниковъ и татей, и заботиться о томъ, чтобы не было въ ихъ округахъ разбойничьихъ становъ и пріѣздовъ; 2) судить вѣдомыхъ лихихъ людей, и 3) казнить ихъ смертью или налагать другія наказанія, по мѣрѣ ихъ вины, безъ доклада ([122]).

Такимъ образомъ губные старосты даже вначалѣ, при самомъ ихъ введеніи, имѣли и судебную и полицейскую власть, а не были, какъ думаетъ г. Дмитріевъ ([123]), только понятыми разбойниковъ. Замѣтимъ кстати, что ближайшее опредѣленіе обязанностей губныхъ старостъ едва-ли возможно, такъ какъ они опредѣлялись не только губными грамотами и наказами, но и постановленіями непосредственнаго ихъ начальства, напр. монастырскаго собора.

Судъ губные старосты должны были производить по крестному цѣлованью, вправду, безъ хитрости, другу не дружить, а недругу не мстить, посуловъ и поминковъ не брать. Ближайшее наблюде-

---

([119]) А. Э. I, 187 и др. А. Э. II, 19.

([120]) А. Э. I, 281.

([121]) А. Э. II, 19.

([122]) См. вообще Губныя грамоты и А. И. III, 167 ст. 42.

([123]) Дмитріевъ стр. 54.

ніе за безкорыстнымъ отправленіемъ ихъ должности поручено было самимъ же губнымъ старостамъ, которые должны были наблюдать другъ за другомъ, а высшій контроль, какъ мы уже сказали, принадлежалъ Разбойному приказу. На случай обвиненія старостъ въ недружбѣ или поноровкѣ, которое могъ сдѣлать только истецъ, постановлено уже въ XVII вѣкѣ, что на его судѣ долженъ присутствовать иного города губной староста ([124]).

Обязанности губныхъ цѣловальниковъ состояли въ томъ, что: 1) они присутствовали на судѣ губныхъ старостъ, 2) исполняли ихъ порученія, напр. въ началѣ производили обыскъ, 3) въ ихъ ближайшемъ, непосредственномъ завѣдываніи находились тюрьмы, и наконецъ 4) они же собирали деньги на жалованье себѣ и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя получали его въ губномъ вѣдомствѣ, и о которыхъ сказано выше ([125]).

Что касается до отношеній губныхъ старостъ къ другимъ вѣдомствамъ, то они de jure не находились въ зависимости ни отъ кого; дѣйствія ихъ были совершенно самостоятельны по отношенію къ суду вѣдомыхъ разбойниковъ. Только при введеніи губныхъ учрежденій въ судѣ губныхъ старостъ надъ татями участвовали областные правители ([126]), о чемъ упоминается впрочемъ только въ одномъ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря 27 сентября 1549 г., но и татей вскорѣ же начали судить только одни губные старосты.

Не смотря на совершенно ясное постановленіе Судебника 1550 года, по которому намѣстники и волостели судятъ всѣ вообще лихія дѣла, кромѣ разбоя, подлежавшаго суду губныхъ старостъ, постановленіе, которымъ повелѣвается губнымъ старостамъ: «опричь вѣдомыхъ разбойниковъ у намѣстниковъ не вступатися ни во что», г. Калачовъ([127]), наоснованіи его, говоритъ, что губные старосты должны были только участвовать въ судѣ намѣстниковъ и волостелей по дѣламъ вѣдомыхъ разбойниковъ, приказывая судить эти дѣла не по Судебнику, а по губнымъ грамотамъ. Но, очевидно, такое мнѣніе несправедливо, особенно если взять во вниманіе изданные около этого времени губные наказы; изъ нихъ прямо видна полная самостоятельность губныхъ старостъ въ судѣ вѣдомыхъ разбойниковъ.

Со введеніемъ воеводъ, какъ постоянной и общей формы управленія для цѣлой Россіи, эти послѣдніе стали участвовать не только въ гражданскомъ, но и въ уголовномъ судѣ, поэтому губные старосты должны были стать въ извѣстное, зависимое отъ нихъ положеніе. Самое избраніе ихъ мѣстными жителями производилось по распоряженію воеводы, а въ нѣкоторыхъ даже мѣстахъ губные старосты прямо назначались ими ([128]). Слѣдствіе и судъ въ дѣлахъ татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ производили губные ста-

---

([124]) А. И. III, 167, 61.
([125]) Ibid. ст. 68. А. Э. II. 19.
([126]) А. Э. I, 224.
([127]) Калачова о Суд. Юр. Зап. Рѣдкина т. I; стр. 55—56.
([128]) А. Э. II, 19.

росты и цѣловальники подъ главнымъ вѣдѣніемъ воеводъ, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ губныхъ старостъ не было, обязанности производства слѣдствія и суда прямо поручались воеводѣ подъ наблюденіемъ Разбойнаго приказа. Вообще говоря, воевода не былъ прямымъ начальникомъ губныхъ старостъ, но имѣлъ ближайшее отношеніе къ уголовному судопроизводству. Ему поручено было: 1) заботиться о предупрежденіи и искорененіи разбоевъ, 2) дѣлать распоряженія о производствѣ слѣдствій, 3) наблюдать за исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ, и 4) надзирать за тюрьмами ([129]).

Предоставленіе общинамъ права собственнаго суда и расправы надъ вѣдомыми лихими людьми было, какъ мы сказали, привилегіею, которую онѣ испрашивали для того, чтобы избавиться отъ причиняемыхъ сыщиками волокиты и убытковъ, и уже поэтому губные старосты не были учрежденіемъ повсемѣстнымъ, какъ думаетъ г. Дмитріевъ ([130]), который говоритъ, что Иванъ Грозный ввелъ губныхъ старостъ, какъ общее повсемѣстное учрежденіе, и что съ этого времени избраніе ихъ стало обязательнымъ для каждаго уѣзда. Такого заключенія сдѣлать нельзя; напротивъ, сохранилось достаточно грамотъ отъ второй половины XVI ст., изъ которыхъ прямо видно, что было очень много такихъ мѣстностей, гдѣ губныхъ старостъ вовсе не было, и что учрежденіе ихъ съ установленіемъ въ общинахъ собственнаго управленія и суда по всѣмъ вообще дѣламъ не было уже необходимо. При Иванѣ IV, со второй половины XVI ст., намѣстники и другіе областные правители уничтожаются, а судъ и администрація переходятъ къ земству, къ выборнымъ отъ него излюбленнымъ головамъ или земскимъ судьямъ, и цѣловальникамъ. Этимъ выборнымъ лицамъ передаются въ числѣ прочихъ и губныя дѣла въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ губныхъ старостъ не было; такъ, въ Важской уставной грамотѣ 21 марта 1552 г. сказано: «а учинится у нихъ душегубство на посадѣ или въ станѣхъ и въ волостѣхъ, и они вѣдомаго душегубца поймаютъ, посадскіе люди всѣмъ посадомъ, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ поимаютъ становые хрестьяне или волостные хрестьяне, а животы его и статки перепишутъ да запечатаютъ, а душегубца, и живота его переписавъ списокъ, отдадутъ тѣмъ же своимъ излюбленнымъ головамъ: и тѣ ихъ излюбленные головы того душегубца судятъ и обыскиваютъ, да истцомъ изъ душегубцова живота искъ платятъ» ([131]). Изъ этого постановленія невидно, чтобы губныя дѣла поручены были излюбленнымъ головамъ на время, до введенія губныхъ старостъ; напротивъ, скорѣе должно считать это за общее правило, потому что даже тамъ, гдѣ губные старосты были, все-таки сыскъ и судъ вѣдомыхъ лихихъ людей производился не одними ими, а вмѣстѣ съ выборными головами или судьями ([132]). Разница

([129]) И. Андреевскаго: о намѣстникахъ, воевод. и губер., стр. 100 и слѣд.

([130]) Ист. Суд. Инст., стр. 53.

([131]) А. Э. I, 234.

([132]) А. И. I, 165. А. Э. I, 257; А. Э. II, 52.

въ судѣ губныхъ старостъ и излюбленныхъ головъ состояла въ томъ, что если излюбленные головы судили уголовныя дѣла безъ губныхъ старостъ, то не могли рѣшать окончательно дѣлъ о грабежѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ ([133]).

Кромѣ губныхъ старостъ, излюбленныхъ головъ и цѣловальниковъ, главною обязанностью которыхъ былъ судъ надъ вѣдомыми лихими людьми, были установлены еще особыя лица, заботившіяся только объ охраненіи извѣстнаго участка отъ вѣдомыхъ лихихъ людей и о поимкѣ ихъ; судебной власти они не имѣли. Эти лица были прикащики, старосты (но не губные), сотскіе (на 100 дворовъ), пятидесятскіе (на 50 дворовъ) и десятскіе (на 10 дворовъ) ([134]). Они обязаны были смотрѣть за тѣмъ, чтобъ въ ихъ участкахъ не было лихихъ людей, отыскивать ихъ и доставлять въ губнымъ старостамъ ([135]). Въ приговорной грамотѣ Троицко-Сергіевскаго монастырскаго собора 31 октября 1555 года изложены правила, какимъ образомъ сотскіе должны были брать лихаго человѣка, а именно: если въ участкѣ сотскаго оказывался лихой человѣкъ, то онъ не долженъ былъ арестовывать его, а только увѣдомить посельскаго и старосту, на обязанности которыхъ лежало доставить его къ губному старостѣ ([136]). Старосты, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе наблюдали, далѣе, чтобы въ ихъ участкахъ не жили безъявочно пріѣзжіе и вообще нетутошніе, незнаемые люди. Явка совершалась слѣдующимъ образомъ: пріѣзжій долженъ былъ быть представленъ десятскому тѣмъ изъ находящихся въ его участкѣ жителемъ, у котораго онъ остановился; десятскій являлъ его пятидесятскому, а этотъ послѣдній—сотскому. Всѣ они вмѣстѣ осматривали этого незнаемаго человѣка и записывали его имя и мѣсто, откуда онъ прибылъ. Если являемый не давалъ о себѣ свѣдѣній, то задерживался, какъ подозрительный, до тѣхъ поръ, пока производили о немъ обыскъ, который имѣлъ послѣдствіемъ или освобожденіе его, въ случаѣ одобренія, или выдачу губному старостѣ, при обличованіи.

Надо замѣтить, что всѣ вообще жители извѣстной мѣстности имѣли обязанности по отношенію къ искорененію въ ней лихихъ людей, обязанность, которую они добровольно приняли ее на себя; такъ, жители села или деревни должны были ѣздить на поимку разбойниковъ туда, куда они скрывались по совершеніи преступленія, если послѣднее произошло въ ихъ околоткѣ (позднѣе этотъ порядокъ былъ измѣненъ тѣмъ, что губной староста посылалъ съ цѣловальникомъ грамоту къ губному старостѣ той губы, куда скрывался преступникъ, съ требованіемъ выслать его къ нему, послѣ предварительныхъ обысковъ, на судъ). Жители отвѣчали не только за укрывательство лихихъ людей, но и за то, что не ловили ихъ,

---

([133]) А. И. I, 165. А. Э. I, 257, Ш, 36.

([134]) А. Э. I, 137, 192, 194. Допол. къ А. И. I, 31 и др.

([135]) А. Э. I, 234, 250; II, 52.

([136]) А. Э. I, 244.

имѣя къ тому возможность; отвѣтственности подвергались, разумѣется, и старосты, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, только съ тою разницею, что отвѣтственность послѣднихъ, какъ лицъ оффиціальныхъ, была гораздо большая (137).

Кромѣ изложенныхъ обязанностей, лежавшихъ на старостахъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, они должны были наблюдать еще за тѣмъ, чтобы въ волости ихъ не было скомороховъ, волхвовъ и бабъ ворожей,—лицъ, которыя также причислены были, по изложеннымъ выше причинамъ, къ разряду лихихъ людей; они же должны были смотрѣть, чтобы никто не держалъ у себя корчемъ и блядни, чтобы не было игры въ зернь и кости и т. п. (138). Вообще можно сказать, что они были чисто полицейскими властями и обязаны были наблюдать за безопасностью и благочиніемъ въ своихъ участкахъ.

Въ должности старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ предписывалось избирать крестьянъ, которые были бы собою добры и прямы и всѣмъ крестьянамъ любы, и по избраніи приводить ихъ къ присягѣ. Въ выборахъ ихъ участвовали только крестьяне (139).

Изъ установленія особыхъ должностныхъ лицъ для поимки въ общинахъ лихихъ людей, видно, что у правительства была цѣль отдѣлить полицейскую дѣятельность отъ судебной, предоставивъ только послѣднюю губнымъ старостамъ; и хотя оно не сдѣлало вполнѣ такого раздѣленія полицейской и судебной власти, но изъ установленія особыхъ лицъ, которымъ ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ, слѣдуетъ, что губные старосты суть преимущественно судьи, а не исключительно поимщики разбойниковъ, какъ думаетъ г. Дмитріевъ.

2) Разсмотримъ теперь постановленія о подсудности вѣдомыхъ лихихъ людей.

За общее правило можно принять, что подсудность въ дѣлахъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ опредѣлялась мѣстомъ совершенія преступленія: каждый лихой человѣкъ судимъ былъ губнымъ старостою той губы, въ которой онъ совершилъ преступленіе; такъ что преступникъ, совершившій преступленіе въ одной губѣ и скрывшійся въ другой, вытребовывался на судъ губнымъ старостой той губы, гдѣ онъ совершилъ преступленіе. Губной староста, которому былъ подсуденъ преступникъ, посылалъ грамоту къ губному старостѣ того округа, куда онъ скрылся, чтобы послѣдній, поймавъ и обыскавъ названнаго въ ней лихаго человѣка, отослалъ его къ нему вмѣстѣ съ обыскнымъ спискомъ. Грамота эта отсылалась съ цѣловальникомъ, который долженъ былъ вручить ее при свидѣтеляхъ на случай жалобы въ Разбойный приказъ, еслибы губной староста не исполнилъ изложенныхъ въ ней требованій.

---

(137) А. Э. I, 187, 194, 224. Допол. къ А. И. I, 31.
(138) А. Э. II, 52.
(139) А. Э. I, 250, 194 и др.

Мѣсто нахожденія преступника имѣло слѣдующее вліяніе на подсудность: вѣдомый лихой человѣкъ подлежалъ суду старосты той губы, гдѣ находился, если даже преступленіе совершено было имъ въ другой губѣ, если только подлежащимъ губнымъ начальствомъ онъ не былъ потребованъ къ своему суду. Такъ пріѣзжіе люди, если они оказывались лихими, были судимы мѣстнымъ губнымъ старостой ([140]).

Въ видахъ судебной гарантіи для преступниковъ, запрещалось судить ихъ за совершенныя ими преступленія тѣмъ губнымъ старостамъ, въ округахъ которыхъ было совершено преступленіе, безъ представителей общины, къ которой они принадлежали.

Наконецъ относительно подсудности въ дѣлахъ уголовныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ опричнинѣ и земщинѣ, находимъ слѣдующее постановленіе: опричники, пойманные земскими людьми въ разбоѣ или татьбѣ, судились своимъ губнымъ старостою, вмѣстѣ съ губнымъ старостою того земства, въ которомъ были пойманы въ преступленіи, и наоборотъ: земскій человѣкъ, пойманный въ разбоѣ или татьбѣ въ опричнинѣ, судился губнымъ старостою того земства, въ которомъ жилъ лихой человѣкъ, вмѣстѣ съ губнымъ старостою округа, гдѣ было совершено преступленіе. Въ обоихъ случаяхъ губной староста, въ округѣ котораго совершено было лихое дѣло, ѣхалъ съ пойманнымъ преступникомъ въ мѣсто его жительства. Въ малыхъ преступленіяхъ старосты не ѣздили другъ къ другу и не составляли смѣстнаго суда, а только посылали одинъ къ другому лихихъ людей съ цѣловальниками на очную ставку. Что должно разумѣть подъ малыми преступленіями,—не опредѣлено; вѣроятно это были тѣ, которыя преслѣдовались изъ полицейскихъ видовъ и не имѣли характера лихаго дѣла ([141]).

Обвиненіе кого либо въ лихомъ дѣлѣ, сдѣланное лихимъ человѣкомъ, не служило основаніемъ для потребованія губнымъ старостою обвиненнаго къ своему суду, если онъ не совершилъ преступленія въ его губѣ, или не имѣлъ въ ней своего мѣстопребыванія. Такъ, если разбойникъ называлъ своихъ товарищей, жившихъ въ иныхъ городахъ, то губной староста, который получалъ такое признаніе, долженъ былъ посредствомъ грамоты извѣстить губнаго старосту той губы, гдѣ находились указанные товарищи пойманнаго, чтобы онъ «поймавъ ихъ, обыскавъ и доведчи, казнилъ по губнымъ грамотамъ» ([142]).

Всѣ изложенныя правила о подсудности, за исключеніемъ перваго, какъ общаго, суть исключенія.

III. Моменты розыска.

Въ этомъ отдѣлѣ намъ необходимо обратить вниманіе на три вопроса: 1) на способы возникновенія сыскнаго дѣла; 2) на дока-

---

([140]) А. Э. I, 192, 194.

([141]) А. Э. I, 194, 281, 330.

([142]) А. Э. I, 187, 194. Доп. къ А. И. I, 31.

зательства виновности подсуднмаго и 3) на окончаніе дѣла, т. е. приговоръ.

Нельзя сказать, чтобы сыскъ вовсе былъ неизвѣстенъ древней Руси, что онъ есть исключительно результатъ развитія государственности, и что потому въ древнія времена о немъ не могло быть и рѣчи. Лучшимъ доказательствомъ противнаго служатъ напр. нѣкоторыя постановленія Псковской Судной Грамоты, памятника, созданнаго народнымъ вѣчемъ. Уже въ ея постановленіяхъ замѣтенъ зародышъ слѣдственной формы суда надъ нѣкоторыми преступленіями. Изслѣдователь Псковской Судной Грамоты, г. Энгельманъ ([143]), говоритъ, что «въ ней уже встрѣчаются первые слѣды различія процесса слѣдственнаго отъ псковаго. Хотя слѣдственное судопроизводство является только что въ зародышѣ и еще не отрѣшилось отъ псковаго; но уже проявляетъ свой отличительный характеръ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, отступленіяхъ отъ общаго (псковаго) порядка судопроизводства, къ которому оно относится, какъ видъ къ своему роду».

Эти зародыши слѣдственности въ Псковской Судной Грамотѣ заключаются: 1) въ явкѣ, т. е. объявленіи о совершенномъ преступленіи для облегченія его преслѣдованія ([144]), 2) въ обыскѣ въ дѣлахъ о татьбѣ ([145]) и, наконецъ, 3) въ разспросѣ въ дѣлахъ о боѣ и грабежѣ ([146]).

Въ памятникахъ конца XV и первой половины XVI ст. также можно замѣтить нѣкоторые элементы слѣдственнаго процесса въ судѣ надъ вѣдомыми лихими людьми. Въ нихъ почти не опредѣленъ порядокъ суда надъ ними; но ужъ изъ самаго названія «вѣдомый», выходитъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые элементы розыска примѣнялись и въ это время. Это же положеніе подтверждаетъ институтъ сыщиковъ или обыщиковъ, которые, какъ извѣстно, должны были вмѣстѣ съ крестьянами ходить на обыскъ вѣдомыхъ разбойниковъ. Въ Судебникахъ и за тѣмъ въ губныхъ наказахъ и Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа элементы слѣдственнаго процесса являются болѣе опредѣленными, а потому мы и обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на послѣдніе два рода памятниковъ, такъ какъ они только и составляютъ предметъ нашего изслѣдованія.

1) Когда въ первой половинѣ XVI ст. судъ надъ дѣлами разбойными, а за тѣмъ татиными, и наконецъ въ XVII в. дѣлами о смертоубійствѣ отошелъ къ общинамъ, на которыя возложена была довольно строгая отвѣтственность, если въ средѣ ихъ находился вѣдомый лихой человѣкъ, то естественно, что и обвиненіе въ лихомъ дѣлѣ принадлежало съ одной стороны цѣлой общинѣ, а съ другой каждому отдѣльному ея члену; отсюда два повода къ началу сыск-

---

([143]) Гражд. Зак. Псков. Суд. Грам. Стр. 156.

([144]) Ibid. §§ 156, 157, стр. 158—160.

([145]) Ibid. § 108 стр. 160.

([146]) Ibid. Гл. «Судопроизвод. о боѣ и грабежѣ» стр. 166.

наго дѣла: обвиненіе кого-либо въ лихомъ дѣлѣ посредствомъ обвинительнаго обыска и частными лицами. Для наблюденія за тѣмъ, чтобы въ общинахъ не имѣли своего пребыванія лихіе люди, были установлены опредѣленныя полицейскія власти; поэтому естественно, что найденный ими лихой человѣкъ ими же могъ быть и обвиненъ; такимъ образомъ обвиненіе въ лихомъ дѣлѣ полицейскою властью было нерѣдкимъ поводомъ къ началу сыска; наконецъ уже въ теченіи дѣла обвиняемые могли указать на своихъ товарищей, — вотъ четвертый способъ возникновенія сыска.

П такъ поводовъ, по которымъ могло быть начато сыскное дѣло, было четыре: а) лихованный обыскъ, б) частная жалоба, в) донесеніе полицейскаго начальства и г) оговоръ.

а) Повальный обыскъ въ губномъ производствѣ имѣлъ двоякое значеніе: съ одной стороны служилъ поводомъ для начатія сыскнаго дѣла, а съ другой—судебнымъ доказательствомъ. Здѣсь собственно слѣдуетъ сказать о повальномъ обыскѣ только въ первомъ его значеніи, но провести границы между обыскомъ, какъ судебнымъ доказательствомъ, и т. наз. лихованнымъ обыскомъ, невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, когда судъ начинался на основаніи лихованнаго обыска, то онъ служилъ и судебнымъ доказательствомъ; отдѣльнаго обыска не производили. Объяснить сущность лихованнаго обыска дѣло не легкое. Въ губныхъ наказахъ и въ Уставной Книгѣ въ каждой статьѣ имѣется въ виду истецъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаются и такіе случаи, когда истцовъ нѣтъ, когда слѣдовательно дѣло начиналось или на основаніи лихованнаго обыска, или оговора, или, наконецъ, подозрѣнія полиціи. Слѣдовательно лихованный обыскъ можно считать за самостоятельный способъ начала сыскнаго дѣла. Но въ ст. 18 Уставной Книги сказано, что истецъ могъ начать дѣло розыскомъ только на основаніи поличнаго или лихованнаго обыска, или язычной молки, слѣдовательно можно думать, что оба послѣдніе способа обвиненія не были самостоятельны, а всегда предполагали истца, что прямо противорѣчитъ тѣмъ постановленіямъ, въ которыхъ повелѣвается производить сыскъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда истцовъ нѣтъ, но когда на обыскѣ указанъ кто либо, какъ вѣдомый лихой, или оговоренъ преступникомъ на пыткѣ. Относительно лихованнаго обыска можно замѣтить, что губной староста, при облиховаиіи кого нибудь, разспрашивалъ обыскныхъ, какое именно лихое дѣло совершилъ облихованный; слѣдовательно всегда находился истецъ, и поэтому обыскъ не служилъ поводомъ для начала розыскнаго дѣла. Но если обыскные не могли представить т. наз. довода, т. е. самыхъ фактовъ, на которыхъ они основывали свое мнѣніе, то черезъ это дѣло не прекращалось, а слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Можно было бы думать, что въ приведенной статьѣ дѣло идетъ о вступленіи истца въ процессъ, но на этотъ вопросъ находимъ отвѣтъ отрицательный; такъ что значеніе обвинительнаго обыска остается неяснымъ.

Обратимся теперь къ сущности повальнаго обыска вообще въ этомъ періодѣ. Въ этомъ отношеніи нельзя не обратить вниманія

на мнѣніе профессора Чебышева-Дмитріева, которое можно считать за господствующее. Г. Чебышевъ Дмитріевъ ([147]) видитъ въ обыскѣ, какъ онъ является въ XVI ст., остатокъ прежняго самовластія общинъ, когда онѣ, пользуясь полною автократіею и автономіею, рѣшали вопросъ о выдачѣ или невыдачѣ на судъ князя преступниковъ. Но автократическія и автономическія стремленія общинъ уступили напору государственныхъ понятій Московскихъ князей, а потому и обыскъ, напоминавшій эти стремленія общинъ, долженъ былъ, подъ вліяніемъ правительства, измѣнить свое значеніе, и вмѣсто того, чтобы служить къ опредѣленію качества подсудимаго, онъ отвѣчалъ на вопросъ—совершилъ ли тотъ или другой человѣкъ извѣстное преступленіе, или нѣтъ, другими словами—обыскъ сошелъ на степень простаго свидѣтельскаго показанія. «Вопросъ, добрый или лихой человѣкъ подсудимый, предлагавшійся обыскнымъ людямъ, говоритъ г. Чебышевъ-Дмитріевъ, былъ вѣроятно остатокъ прежняго времени, когда мнѣніе общины о личныхъ качествахъ подсудимаго рѣшало его судьбу на судѣ; теперь же форма вопроса не соотвѣтствовала уже сущности требуемаго отвѣта».

Принять это мнѣніе во всей полнотѣ нельзя; въ XVI ст. повальный обыскъ былъ еще однимъ изъ главныхъ судебныхъ доказательствъ, хотя съ нимъ въ силѣ были сравнены и другія. Не пользуясь прежнимъ безусловнымъ довѣріемъ правительства, онъ все-таки въ это время не сошелъ еще на степень свидѣтельскихъ показаній, что было сдѣлано только новоуказными статьями во второй половинѣ XVII ст.

Правила о производствѣ какъ обвинительнаго обыска, такъ и обыска, какъ судебнаго доказательства, одинаково и изложены во многихъ сочиненіяхъ. Для полноты и мы должны сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Губной староста, по принятіи въ Разбойномъ приказѣ присяги и по полученіи отъ него наказа, приказывалъ собраться со всего своего округа чернецамъ, попамъ, дьякономъ, приказщикамъ, старостамъ, цѣловальникамъ и крестьянамъ,—съ выти по человѣку; послѣ того какъ всѣ означенныя лица съѣзжались въ указанное мѣсто, губной староста производилъ допросъ лицамъ духовнаго званія по священству и иноческому обѣщанію, а прочимъ—по государеву крестному цѣлованью ([148]), кто у нихъ въ селахъ и деревняхъ лихіе люди—тати и разбойники, къ кому они пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ, отъ кого на разбой ѣздятъ и кому добытое разбоемъ имущество продаютъ за разбойное. Если обыскные указывали лихихъ людей, то губной староста долженъ былъ разспросить, какое именно лихое дѣло совершили они (что

([147]) О прест. дѣйств. по руск. до-петр. праву стр. 133 и слѣд.

([148]) Г. Дмитріевъ (Ист. Суд. Инст. стр. 266) думаетъ, что обыскные не должны были въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принимать присягу, но что здѣсь разумѣется вообще присяга государю.

чье лихо), кто кого разбивалъ, къ кому именно пріѣзжалъ съ разбоя и отъ кого ѣздилъ на разбой.

Лихованный обысъ губной староста производилъ или одинъ, или, какъ видно изъ губнаго наказа Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ 12 марта 1571 года, губные старосты и цѣловальники для обыска съѣзжались въ одно мѣсто, въ городъ Бѣлоозеро, и производили его всѣ вмѣстѣ. Отобранныя отъ обыскныхъ людей показанія записывались въ обыскные списки, къ которымъ грамотные изъ обыскныхъ людей прикладывали руки, а за неграмотныхъ подписывался ихъ духовный отецъ. Если кто оказывался оговореннымъ, то немедленно брался губными старостами, а имущество его переписывалось, запечатывалось и отдавалось на сохраненіе до рѣшенія дѣла ([149]).

Обыскные люди не только имѣли право выдать лихаго человѣка, но это было ихъ обязанностью, потому что въ противномъ случаѣ они подвергались наказанію, которое выражалось то неопредѣленно: быти казненнымъ, то, какъ мы видѣли, назначалась денежная пеня и торговая казнь ([150]).

б) Говоря о начатіи сыскнаго дѣла на основаніи частной жалобы, мы должны прежде всего замѣтить, что въ разсматриваемомъ періодѣ она имѣетъ вліяніе преимущественное на возникновеніе его, а не на дальнѣйшій ходъ и прекращеніе, хотя и въ этомъ случаѣ вліяніе истца еще довольно значительно. Въ Псковской Судной Грамотѣ вліяніемъ истца на ходъ сыскнаго процесса главнымъ образомъ и поражались его зачатки: дѣло не могло быть начато иначе, какъ по жалобѣ обиженнаго, однакожъ исключеніе изъ этого правила, по мнѣнію г. Энгельмана, существовало не только по отношенію къ смертоубійству (головщинѣ) и извѣстнымъ случаямъ боя, но и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ преступленіямъ, за которыми слѣдовало наказаніе смертью, слѣдовательно въ дѣлахъ о коневой татьбѣ, зажигательствѣ, перевѣтничествѣ и бромской татьбѣ, въ которыхъ истцомъ было само правительство. Но мнѣніе г. Энгельмана, основанное на статьѣ: «а штобы сынъ отца убилъ, или братъ брата, іно князю продажа»—относительно дѣлъ о смертоубійствѣ неубѣдительно, такъ какъ эта статья, по своей краткости и неопредѣленности, можетъ допустить нѣсколько одинаково вѣроятныхъ толкованій; относительно же другихъ преступленій въ грамотѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, какимъ образомъ по поводу ихъ начиналось дѣло. Въ уголовныхъ дѣлахъ, на основаніи Псковской Судной Грамоты, истецъ участвовалъ во всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, какъ предшествовавшихъ производству суда, такъ и слѣдовавшихъ за приговоромъ, и отказомъ отъ удовлетворенія, даже во время производства дѣла, могъ прекратить весь искъ и тѣмъ освободить преступника отъ всякой отвѣтственности: а на тати и на разбой-

([149]) А. Э. I, 281, 194. А. И. III, 167, 1, 2 и др.

([150]) А. Э. I, 330. А. И. III, 167 стр. 7 и др.

никто же чего истецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти ([151]). Такимъ образомъ главнымъ двигателемъ процесса въ Псковской Судной Грамотѣ является истецъ. Въ уставныхъ грамотахъ начала XVI ст., а за тѣмъ еще болѣе въ Судебникахъ, преслѣдованіе лихихъ людей все болѣе и болѣе дѣлается принадлежностью общественной власти, а истецъ отодвигается на задній планъ. Дѣятельность истца въ ходѣ процесса мало-по-малу замѣняется дѣятельностью органовъ правительства, которое постоянно стремится къ тому, чтобы истецъ только начиналъ сыскное дѣло и за тѣмъ невмѣшивался въ его дальнѣйшій ходъ. Въ губныхъ грамотахъ и въ Уст. Кн. Разб. Пр. результатъ этотъ еще не достигнутъ вполнѣ, однако же дѣло значительно подвинуто ими впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ постановленіяхъ книги имѣется въ виду истецъ, но онъ только заявлялъ о совершившемся лихомъ дѣлѣ и о происшедшихъ отъ этого для него убыткахъ, за которые требовалъ вознагражденія. Онъ не былъ необходимъ даже и для начала процесса, который могъ быть начатъ и безъ него на основаніи одного обвинительнаго обыска, какъ видно изъ слѣдующаго постановленія: «а на которыхъ въ обыску скажутъ, что они лихіе люди, а исцевъ имъ нѣтъ: и старостамъ по тѣхъ людей по обыску посылати».....; словомъ, не смотря на отсутствіе истца, судъ все-таки начался ([152]). Такимъ образомъ истецъ имѣлъ значеніе только для начинала сыска; на это значеніе его прямо указываетъ 69 ст. Уст. Кн., въ которой опредѣлено брать выти и съ тѣхъ оговоренныхъ разбойниками лицъ, у которыхъ не будетъ истцовъ, потому что они уже удовлетворены изъ имущества попавшихся прежде ихъ въ томъ же преступленіи ихъ товарищей ([153]). Отсюда прямо видно содержаніе исковой челобитной въ дѣлахъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ: она состояла въ просьбѣ удовлетворить изъ имущества преступника за нанесенный его дѣйствіемъ ущербъ. Обвиняя кого-нибудь въ лихомъ дѣлѣ и требуя вознагражденія за убытки, частное лицо могло находиться въ двоякомъ положеніи: 1) оно или не могло привести доказательствъ, которыя имѣли силу въ губномъ вѣдомствѣ на основаніи постановленій Разбойнаго Устава и губныхъ грамотъ, или 2) представляло требуемыя доказательства. Для того, чтобы началось сыскное дѣло, сперва достаточно было одного обвиненія, основаннаго на всякаго рода доказательствахъ, лишь бы только онѣ были; такъ въ царскомъ наказѣ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ 12 марта 1571 года и въ Монастырскомъ наказѣ губному старостѣ Измрѣ Амосову 1586 года, находимъ слѣдующее постановленіе: «а на которыхъ людехъ исцы ищутъ розбоевъ, а на тѣхъ людей языки въ розбоѣхъ не говорятъ, а исцы опричь поля и крестнаго цѣлованья улики не учинятъ нѣко-

---

([151]) Энгельмана: Гражд. Зак. Псков. Суд. Гр. § 84, стр. 120, § 104 стр. 156 и 163.

([152]) А. Э. I, 281.

([153]) А. И. III, 167.

торые, и старостамъ про тѣхъ людей обыскивати»..... Тоже самое повторяется и въ Уст. Кн. Разб. Пр. ([154]). Но боярскимъ приговоромъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ было запрещено сыскивать по такимъ обвиненіямъ, которыя не были подкрѣплены такими доказательствами, какія требовались въ сыскныхъ дѣлахъ, а велѣно отсылать такія дѣла изъ Разбойнаго приказа въ Судный: «на которыхъ людей истцы бьютъ челомъ въ татбахъ и разбояхъ имянно, безъ поличнаго и безъ язычной молки, и не по лихованнымъ обыскомъ и тѣхъ челобитчиковъ отсылати въ Судной приказъ, гдѣ кто судитъ ([155]). Слѣдовательно истецъ могъ обвинять кого либо въ лихомъ дѣлѣ только съ точнымъ указаніемъ на совершенное преступленіе, на что указываетъ слово «имянно» въ приведенной и другихъ статьяхъ; обвиненія же въ лихомъ дѣлѣ безъ такого указанія не принимались и, сверхъ того, въ подтвержденіе того, что отвѣтчикъ его есть вѣдомый лихой человѣкъ,—долженъ былъ привести или лихованный обысъ, или поличное, или язычную молку. Изъ всего сказаннаго не трудно опредѣлить характеръ истца въ сыскномъ процессѣ: онъ былъ только ходатаемъ о возстановленіи своего права, нарушеннаго преступнымъ дѣйствіемъ. Но однако отъ прежняго времени, какъ бы въ воспоминаніе о прежнемъ значеніи истца въ уголовномъ процессѣ, сохранилось то, что онъ оказывалъ нѣкоторое вліяніе на порядокъ собиранія доказательствъ, именно могъ потребовать употребленія одного доказательства вмѣсто другаго, не смотря на то, что требуемое имъ доказательство по узаконенному порядку должно было слѣдовать за тѣмъ, которое онъ хотѣлъ обойти: «а на которыхъ людей языки говорятъ въ розбоѣ, а истцы на нихъ учнутъ бити челомъ и на пытку ихъ просити и старостамъ тѣхъ людей до обыску пытати» ([156]). Не разомъ установился тотъ порядокъ производства сыскныхъ дѣлъ, который мы находимъ въ губныхъ наказахъ и Уст. Кн. Разб. Пр.; такъ., до XIV ст. допускались мировыя съ преступниками, которыя запрещаются въ уставныхъ грамотахъ отъ конца XIV до XVI вѣка только по дѣламъ о татьбѣ съ поличнымъ: освобожденіе татя съ поличнымъ считалось самосудомъ и влекло опредѣленное денежное взысканіе ([157]): по другимъ же преступленіямъ мировыя прямо не запрещены нигдѣ, а потому можно думать, что онѣ допускались и надо сказать, что мировыя съ преступниками до того были дѣломъ обыкновеннымъ, что встрѣчаются даже въ XVII ст. ([158]), хотя въ Уст. Кн. Разб. Пр. ([159]) запрещены положительно: «которые истцы съ розбойники или съ приводными людми съ поличнымъ, въ разбойныхъ дѣлѣхъ не дождався указу, учнутъ мириться, и мировыя

([154]) А. Э. I, 281, 330. А. И. III, 167, ст. 17.
([155]) А. И. III, 167 ст. 18.
([156]) А. Э. I, 281, 330.
([157]) А. Э. I. 13, 123, 143, 144 и др.
([158]) Дмитр. Ист. Суд. Инст., стр. 273.
([159]) А. И III, 167 ст. 41.

челобитные въ Приказъ учнутъ приносить, и тотъ ихъ миръ не въ миръ ставить и розбойникомъ указъ чинить по Государеву указу, кто чего доведется; а истцомъ за то пеня чинить, смотря по дѣлу: не мирись съ розбойники». Вслѣдствіе этого постановленія должно было прекратиться вліяніе истцовъ и на окончаніе дѣла, такъ что они, за исключеніемъ дѣлъ о татьбѣ съ поличнымъ, непринимали никакого участія въ ходѣ процесса, а являлись только виновниками его возникновенія. Между истцами (подъ которыми мы разумѣемъ вообще частныхъ обвинителей) большимъ довѣріемъ пользовался господа въ отношеніи своихъ людей въ томъ отношеніи, что обвиненіе, направленное ими противъ ихъ собственныхъ крестьянъ, въ разбоѣ, татьбѣ и подводѣ имѣло силу даже при отсутствіи требуемыхъ доказательствъ ([160]).

в) Третьимъ поводомъ къ производству розыска служилъ оговоръ, сдѣланный на пыткѣ пойманными уже преступниками. Такой оговоръ называется въ источникахъ языкомъ молвою и язычными молками, смотря по количеству оговаривающихъ лицъ.

Различіе между оговоромъ, сдѣланнымъ однимъ лицомъ и многими, относится къ значенію язычной молви и язычныхъ молокъ, какъ судебныхъ доказательствъ, а потому будетъ указано ниже.

г) Наконецъ четвертый и послѣдній поводъ къ началію розыска есть подозрѣніе полицейскихъ властей: прикащиковъ, старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, относительно пріѣзжихъ неизвѣстныхъ людей, которое основывалось на ихъ молчаніи или представленіи ими невѣрныхъ показаній. Заподозрѣнные отводились къ губному старостѣ или городовому прикащику, который замѣнялъ губнаго сттросту тамъ, гдѣ его не было. Губной староста или городовой прикащикъ долженъ былъ произвести обыскъ ([161]), рѣшавшій или освобожденіе задержаннаго, или дальнѣйшее производство сыска.

II) Если обвиненіе было сдѣлано какимъ нибудь изъ вышеизложенныхъ способовъ, то начинался самый розыскъ, первымъ актомъ котораго былъ допросъ обвиняемаго. Послѣ допроса слѣдовало собраніе доказательствъ, изъ которыхъ важнѣйшими были: 1) повальный обыскъ, 2) оговоръ, 3) поличное, 4) собственное признаніе обвиняемаго, 5) очная ставка и 6) разспросъ. Доказательства, употреблявшіяся при господствѣ для всѣхъ дѣлъ обвинительной формы процесса, въ XV и XVI вѣкѣ возбудили противъ себя недовѣріе правительства, а потому не были допущены въ розыскномъ процессѣ. Такимъ образомъ въ немъ мы уже не встрѣчаемся съ поединкомъ и присягою; они удержались только для судныхъ дѣлъ. Мѣсто ихъ въ сыскныхъ дѣлахъ заняли другія средства узнанія истины, изъ которыхъ важнѣйшимъ, кромѣ собственнаго признанія, былъ повальный обыскъ. Но и этому доказательству не вполнѣ

([160]) Ibid. ст. 16.
([161]) А. Э. I, 244, 330, 192, 194.

довѣряло правительство; оно уже не предполагало въ общинахъ безпристрастнаго голоса, а потому повальный обыскъ, остававшійся до XVI ст. почти безъ всякихъ законодательныхъ опредѣленій, теперь былъ поставленъ въ строго опредѣленныя закономъ формы.

Какъ доказательство, повальный обыскъ появился прежде всего: 1) для дѣлъ межевыхъ, 2) для дѣлъ по апелляціи на неправильное или пристрастное рѣшеніе судьи и 3) для дѣлъ о разбоѣ и татьбѣ. Съ теченіемъ времени кругъ примѣненія повальнаго обыска дѣлается все шире и шире, такъ что въ XVII ст. онъ распространился на дѣла о корчемствѣ, продажѣ табаку и мн. др. ([162]). Какъ судебное доказательство въ дѣлахъ, подлежавшихъ вѣденію губныхъ учрежденій, повальный обыскъ только и долженъ составить предметъ нашего разсмотрѣнія. Мы обратимъ вниманіе на слѣдующіе вопросы: 1) на правила о производствѣ повальнаго обыска и на условія, которыя требовались отъ обыскныхъ людей, и 2) на его значеніе какъ судебнаго доказательства, въ губномъ вѣдомствѣ.

1) Обращаясь къ первому вопросу, мы разсмотримъ: а) лицъ, которыя производили обыскъ въ дѣлахъ татиныхъ и разбойныхъ; б) требуемое количество обыскныхъ людей и виды обыска и в) правила, обезпечивавшія правильность ихъ показаній.

а) Въ губныхъ учрежденіяхъ повальный обыскъ по дѣламъ о татьбѣ и разбоѣ производился губными старостами и цѣловальниками, или городовыми приказщиками, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ не было губныхъ старостъ ([163]). Со времени введенія земскаго управленія Иваномъ IV, излюбленные головы также стали участвовать въ производствѣ повальнаго обыска въ дѣлахъ татиныхъ и разбойныхъ вмѣстѣ съ губными старостами, тамъ гдѣ они были, или производили обыскъ одни, если послѣднихъ въ той мѣстности не было ([164]). Впослѣдствіи, со введеніемъ воеводскаго управленія, обыскъ производили или сами воеводы, или они дѣлали только распоряженія о его производствѣ ([165]). Кажется, первоначально обыскъ производился не только поименованными лицами, но и низшими служителями, состоявшими при судѣ, напр. недѣльщиками, поэтому въ Уст. Кн. Разб. Пр. выражено требованіе, чтобы недѣльщики не были включаемы въ губные наказаны и посылаемы въ обыскъ: «а недѣльщику съ губными старосты въ наказѣхъ не приписывати и въ обыски недѣльщиковъ не посылати» ([166]). Лица, которымъ поручаемо было производство повальнаго обыска, должны были производить его по крестному цѣлованью, вправду безъ хитрости, другу не друга и недругу не мстя ([167]).

б) Въ памятникахъ разсматриваемаго періода требуемое количе—

([162]) Дмитр. Ист. Суд. Инст. стр. 263—264.

([163]) А. Э. I, 192, 194, 244 и слѣд.

([164]) А. Э. I, 234, 257; III, 36. А. И. I, 165.

([165]) Дмитр. Ист. Суд. Инст , стр. 265.

([166]) А. И. III, 167 ст. 62.

([167]) А. Э. I, 187, 192, 194, 330 и др. Доп. къ А. И. I, 31.

ство обыскныхъ людей не одинаково; общее въ нихъ только то, что требуемая ими цифра все растетъ и растетъ. По Судебнику Ивана III для удостовѣренія въ томъ, что приведенный съ поличнымъ есть вѣдомый татъ, достаточно было заявленія пяти или шести человѣкъ ([168]). Этого постановленія въ царскомъ Судебникѣ уже нѣтъ, тамъ просто сказано, что для удостовѣренія въ качествѣ подсудимаго производится обыскъ ([169]).

Относительно количества обыскныхъ людей въ татебныхъ дѣлахъ по Судебнику Ивана III, можно считать общимъ правиломъ требованіе для обвиненія подсудимаго показаній 5 или 6 дѣтей боярскихъ дѣтей добрыхъ или такого же количества добрыхъ черныхъ людей—цѣловальниковъ. Въ Судебникѣ Царя Ивана Васильевича это количество увеличено: дѣтей боярскихъ требуется отъ 10 до 15, а черныхъ людей—цѣловальниковъ отъ 15 до 20 ([170]).

Въ уставныхъ грамотахъ, начиная отъ 1550 года, требуемое количество обыскныхъ людей все растетъ и растетъ; minimum полагается 50 человѣкъ: «а послушествуетъ на кого въ тѣхъ же дѣлѣхъ (т. е. татебныхъ и разбойныхъ) людей добрыхъ человѣкъ до пятьдесятъ и до ста и болѣ..... ([171]).

Въ губныхъ грамотахъ и Уст. Кн. Разб. Пр. нигдѣ не выставлено необходимаго количества обыскныхъ людей; но можно думать, что это количество не было менѣе требуемаго уставными грамотами.

Въ связи съ вопросомъ о необходимомъ количествѣ обыскныхъ людей находится вопросъ о родахъ повальнаго обыска, которыхъ должно различать два: 1) собственно повальный обыскъ и 2) обыскъ окольными людьми. Кругъ примѣненія послѣдняго былъ очень ограниченъ. Какъ доказательство онъ употреблялся только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда требовалось узнать, была ли оказана помощь разбиваемымъ разбойниками, лицами, слышавшими ихъ крикъ и шли ли они, по требованію истца, на слѣдъ для отысканія преступниковъ. Въ этомъ случаѣ обыскъ производился «окольными людьми, которые въ тѣ поры были въ погонѣ или на слѣду» ([172]), и 2) когда нужно было удостовѣриться, о количествѣ сожженнаго разбойниками имущества: «дворовъ, гуменъ, стоячаго хлѣба и сѣна» ([173]).

Въ Кн. Разб. Пр. упоминается еще о большомъ повальномъ обыскѣ (обыскать большимъ повальнымъ обыскомъ), но различія между простымъ и большимъ повальнымъ обыскомъ не видно, поэтому мы принимаемъ ихъ за одинъ и тотъ же видъ. Выраженія: обыскати большимъ повальнымъ обыскомъ и обыскати многими

([168]) Суд. Ив. III, ст. о поличномъ.
([169]) Суд. Ив. IV, ст. 52.
([170]) Суд. Ив. III, ст. о татѣхъ; Ив. IV, 58.
([171]) А. И. I, 165; А. Э. I, 257; III, 36.
([172]) А. И. III, 167, ст. 25.
([173]) Ibid. ст. 51.

людьми ([174]), которое также нерѣдко встрѣчается въ нашихъ памятникахъ, вѣроятно тождественны и означаютъ одно изъ условій повальнаго обыска: многолюдство, которое разсмотрѣно нами выше.

Такъ наз. обысекъ съ доводомъ отличается отъ обыска безъ довода тѣмъ, что на первомъ представлялись со стороны обыскныхъ людей или вещественныя доказательства виновности обвиняемаго, или какія нибудь другія улики, на второмъ же представлялось одно голословное обвиненіе.

в) Уже изъ опредѣленія необходимаго количества обыскныхъ людей выходитъ, что правительство, хотя и признавало обыскъ однимъ изъ главныхъ судебныхъ доказательствъ, но въ то же время не совсѣмъ довѣряло ему, а потому и должно было обставить его такими правилами, при которыхъ ложныя показанія обыскныхъ людей были бы невозможны. Первое условіе для этого есть, безспорно, увеличеніе количества обыскныхъ людей, потому что въ этомъ случаѣ стачки между ними если и не невозможны, то по крайней мѣрѣ весьма затруднительны.

Уже въ XV ст. съ этою цѣлью установлены для обыскныхъ людей, давшихъ ложныя показанія, строгія наказанія ([175]); истецъ и отвѣтчикъ, ихъ повѣренные и даже люди, не должны были присутствовать въ мѣстѣ производства обыска по ихъ дѣлу, для предупрежденія подкуповъ. Въ дѣлахъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ отвѣтчикъ, т. е. обвиняемый въ преступленіи арестовывался, или отдавался за пристава, а потому естественно, не могъ имѣть вліянія на ходъ обыска ([176]), слѣдовательно это правило распространяется только на истца. Производившій обысекъ долженъ былъ дѣлать допросъ сряду, съ одного, а не выборомъ, и не принимать показаній отъ семей и заговоровъ; обыскныя рѣчи запрещалось писать заочно ([177]).

2) По общему правилу обыскнымъ рѣчамъ судьи должны были вѣрить безусловно. Если показанія обыскныхъ людей были единогласны, то о недовѣріи не могло быть и рѣчи, но могло быть, что: 1) голоса *за* и *противъ* раздѣлялись поровну и 2) на большинство и меньшинство.

Въ первомъ случаѣ судьи обязаны были взвѣшивать другія доказательства и отдать подсуднаго на поруки одобрившей половинѣ или посадить его на смерть въ тюрьму. Если въ послѣднемъ случаѣ, по выраженію истцовъ, на подсуднаго прибывало иное лихо въ разбойномъ дѣлѣ, то одобрившая половина признавалась солгавшею и потому подвергалась, какъ мы видѣли, денежному штрафу и сверхъ того двухъ или трехъ лучшихъ изъ обыскныхъ били кнутомъ ([178]). Когда голоса обыскныхъ людей раздѣлялись на

([174]) А. Э. I, 281, 330.

([175]) А. Э. I, 281, 330.

([176]) А. П. Ш, 167. Росп. Стат. Сн. 21 Ноября 1629 года.

([177]) Дмитріевъ. Ист. Суд. Инст. стр. 266.

([178]) А. П. Ш, 167, ст. 7, 8. А. Э. I, 281, 330.

большинство и меньшинство, то обращалось вниманіе на количество голосовъ, составлявшихъ большинство. Если оно состояло изъ пятнадцати или двадцати голосовъ, то такое количество считалось вполнѣ достаточнымъ, по повидимому только для обвиненія; однакоже изъ Указа 31 авг. 1631 г. можно заключить, что такого же большинства достаточно было и для оправданія обвинявшаго (179). Въ дѣлахъ татебныхъ и разбойныхъ повальный обыскъ имѣлъ безусловную доказательную силу, и поэтому не допускалъ отвода: «а повальнаго обыску не отставливать» сказано въ приложенной въ концѣ Уст. Кн. Росписи статейнаго списка 15 янв. 1628 г. Впрочемъ это положеніе должно принимать осторожно: въ 72 ст. той же Книги (180) поставленъ вопросъ: должно ли обыскивать безъ пытки о тѣхъ, кого обличаютъ въ обыскѣ, между тѣмъ какъ они начнутъ просить о другомъ большомъ повальномъ обыскѣ, говоря про первый, что въ немъ обыскивали ихъ недруги. Можно не безъ основанія думать, что здѣсь выражено сомнѣніе только относительно порядка собиранія доказательствъ, а отнюдь не относительно того, можно ли вообще вторично производить обыскъ, стало быть допускался и отводъ обыска на томъ основаніи, что онъ былъ произведенъ недругами обвиняемаго; или же здѣсь идетъ дѣло объ обыскѣ окольными людьми, отводъ котораго допускался; судьи не обязаны были руководствоваться имъ въ случаѣ несознанія обвиняемаго, а должны были производить повальный обыскъ, что видно изъ вышеприведенной Росп. стат. сп.

2) Перейдемъ теперь къ оговору, который служилъ и поводомъ къ началу слѣдствія, и въ то же время судебнымъ доказательствомъ. По значенію онъ нерѣдко приравнивался къ повальному обыску. Оговоромъ называется обвиненіе кого-либо въ лихомъ дѣлѣ, сдѣланное во время пытки попавшимся преступникомъ, который получалъ названіе языка, отсюда въ источникахъ оговоръ называется язычною молкою, если былъ сдѣланъ однимъ, и язычными молками—при обвиненіи одного и того же лица многими преступниками. Между язычною молкою и язычными молками существовало то важное различіе, что первая, служа къ обвиненію, не имѣла силы самостоятельнаго судебнаго доказательства, тогда какъ послѣдняя служила для обѣихъ цѣлей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняла даже повальный обыскъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ язычной молки всегда слѣдовало удостовѣреніе судей въ справедливости ея посредствомъ очной ставки съ оговорщикомъ и затѣмъ повальнаго обыска, за язычными же молками слѣдовала сперва пытка и только при несознаніи преступника во взводимомъ на него преступленіи—повальный обыскъ. Различіе между язычными молками и язычною молкою проявляется и въ послѣдствіяхъ для обвиненнаго тѣмъ и другимъ способомъ даже въ случаѣ недоказанности преступленія: при одинаковости всѣхъ условій, обвиненный въ первомъ случаѣ

---

(179) А. И. III, 167, ст. 7 и др. Указъ 31 Августа 1631 г.

(180) А. И. III. 167.

подвергался пожизненному тюремному заключенію, а въ послѣднемъ отдачѣ на поруки ([181]).

3) Третьимъ доказательствомъ было поличное, которое различалось, кажется, на татебное и разбойное ([182]). Ни въ Судебникахъ, ни въ нашихъ источникахъ не сказано, что должно разумѣть подъ поличнымъ; а потому мы удержимъ то опредѣленіе его, которое находится въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ: «а поличное то что вымутъ изъ клѣти, изъ за замка, а найдутъ что въ дворѣ, или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, иное то не поличное» ([183]). Изъ этого опредѣленія видно, что поличнымъ называлась чужая вещь, присвоенная незаконнымъ образомъ, что подтверждалось и самымъ способомъ ея храненія у похитившаго, т. е. она должна была быть спрятана такимъ образомъ, чтобы прямо видна была цѣль присвоившаго обратить ее въ свою собственность.

Изъ приведеннаго опредѣленія поличнаго въ источникахъ г. Калачовъ ([184]), вывелъ, что татьбою съ поличнымъ назывался исключительно тотъ особенный видъ воровства, когда преступникъ похищалъ чужую собственность, находившуюся подъ замкомъ. Очевидно, что г. Калачовъ принимаетъ, что въ этомъ случаѣ говорится объ обокраденномъ, а не о томъ лицѣ, которое совершило преступленіе, что не имѣетъ основанія.

Кажется, поличное въ губныхъ дѣлахъ играетъ важную роль, какъ доказательство, только въ татебныхъ дѣлахъ, такъ какъ въ губныхъ наказахъ и Разбойномъ Уставѣ спеціально говорится только о поличномъ въ дѣлахъ этого рода.

Для того, чтобы поличное получило полную доказательную силу, необходимо было при выемкѣ его истцомъ участіе извѣстныхъ оффиціальныхъ лицъ. Уже въ Псв. Суд. Грам. требуется, чтобы истецъ для выемки поличнаго испрашивалъ у князя или посадника приставовъ ([185]). Тоже самое выражаетъ и Уст. Кн. Разб. Пр., на основаніи которой поличное пользуется полнымъ довѣріемъ въ судѣ въ томъ только случаѣ, когда вынуто истцомъ при понятыхъ съ участіемъ пристава ([186]); только при этомъ условіи не допускалось со стороны подсудимаго отговорки о насильномъ ополяченіи, между тѣмъ какъ въ противномъ случаѣ она могла быть имъ представлена ([187]). Поличное, вынутое истцомъ съ приставомъ и понятыми, допускало отводъ и очистку только тогда, когда тотъ, у кого оно было вынуто, могъ доказать пріобрѣтеніе вещи, служащей полич-

---

([181]) Ibid. ст. 7, 8 и др.

([182]) Ibid. ст. 17 и 18.

([183]) А. Э. I, 123, 143, 144, 150, 181. Доп. къ А. И. I, 137.

([184]) Юр. Зап. Рѣдкина т. II, стр. 323.

([185]) Эпгельмана: § 106, стр. 158—159, § 109, 163.

([186]) А. И. III, 167 ст. 21.

([187]) Ibid. ст. 22

нымъ, куплею или мѣною, представивъ продавца или то лицо; у кого вещь была имъ вымѣнена (188).

4) Четвертымъ и самымъ важнымъ доказательствомъ въ слѣдственномъ процессѣ, какъ и въ обвинительномъ, служило собственное признаніе подсудимаго. Къ полученію признанія и стремился розыскъ, для чего введены были особыя вынудительныя средства, состоявшія въ различнаго рода истязаніяхъ, извѣстныя подъ именемъ пытки. Въ чемъ состояли мученія, которымъ были подвергаемы на пыткѣ обвиняемые, изъ источниковъ не видно. Извѣстія же объ этомъ, находящіяся въ описаніяхъ иностранцевъ, можно найти у г. Калачова въ Юр. Зап. Рѣдкина т. II на стр. 399.

Пытка стала извѣстна въ Россіи въ XV ст. Примѣненіе ея встрѣчается уже въ Судебникѣ Ивана III, но особенно сильное развитіе получила она со времени введенія губныхъ учрежденій, такъ какъ собственное признаніе, полученное съ пытки, имѣло безусловную силу, какъ доказательство дѣйствительной виновности подсудимаго.

Но такъ какъ пытка имѣла всегда невыгодныя послѣдствія для того лица, которое было ей подвергнуто, то для примѣненія ея требовалось полное убѣжденіе судьи въ виновности обвиняемаго; а потому, прежде чѣмъ приступали къ пыткѣ, взвѣшивали другія доказательства его виновности. Объ этихъ доказательствахъ, обыкновенно предшествовавшихъ пыткѣ, мы, скажемъ при обзорѣ взаимныхъ отношеній доказательствъ между собою.

Но полученіе признанія отъ подсудимаго было не единственною цѣлью пытки; посредствомъ ея имѣлось въ виду вынудить у преступника еще указаніе на товарищей и соучастниковъ въ преступленіи. Кажется, первая цѣль сдѣлалась господствующею не ранѣе царствованія Ѳедора Ивановича, а до него преобладала послѣдняя.

Что касается до лицъ, на обязанности которыхъ лежало производство пытки, то сперва производилъ ее недѣльщикъ, по приказанію судей, который и доводилъ до ихъ свѣдѣнія о показаніяхъ подсудимыхъ (189). Въ губномъ вѣдомствѣ производство пытки возложено было на губныхъ старостъ, если подсудимые были тутошніе, т. е. жители губнаго округа, если же были подвергаемы пыткѣ пріѣзжіе люди, то при производствѣ ея находились: городовой приказчикъ, дворскій, цѣловальники и лучшіе люди. Рѣчи подсудимаго въ этомъ послѣднемъ случаѣ записывались земскимъ дьякомъ (190). Со введеніемъ воеводъ имъ поручено было производить пытку, но вѣроятно въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ не было губныхъ старостъ, а потому татебное и разбойное дѣло находилось въ ихъ рукахъ (191).

Первоначально, когда еще розыскъ не такъ рѣзко отдѣлился отъ

---

(188) Ibid. Боярскіе приговоры 17 февраля 1625 г. и 25 іюня 1628 г.

(189) Суд. 1437 г. «о недѣльщикахъ указъ».

(190) А. Э. I, 192, 194.

(191) А. И. III, 167, Ук. 23 марта 1629 г.

обвинительнаго производства, собственнаго признанія преступника не требовалось для полной наказуемости, если только судьи были убѣждены въ томъ, что онъ дѣйствительно совершилъ преступленіе, хотя бы такое убѣжденіе получили они на основаніи другихъ доказательствъ. Однако для того, чтобы подвергнуть обвиняемаго смертной казни, уже во время царскаго Судебника необходимо было собственное признаніе: «и назовутъ его (татя съ поличнымъ) въ обыску лихимъ человѣкомъ, что его пытати и скажетъ на себя самъ, что его казнити смертною казнію; а не скажетъ на себя самъ что его вкинути въ тюрму до смерти.» Когда судъ надъ вѣдомыми лихими людьми перешелъ къ губнымъ старостамъ, то съ того времени пытка получила другой характеръ: главнѣйшею задачею ея сдѣлалось вынужденіе у подсуднаго указаній на соучастниковъ въ преступленіи, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при достаточности другихъ уликъ, преступникъ подвергался смертной казни, не смотря на то, что не признавался на пыткѣ въ совершеніи имъ преступленія ([192]). Такимъ образомъ начало измѣняться значеніе пытки, данное ей Иваномъ IV; но въ царствованіе Ѳедора Ивановича оно было возстановлено боярскимъ приговоромъ, которымъ повелѣвается разбойниковъ, не признавшихся въ разбоѣ на пыткахъ, подвергать не смертной казни, а только пожизненному тюремному заключенію ([193]). Съ этого времени главною задачею пытки опять сдѣлалось вынужденіе собственнаго признанія подсуднаго, а указаніе участниковъ въ преступленіи перешло на второй планъ.

Такимъ образомъ въ дѣлахъ татебныхъ и разбойныхъ пытка употреблялась: 1) для вынужденія признанія въ совершеніи преступленія; 2) для того, чтобы преступникъ указалъ на своихъ товарищей и на тѣхъ лицъ, кому онъ тѣмъ или другимъ образомъ сбывалъ награбленное или похищенное имущество и, наконецъ, 3) для узнанія количества добытаго разбоемъ, сожженнаго или похищеннаго имущества ([194]).

Если преступникъ на первой пыткѣ не давалъ требуемыхъ показаній или запирался, то подвергался второй пыткѣ, затѣмъ третьей въ дѣлахъ разбойныхъ; болѣе трехъ разъ пытка не могла быть произведена надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ ([195]). Съ развитіемъ сыскнаго процесса пытка получаетъ все большее и большее значеніе, такъ что если преступникъ до пытки сознавался во взводимомъ на него преступленіи, то такое признаніе все-таки не служило къ освобожденію его отъ пытокъ; напротивъ постановлено, что сознавшійся долженъ быть пытанъ въ томъ, не было ли совершено имъ другихъ подобныхъ же преступленій ([196]).

Пыткѣ подвергались всѣ лица, обвиняемыя въ лихомъ дѣлѣ,

([192]) Ibid. ст. 5, 6 и др. А. Э. I, 281, 330.

([193]) А. И. III, 167 ст. 9.

([194]) Ibid. ст. 45, 46, 47.

([195]) Ibid. ст. 5.

([196]) Ibid.стр. 24

такъ что если обвиненіе взводилось на дворянъ, дѣтей боярскихъ и ихъ крестьянъ, то первые пользовались только тѣмъ преимуществомъ, что подвергались пыткѣ уже тогда, когда оговаривали ихъ въ преступленіи ихъ же собственные крестьяне (197).

Пыткѣ подвергались, наконецъ, однѣ лица вмѣсто другихъ, для узнанія, не скрытъ ли гдѣ, или дѣйствительно убѣжалъ оговоренный (198), если онъ не былъ представленъ къ розыску.

5) Для удостовѣренія въ справедливости оговора, оговоренныхъ ставили съ языками на очную ставку. Для избѣжанія поклеповъ, оговорщикъ долженъ былъ узнать оговореннаго въ большомъ числѣ посторонннихъ лицъ. Поэтому повелѣвается оговореннаго, «съ языки съ очей на очи ставити во многихъ людѣхъ» (199). Если оговоренный былъ дѣйствительно узнанъ оговорщикомъ, который и на очной ставкѣ утверждалъ тоже самое, что показалъ на пыткѣ, то это служило поводомъ къ начатію розыска объ оговоренномъ лицѣ. Съ другой стороны, оговорщикъ могъ не дать тѣхъ же самыхъ показаній, какія сдѣланы были имъ на пыткѣ, могъ сговорить съ обвиняемаго; въ этомъ случаѣ предполагалось, что онъ или напрасно поклепалъ на оговореннаго имъ на пыткѣ, или же сговариваетъ съ обвиняемаго по засылкѣ, что и разрѣшалось пыткою.

Очная ставка оговореннаго съ оговорщикомъ производилась во всякаго рода губныхъ дѣлахъ (200); на ней судьи должны были дѣлать:

6) Разспросъ, который должно отличать отъ разспроса преступника, какъ перваго акта розыска. Показаніемъ преступника въ разспросѣ не оказывалось большаго довѣрія, поэтому подтвержденіе разспросныхъ рѣчей вынуждалось пытками.

Разсмотрѣвъ, по возможности, отдѣльныя доказательства въ дѣлахъ татебныхъ и разбойныхъ, перейдемъ къ обозрѣнію ихъ взаимныхъ отношеній, т. е. укажемъ на порядокъ, въ которомъ слѣдовали онѣ въ розыскномъ процессѣ другъ за другомъ. Намъ нужно такимъ образомъ разсмотрѣть ходъ слѣдственнаго процесса, какъ опредѣлился онъ въ Разбойномъ Уставѣ и губныхъ наказахъ.

Порядокъ, въ которомъ слѣдовали доказательства, зависѣлъ отъ того, какимъ изъ показанныхъ выше способовъ извѣстное лицо было обвиняемо въ лихомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, если обвиненіе было сдѣлано на обвинительномъ обыскѣ, то обличованный брался губнымъ начальствомъ, имущество его описывалось и запечатывалось, хлѣбъ же стоячій отдавался на сбереженіе тутошнимъ и сторонннимъ людямъ, а самъ онъ, для полученія признанія и указанія товарищей, подвергался пыткѣ, которая, какъ мы видѣли, могла быть произведена трижды. Если на пыткахъ обвиняемый сознавался,

---

(197) Ibid. ст. 15.

(198) Ibid. стран. 304.

(199) Ibid. ст. 4, 16 и др.

(200) Ibid. ст. 13, 14, 15, 30, 31. Бояр. Приговор. 25 іюня 1628 г.

то подвергался извѣстному наказанію, въ противномъ случаѣ освобождался на поруки ([201]). Таковъ общій ходъ суда, при облихованіи на обыскѣ. Если обыскные люди раздѣлялись на двѣ равныя половины, то дѣло и въ этомъ случаѣ рѣшалось пыткою.

При одобреніи большинствомъ пятнадцати или двадцати голосовъ, подсудимый вовсе освобождался отъ преслѣдованія, а при облихованіи такимъ же числомъ голосовъ начинался дальнѣйшій розыскъ въ изложенномъ выше порядкѣ.

Если обыскные люди, указывая на кого-либо, какъ на вѣдомаго лихаго человѣка, представляли какія нибудь обстоятельства, свидѣтельствовавшія о томъ, что названный ими лихимъ человѣкомъ дѣйствительно таковъ, представляли факты, то такого рода показанія обыскныхъ людей назывались обысковъ съ доводомъ ([202]). Облихованіе съ доводомъ считалось полнымъ доказательствомъ въ татебныхъ и разбойныхъ дѣлахъ, такъ что, даже въ случаѣ несознанія обвиняемаго на пыткѣ, онъ не освобождался отъ смертной казни.

Другимъ поводомъ къ началу розыска былъ оговоръ кого либо въ лихомъ дѣлѣ однимъ пойманнымъ преступникомъ (язычная молка), или многими (язычныя молки). Ходъ доказательствъ въ обоихъ случаяхъ не одинаковъ. Въ первомъ случаѣ слѣдовали: 1) очная ставка оговореннаго съ оговорщикомъ, на которой производился разспросъ; если на очной ставкѣ въ разспросѣ оговорщикъ утверждалъ тоже самое, что было сказано имъ на пыткѣ, то, по просьбѣ оговореннаго, производился 2) повальный обыскъ. Если на немъ обвиняемаго называли лихимъ человѣкомъ, то далѣе слѣдовала 3) пытка, которою рѣшалась судьба оговореннаго ([203]). При оговорѣ однимъ лицомъ объ оговоренномъ не производился обыскъ только тогда, когда онъ самъ не просилъ о немъ, на томъ основаніи, что онъ бродяга и поэтому его нигдѣ не знаютъ. Въ этомъ случаѣ за язычною молкою непосредственно слѣдовала пытка ([204]). При оговорѣ языками (двумя или тремя, какъ обыкновенно предполагается въ Уст. Кн. Разб. Прик.) ходъ доказательствъ слѣдующій: 1) очная ставка съ однимъ изъ оговорщиковъ, 2) пытка оговореннаго и 3) повальный обыскъ, когда посудимый не сознавался на на пыткѣ ([205]).

Что касается до вліянія личности обвиняемыхъ на степень довѣрія къ ихъ показаніямъ, то 1) запрещалось вѣрить сговору преступника съ третьей пытки, если онъ оговаривалъ кого-либо на двухъ; тоже самое сказано и относительно сговора на пути къ смертной казни. Не пользовался довѣріемъ и оговоръ кого либо въ

([201]) Ibid. ст. 1—2; А. Э. I, ст. 281.

([202]) Ibid. 330.

([203]) А. И. III, 167, ст. 1.

([204]) Ibid. ст. 4.

([205]) Ibid. ст. 5, 8, 11 и 12.

лихомъ дѣлѣ, учиненный преступниками въ теченіе 2-го или 3-го года ихъ тюремнаго заключенія. Преступники обыкновенно прибѣгали къ этому средству, для вынужденія денегъ, съѣстныхъ припасовъ и т. под., что видно напр. изъ находящейся въ Уставной Книгѣ Отписи костромскаго воеводы Голубовскаго ([206]); 2) запрещено вѣрить татямъ и разбойникамъ, если они взводили, изъ мести, татьбу или разбой на тѣхъ лицъ, которыя приводили ихъ къ губному начальству ([207]), и 3) обвиненіе крестьянъ въ лихомъ дѣлѣ ихъ господами пользовалось громаднымъ довѣріемъ, и влекло за собою непосредственно пытку обвиняемыхъ ([208]). Нельзя съ точностью сказать, была ли какая нибудь разница въ судопроизводствѣ при обвиненіи кого-либо въ лихомъ дѣлѣ частными лицами и полицейскими властями, какъ-то: приказщиками, старостами, сотскими, пятидесятскими и десятскими. По всей вѣроятности разницы не было никакой, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ обвиненія должны были основываться на извѣстныхъ данныхъ. При обвиненіи кого либо въ лихомъ дѣлѣ полицейскими властями доказательствомъ виновности служила напр. недача пріѣзжими неизвѣстными лицами требуемыхъ справокъ; и при приводѣ ими лихаго человѣка, жившаго въ ихъ участкѣ, простаго подозрѣнія, вѣроятно было недостаточно. Частныя лица вначалѣ могли представлять въ подтвержденіе справедливости своего обвиненія и такія доказательства, которыя неупотреблялись въ розыскномъ процессѣ, именно поле и присягу. Въ этомъ случаѣ, для узнанія репутаціи отвѣтчика, производился повальный обыскъ, на которомъ не требовалось представленія довода (по лиха именно, именно на нихъ нескажутъ), а простое обвиненіе, для того, чтобы подвергнуть его пыткѣ ([209]). При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ иски, подтверждаемые только полемъ и присягою, приказано судить въ Судномъ приказѣ, слѣдовательно обвинительнымъ порядкомъ, а въ Разбойный приказъ представлялись другія доказательства: язычная молка или язычныя молки, лихованный обыскъ и поличное ([210]).

Въ какомъ порядкѣ слѣдовали доказательства въ первыхъ двухъ случаяхъ, мы видѣли: остается разсмотрѣть послѣдній случай, когда истецъ въ подтвержденіе иска представлялъ поличное.

Если подсудимый не дѣлалъ отвода поличному, вынутому истцами съ приставомъ и понятыми посредствомъ указанія на то лицо, отъ кого оно пріобрѣтено имъ какимъ-либо изъ законныхъ способовъ пріобрѣтенія имущества, то прямо подвергался пыткѣ ([211]). Если же поличное было вынуто однимъ истцомъ, безъ участія понятыхъ и пристава, то со стороны того, у кого оно было вынуто, могло быть представлено возра-

---

([206]) Ibid. ст. 19, 20, 43 и стр. 304.
([207]) Ibid. ст. 36.
([208]) Ibid. ст. 16.
([209]) Ibid. ст. 17.
([210]) Ibid. ст. 18.
([211]) Ibid. ст. 21.

женіе, что истцы его «сполничили тѣмъ полничнымъ силно (насильно)», поэтому розыскъ усложнялся въ томъ отношеніи, что дѣлался обыскъ (сыскъ), гдѣ былъ пойманъ подсудимый съ полничнымъ, а за обыскомъ уже слѣдовала пытка ([212]). Обыскъ производился также и тогда, когда обвиняемый не давалъ выпуть полничнаго или отнималъ выпутое. Послѣ обыска понятыми и сторонними людьми (очевидцами такихъ поступковъ обвиняемаго), производилась пытка ([213]).

III. Окончаніе сыскнаго дѣла.

За собраніемъ требуемыхъ доказательствъ слѣдовалъ приговоръ, который имѣлъ послѣдствіемъ, смотря по обстоятельствамъ, или 1) наказаніе преступника, въ случаѣ доказанности его вины, или 2) заключеніе его въ тюрьму пожизненно или на время, до Государева Указа, смотря по роду обвиненій и силѣ собранныхъ доказательствъ, которыхъ было недостаточно для примѣненія установленнаго наказанія, или, наконецъ, 3) освобожденіе на поруки.

Наказанія, къ которымъ мы отнесли и тюремное заключеніе, разсмотрѣны нами въ 1-й главѣ въ раздѣлѣ о наказаніяхъ, а потому здѣсь остается сказать только о послѣднемъ способѣ окончанія сыскнаго дѣла—освобожденіи на поруки.

Спрашивается, въ какихъ именно случаяхъ требовалось поручительство и что обезпечивалось имъ? Изъ памятниковъ видно, что поручительство было необходимо: 1) для одобренныхъ на обыскѣ (одобрившіе обыскные люди обязаны были взять на поруки одобреннаго); 2) для непризнавшихся во взводимыхъ на нихъ лихихъ дѣлахъ на пыткахъ (здѣсь, впрочемъ, является столкновеніе между пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ, смертною казнью и отдачею на поруки, смотря главнымъ образомъ по силѣ обвиненія); 3) для преступниковъ, совершившихъ одну татьбу; 4) для совершившихъ неумышленно убійство, и 5) для обвиненныхъ языками въ пріемѣ въ поклажу и въ покупкѣ завѣдомо разбойной или татиной рухляди ([214]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ поручительствомъ обезпечивается хорошее поведеніе лицъ, отданныхъ на поруки, ибо отвѣтственность за нихъ въ противномъ случаѣ падаетъ и на поручителей. Поручительствомъ же, сверхъ того, обезпечивалось представленіе въ срокъ оговореннаго на очную ставку съ оговорщикомъ, сохранность имущества подсудимыхъ во время производства дѣла и, наконецъ, оно было необходимо для низшихъ служителей при тюремныхъ и губныхъ избахъ, о чемъ сказано выше.

([212]) Ibid. ст. 22.

([213]) Ibid. ст. 23.

([214]) Ibid. ст. 4, 7, 32, 34, 37. Болр. прик. 17 февраля 1625 г.

ГЛАВА III.

О вѣдомствѣ губныхъ учрежденій и производствѣ сыска по Уложенію царя Алексѣя Михайловича.

Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича сгруппировало постановленія о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ предыдущаго времени въ 21-ю главу: «о разбойныхъ и татиныхъ дѣлехъ».

Большинство постановленій этой 21-й главы заимствовано составителями изъ Уставной Книги Разбойнаго Приказа; на нѣкоторыя статьи, поставленныя въ послѣдней въ видѣ вопросовъ, въ Уложеніи находимъ отвѣты; нѣкоторыя, весьма немногія, статьи заимствованы изъ Судебника царя Ивана Васильевича и, наконецъ, встрѣчается нѣсколько новыхъ, которыя, можетъ быть, также находились въ Уст. Кн. Разб. Пр., но не дошли до насъ, такъ какъ Книга не вполнѣ сохранилась.

Но какъ Уложеніе заимствуетъ большинство своихъ постановленій изъ памятника, нами уже разсмотрѣннаго въ связи съ Судебниками и Уставными и губными грамотами, то, чтобы не повторять уже сказаннаго, мы только укажемъ на тѣ статьи, которыя перешли изъ Уставной Книги и другихъ памятниковъ въ Уложеніе, съ тѣми измѣненіями, которыя въ нихъ мы находимъ, хотя должно сказать, что эти измѣненія въ большинствѣ случаевъ незначительны.

При этомъ мы будемъ держаться порядка, принятаго нами въ предыдущемъ изложеніи, т. е. скажемъ сперва о лихомъ дѣлѣ и наказаніи за него, и потомъ о розыскѣ.

I. 1) Предметы вѣдомства губныхъ учрежденій остались тѣ же самые, именно: дѣла разбойныя, татиныя, убійственныя и преступленія по службѣ лицъ, подвѣдомственныхъ Разбойному приказу. Кромѣ того суду же губныхъ старостъ подлежали: 1) наспльственное ополченіе, что, впрочемъ, вѣроятно и прежде судилось въ губныхъ учрежденіяхъ, только въ разсмотрѣнныхъ нами памятникахъ прямо не высказано ([215]); 2) подметъ съ цѣлью ополченія ([216]), и 3) мошенничество ([217]). Татьба въ Уложеніи распадается на виды по объекту; такъ, не говоря уже о святотатствѣ ([218]), которое и въ предъидущемъ періодѣ, какъ мы видѣли, вѣдалось судомъ губныхъ старостъ, въ немъ отмѣчены: кража жатаго хлѣба или жатва

([215]) Улож. XXI, 55.
([216]) Ibid. ст. 56.
([217]) Ibid. ст. 11.
([218]) Ibid ст. 14.

чужаго хлѣба украдомъ ([219]) и вылавливаніе рыбы изъ пруда или изъ саду, т. е. изъ садка ([220]).

2) Наказанія въ Уложеніи въ большинствѣ случаевъ не опредѣлены по виду и гораздо строже, чѣмъ въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, что произошло, безъ сомнѣнія, отъ исключительнаго преобладанія въ немъ начала устрашенія. Обряды ихъ исполненія также остались неопредѣленными; только относительно одной смертной казни находимъ, что она не слѣдовала непосредственно за приговоромъ, но приговоренные до исполненія сажались на шесть недѣль въ тюрьмѣ въ избу (?) для покаянія ([221]).

Наказанія для вѣдомыхъ разбойниковъ состояли въ слѣдующемъ: за первый разбой, если при томъ не было убійства, у преступника отрѣзали правое ухо и сажали въ тюрьму на три года, откуда посылали въ кандалахъ на работу. По прошествіи трехъ лѣтъ, преступникъ отсылался въ украинные города на службу, «въ какой чинъ пригодится» ([222]). За вторичный разбой, если и не было совершено убійства, назначается смертная казнь, а имущество поступаетъ истцамъ въ выть ([223]). Тоже наказаніе назначено разбойникамъ, учинившимъ убійство, или пожаръ, хотя бы разбой совершенъ былъ ими въ первый разъ ([224]).

За первую татьбу, если преступникъ не учинилъ убійства (обстоятельство новое; въ Уставной Книгѣ его не имѣется въ виду), назначается торговая казнь съ отрѣзаніемъ лѣваго уха, и затѣмъ двухлѣтнее тюремное заключеніе, откуда преступникъ былъ посылаемъ на работу въ кандалахъ. По окончаніи двухлѣтняго срока онъ отсылался въ украинные города, въ какой чинъ пригодится ([225]). За вторичную татьбу, при отсутствіи убійства, торговая казнь, отсѣченіе праваго уха и четырехлѣтнее тюремное заключеніе, а затѣмъ ссылка въ украинные города ([226]). За третью и болѣе татебъ, если при нихъ и не было убійствъ,—смертная казнь ([227]). Если на первой татьбѣ было совершено убійство, то преступникъ подвергался смертной казни ([228]). За кражу жатаго хлѣба и сѣна — торговая казнь ([229]); за вылавливаніе рыбы—битье батогами, если преступ-

---

([219]) Ibid. ст. 89.

([220]) Ibid. ст. 90

([221]) Ibid. ст. 34

([222]) Ibid. ст. 16

([223]) Ibid ст. 17.

([224]) Ibid. ст. 18. Сравни ст. 16, 17 и 18 XXI гл. Улож съ 10 Уст Книги Разб Приказа.

([225]) Улож. XXI, 9.

([226]) Ibid, ст. 16.

([227]) Ibid. ст 12. Сравни ст 9. 12 и 16 XXI гл. Ул. съ 37, 38 и 39 ст. Уст. Книги.

([228]) Улож. XXI, ст. 13.

([229]) Ibid. ст. 89.

леніе было совершено въ первый разъ, за вторичное совершеніе— битье кнутомъ, если же преступникъ былъ пойманъ съ поличнымъ въ третій разъ, то отрѣзалось ухо, хотя бы, какъ сказано, поличное и гривны не стоило ([230]); слѣдовательно въ другихъ случаяхъ при поличномъ имѣлась въ виду его цѣна. Жена и дѣти преступника, знавшіе о находившихся въ ихъ домѣ краденыхъ вещахъ, уплачивали вины по указу, въ случаѣ же ихъ несостоятельности, выдавались истцу головою, пока не отработаются, зачитая за женскую работу по полутретья рубля въ годъ. Для святотатцевъ назначена смертная казнь безъ всякаго милосердія ([231]).

Мошенникамъ повелѣвается чинить тотъ же указъ, что указано чинить татямъ за первую татьбу ([232]).

Имущество татей шло на удовлетвореніе истцовъ.

За умышленное убійство—смертная казнь ([233]); за неумышленное, въ дракѣ или пьянымъ дѣломъ, боярскаго человѣка боярскимъ же человѣкомъ убійца подвергался торговой казни, затѣмъ отдавался на чистыя поруки съ записью, что ему впредь такъ не воровати, и выдавался съ женою и дѣтьми въ холопи господину убитаго. Жена и дѣти убитаго оставлялись у прежняго хозяина ([234]). Если владѣлецъ не желалъ взять вмѣсто убитаго убійцу, то могъ требовать денежнаго вознагражденія въ размѣрѣ 50 рублей ([235]). Если убійство неумышленно совершено было надъ чужимъ крестьяниномъ сыномъ боярскимъ или его сыномъ, или племянникомъ, или наконецъ приказникомъ, то вмѣсто убитаго выдавался его хозяину лучшій крестьянинъ убійцы съ женою и дѣтьми, жившими съ нимъ не въ раздѣлѣ, вмѣстѣ съ имуществомъ; семейство же убитаго оставалось за прежнимъ хозяиномъ. Убійца дворянина долженъ былъ уплатить всѣ кабальные долги убитаго и, сверхъ того, заключался въ тюрьму до государева указа ([236]).

За убійство крестьяниномъ крестьянина, совершенное неумышленное, убійца подвергался торговой казни и выдачѣ съ женою и дѣтьми хозяину убитаго, за которымъ оставалось и семейство послѣдняго. Вмѣсто убійцы владѣлецъ убитаго могъ потребовать себѣ другаго крестьянина ([237]).

Изъ всѣхъ этихъ постановленій о неумышленномъ убійствѣ можно вывести заключеніе, что оно вообще оставалось безнаказаннымъ; въ этихъ случаяхъ дѣлалось только вознагражденіе за убытокъ, происшедшій отъ убійства для хозяина убитаго, или вообще для запи-

---

([230]) Ibid. ст. 90.

([231]) Ibid. ст. 14. Сравни съ ст. 40 Уст. Книги.

([232]) Улож. XXI, ст. 11. Ср. съ 58 ст. Судеб. царя Ивана Васильевича

([233]) Улож. XXI, 72.

([234]) Ibid ст. 69. Ср. Устав. Книги стр. 303

([235]) Улож. XXI, ст. 70.

([236]) Ibid. ст. 71.

([237]) Ibid. ст. 73. Ср. Уст. Кн. А. И. III, 167, стр. 304.

тересованныхъ лицъ. Одно только неумышленное убійство дворянина составляетъ исключеніе.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійство оставалось даже совершенно безъ всякихъ послѣдствій для убійцы. Такъ, дозволялось убить татя въ томъ домѣ, гдѣ произведена была имъ татьба, если онъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ, или въ погонѣ за нимъ, или вообще если онъ не давалъ сватить себя. Въ этихъ случаяхъ убитый или раненый преступникъ долженъ былъ быть явленнымъ окольнымъ людямъ и о немъ записывалось въ приказѣ.

Такимъ же наказаніямъ, какъ разбойники, подвергались: державшіе разбойничьи станы и пріѣзды, подводчики и поноровщики ([238]).

Относительно продажи и отдачи въ поклажу разбойной и татиной рухляди въ Уложеніи находятся тѣ же самыя постановленія, что и въ Уст. Кн. Разб. Пр. ([239]).

Неявка на помощь противъ разбойниковъ по крику разбиваемыхъ наказывалась торговою казнью и сверхъ того денежнымъ штрафомъ ([240]).

За насильственное ополоненіе кого либо и за подметъ на преступникахъ взыскивалось безчестье вдвое противъ цѣны полоненаго и ихъ же подвергали торговой казни: били кнутомъ при многихъ людяхъ нещадно ([241]).

Уговаривавшіе преступника къ сговору съ оговореннаго подвергались торговой казни и уплатѣ денежнаго штрафа, выти ([242]).

Такое же наказаніе положено и за отнятіе оговоренныхъ людей у поставныхъ за нихъ. Въ этомъ случаѣ цена точно опредѣлена, именно 50 руб. ([243]).

За ложныя показанія обыскныхъ людей или за недачу ими показаній съ нихъ взыскивался денежный штрафъ, и въ первомъ случаѣ приказныхъ, крестьянъ и лучшихъ людей десятаго подвергали торговой казни, а лицъ духовныхъ отсылали для смиренія къ ихъ начальству. Отвѣтчиковы убытки, провѣти и волокиты правились на солгавшихъ обыскныхъ людяхъ. Подвергнутымъ пытѣ вслѣдствіе ложныхъ обысковъ присуждалось безчестье и увѣчье вчетверо ([244]). Тоже самое опредѣлено уличеннымъ въ оговорѣ незнаніемъ и давшимъ на обыскѣ по одному и тому же дѣлу двойныя показанія ([245]).

Имущество преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни,

([238]) Улож. XXI, 63 Ср. ст. 30 и 31 Уст. Кн.
([239]) Улож. XXI, ст. 64 и 65. Ср. ст. 32, 33, 34 и 35 Уст. Кн.
([240]) Улож. XXI, 59. Ср. Уст. Кн. ст. 25.
([241]) Улож. XXI, 55 и 56
([242]) Улож. XXI, 44. Ср. Уст. Кн. ст. 12.
([243]) Улож. XXI, 81.
([244]) Улож. X, 162 и 163
([245]) Ibid. ст. 164 и 166.

за удовлетвореніемъ истцовъ, подвергалось конфискаціи ([246]). Истцы вознаграждались въ томъ же самомъ размѣрѣ, какой былъ опредѣленъ въ Уставной Книгѣ ([247]).

Какъ особый видъ наказанія, удержались денежные штрафы, соединявшіеся всегда съ торговою казнью, кромѣ слѣдующихъ случаевъ: 1) за укрывательство уже наказанныхъ преступниковъ, но ушедшихъ изъ тюрьмы, укрыватели уплачивали пени 10 рублей ([248]); 2) за непоимку и непоставленіе начальству лихихъ людей, при полной къ тому возможности, бралось заповѣди по полтинѣ на человѣка ([249]); 3) за мировыя истцовъ съ преступниками въ разбойныхъ дѣлахъ ([250]); 4) за совершеніе преступленій отданными на поруки съ поручителей взыскивался штрафъ ([251]); 5) за укрывательство лихихъ людей съ жителей сотни или улицы, знавшихъ преступника, взыскивалась государева пеня и истцамъ выти ([252]); 6) за покупку вещей безъ поручительства ([253]); 7) за продажу поличнаго, если продавецъ не сознавался въ этомъ ([254]). 8) за побѣгъ оговоренныхъ людей, если онъ совершенъ былъ во время оговора, бралъ штрафъ съ тѣхъ, за кѣмъ убѣжавшіе жили ([255]). Въ послѣднихъ шести случаяхъ размѣръ штрафа не опредѣленъ. 9) За укрытіе отъ язычной молки оговорныхъ людей бралась съ укрывателей выть и пени на государя по 50 руб. за каждаго скрытаго человѣка ([256]); 10) за безъявочное держаніе лихихъ людей правили выти въ половину истцовыхъ исковъ ([257]).

Пожизненное горемное заключеніе въ Уложеніи, вѣроятно изъ экономическихъ соображеній, не принято; вездѣ находимъ: посадить въ тюрьму до государева указа.

Преступниковъ, которые должны были подвергнуться смертной казни, Уложеніе предписываетъ держать въ тюрьмѣ не болѣе полугода ([258]).

Отвѣтственность за злоупотребленія лицъ служащихъ была довольно строга; а именно: воеводы, приказные люди и губные старосты подвергались нещадному битью кнутомъ и взысканію вытей въ истцовы иски за самовольное освобожденіе лихихъ людей изъ тюремъ, за принужденіе ихъ себѣ въ холопи, или отдачу въ холопство кому

([246]) Улож. XXI, 26. Ср съ ст. 54 Уст. Кн.
([247]) Улож. XXI, 23, 24 и 25. Ср. Уст. Кн. ст. 45, 46 и 47
([248]) Улож. XXI, 20.
([249]) Ibid. ст. 15.
([250]) Ibid. ст. 31.
([251]) Ibid. ст 37.
([252]) Ibid. ст. 62.
([253]) Ibid. ст. 65.
([254]) Ibid. ст. 75.
([255]) Ibid. ст. 77.
([256]) Ibid. ст. 78
([257]) Ibid. ст. 82.
([258]) Ibid. ст. 2

либо другому ([259]). За поноровку татю или разбойнику со стороны недѣльщика, послѣдній подвергался битью кнутомъ, тюремному заключенію и уплатѣ истцовыхъ исковъ ([260]). Тоже наказаніе налагается и за отдачу татей на поруки безъ доклада боярину и безъ дьячаго вѣдома ([261]). Губные цѣловальники подвергались битью кнутомъ и отрѣшенію отъ должности (изъ цѣловальниковъ выкинути) за освобожденіе разбойника или татя, или за побѣгъ его при ихъ содѣйствіи, въ то время, когда онъ еще не содержался въ тюрьмѣ, а находился подъ ихъ надзоромъ ([262]). За побѣгъ же разбойниковъ и татей изъ тюремъ, если тюремные цѣловальники и сторожа не были въ этомъ виновны, имуществомъ послѣднихъ удовлетворялись истцы, а въ случаѣ недостатка—выти въ истцовы иски взыскивались съ тѣхъ лицъ, которыя ихъ избрали. Съ губныхъ старостъ выти эти взыскивались вдвое, «для того что въ городѣхъ тюрмы вѣдаютъ губные старосты, и губнымъ старостамъ доведется тюрмы и тюремныхъ сидѣльцовъ осматривати почасту, чтобы тюрмы были крѣпки и у тюремныхъ бы сидѣльцовъ въ тюрмахъ ничего не было, чѣмъ изъ тюрмы вырѣзатися, и въ городѣхъ изъ тюремъ воры уходятъ губныхъ старостъ небреженіемъ и недосмотромъ» ([263]).

Изъ разсмотрѣнія наказаній по Уложенію царя Алексѣя Михайловича выходитъ, что система ихъ осталась прежняя, только онѣ сдѣлались гораздо строже. Новыхъ прибавилось два: 1) ссылка въ украинные города, вмѣсто прежняго неопредѣленнаго выбитія вонъ изъ земли, и 2) битье батогами.

Изъ членовредительныхъ наказаній исчезло отсѣченіе руки и замѣнилось отсѣченіемъ ушей, въ чемъ нельзя не видѣть экономическаго разсчета правительства, заботы о томъ, чтобы преступникъ былъ въ состояніи работою добыть себѣ пропитаніе.

Торговая казнь подраздѣлялась на простое битье кнутомъ и нещадное, но разницы между ними не видно изъ постановленій законодательства.

II. 1) Судоустройство въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича опредѣлено совершенно такъ, какъ въ Уст. Кн. Разб. Пр. и губныхъ грамотахъ; только въ послѣднихъ мы не встрѣчаемъ постановленій, прямо относящихся къ Разбойному приказу, и о существованіи его узнаемъ изъ другихъ постановленій, каковы напр. о подсудности губныхъ старостъ и губныхъ дьяковъ; между тѣмъ въ первыхъ двухъ статьяхъ 21-й главы Уложенія постановлено, что

([259]) Ibid. ст. 104.

([260]) Ibid. ст. 83. Ср. съ ст. 53 Суд. Ивана IV.

([261]) Улож. XXI, 86. Ср. съ ст. 54 Суд. Ивана IV.

([262]) Улож. XXI, 84.

([263]) Ibid. ст. 101. Эта статья служитъ отвѣтомъ на 68 ст. Уст. Книги, гдѣ находимъ одинъ только вопросъ.

разбойныя, татиныя и убійственныя дѣла на всемъ пространствѣ государства, за исключеніемъ Москвы, вѣдаетъ Разбойный приказъ; въ самой же Москвѣ дѣла этого рода вѣдаются на земскомъ дворѣ. Относительно лицъ, установленныхъ для завѣдыванія губными дѣлами въ областяхъ, въ Уст. Кн. Разб. Пр. мы находимъ постановленія въ статьяхъ отъ 56 до 59, соотвѣтствующихъ 4 ст. Уложенія. Въ ней выставлены необходимыя условія избираемыхъ въ губные старосты и классъ, изъ котораго они могли быть избираемы, чего нѣтъ въ Уставной Книгѣ, и что опредѣлялось губными грамотами. Эти постановленія впрочемъ одинѣ и тѣ же; новое состоитъ только въ томъ, что губные старосты должны быть избираемы изъ лицъ, отставленныхъ отъ службы за раны или за старость, или за которыхъ несутъ военную службу ихъ дѣти или племянники; это условіе необходимо было для того, чтобы служилые люди не принимали на себя должности губнаго старосты для избѣжанія военной службы.

Правила для производства выборовъ въ губные старосты и прочія должности губнаго вѣдомства остались прежнія. Лица, присутствовавшія на судѣ губныхъ старостъ и находившіяся при тюрьмахъ, были тѣ же самыя ([264]). Кажется, въ Уложеніи отъ собственно губныхъ цѣловальниковъ отличаются тюремные. Относительно цѣловальниковъ находимъ нѣсколько новыхъ постановленій: 1) запрещается избирать въ эту должность изъ тѣхъ помѣстій и вотчинъ, гдѣ менѣе двадцати душъ крестьянъ, и 2) цѣловальники и тюремные сторожа пользуются подмогою по договору погодно отъ посадскихъ и сошныхъ людей ([265]). Наконецъ, правила подсудности должностныхъ лицъ остались безъ измѣненій ([266]). При губныхъ избахъ устраивались тюрьмы на счетъ казны (въ Москвѣ?), главное наблюденіе за которыми принадлежало губному старостѣ, а непосредственное—цѣловальникамъ, подъ начальствомъ которыхъ состояли тюремные сторожа.

Для производства наказаній при губномъ судѣ состояли палачи, выбиравшіеся изъ вольныхъ людей съ поруками и получавшіе жалованье изъ Разбойнаго приказа, и другіе низшіе служители, каковы бирячи и т. п. ([267]).

Въ періодъ Уложенія губные старосты не были введены повсемѣстно; учрежденіе это теперь переживало уже свое послѣднее время, такъ что съ половины XVII ст. то уничтожалось, то снова возобновлялось; такое уничтоженіе и возобновленіе служитъ очевиднымъ доказательствомъ колебанія правительства, кому лучше поручить дѣла татиныя, разбойныя и убійственныя — общимъ ли представителямъ общественной власти въ областяхъ — воеводамъ,

---

([264]) Улож. XXI, 57. Ср. Уст. Кн. ст. 23. Улож. XXI ст. 83. Ср Судеб. Ив. IV ст. 53.

([265]) Улож. XXI, 97 и 98.

([266]) Ibid. ст. 6 Ср. съ ст. 60 Уст. Кн.

([267]) Улож. XXI, 96.

или оставить губныхъ старостъ, изъ земской власти уже сдѣлавшихся чиновниками правительства. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было губныхъ старостъ, дѣла разбойныя, татиныя и убійственныя ввѣрены воеводамъ и приказнымъ людямъ (268).

Воеводы, приказные люди и губные старосты наблюдали, чтобы въ ихъ округахъ не было лихихъ людей; но въ чемъ состояло это наблюденіе, какія мѣры должны были предпринимать они съ этою цѣлью, и какимъ лицамъ непосредственно ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ, въ Уложеніи, какъ и въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, не говорится; эта часть, какъ и въ предыдущемъ періодѣ, опредѣлялась губными наказами. Вообще можно сказать, что каждый, поймавшій татя или разбойника, обязанъ былъ отвести его къ губному старостѣ (269), и что губные старосты наблюдали за тѣмъ, чтобы не было игры въ зернь и карты (вѣроятно также и въ кости), потому что проигравшіеся обыкновенно занимались грабежемъ и разбоями (270). Такъ какъ дѣленіе на сотни и улицы еще сохранилось, то вѣроятно ближайшій полицейскій надзоръ въ нихъ принадлежалъ сотскимъ, десятскимъ и т. п. лицамъ, о которыхъ сказано въ предыдущей главѣ (271).

2) Правилъ для общей подсудности въ Уложеніи, какъ и въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, нѣтъ; правила же объ отводѣ губныхъ старостъ и объ обязанностяхъ ихъ одинаковы въ обоихъ памятникахъ (272).

III. Поводы къ началію розыска остались тѣ же, какіе мы видѣли въ предыдущемъ періодѣ, т. е. 1) обвинительный обыскъ, 2) частная жалоба, 3) оговоръ и 4) приводъ лихаго человѣка къ губному начальству.

1) Правила о производствѣ обвинительнаго повальнаго обыска остались тѣ же самыя, какія изложены нами въ предыдущей главѣ (273), также какъ 2) и правила для начала сыска по жалобѣ частнаго лица (274). Мировыя между истцомъ и отвѣтчикомъ въ разбойныхъ, татиныхъ и убійственныхъ дѣлахъ безусловно запрещены (275).

---

(268) Ibid. ст. 3.

(269) Ibid. ст. 20—62.

(270) Ib. ст. 15.

(271) Ib. ст. 62.

(272) Ibid. ст. 7. Ср. съ 61 ст. Уст. Кн. Улож. XXI, ст. 5. Ср. съ 42 ст. Уст. Книги.

(273) Улож. X, 161.

(274) Улож. XXI, 49. Ср. съ ст. 18 Уст. Кн. Ст. 17 Устав. Книги, въ силу которой дозволялось вести дѣло розыскомъ и въ томъ случаѣ, когда истецъ не могъ представить противъ отвѣтчика, въ томъ, что онъ вѣдомый лихой человѣкъ, никакихъ другихъ уликъ, кромѣ поля и присяги, отмѣнена слѣдующею 18 ст., и потому не вошла въ Уложеніе.

(275) Улож. XXI, 31. Ср. съ ст. 41 Уст. вн.

Въ ходѣ сыскнаго процесса истецъ игралъ ту же самую роль, что и прежде ([276]). Но постановленій, которыя встрѣтили мы въ губныхъ грамотахъ относительно вліянія его на порядокъ собиранія доказательствъ, въ Уложеніи не находится.

3) Относительно оговора (язычной молки или язычныхъ молокъ, по количеству оговорщиковъ) Уложеніемъ существенныхъ измѣненій не сдѣлано ([277]).

Въ Уложеніи находимъ различіе оговора знатныхъ лицъ отъ оговора незнатныхъ, т. наз. причинныхъ людей ([278]), что въ Уст. Книгѣ Разб. Приказа было безразлично.

4) Мы уже сказали, что всякій обязанъ былъ отводить къ начальству (къ губному старостѣ или воеводѣ) вѣдомаго лихаго человѣка, подъ угрозою извѣстнаго наказанія; но приведенный, изъ мести, могъ оговорить въ лихомъ дѣлѣ самого приведшаго, поэтому Уложеніемъ принято постановленіе Уст. Кн. Разб. Пр., вслѣдствіе котораго такому оговору вѣрить запрещается, и прибавлено, что не должно вѣрить оговору не только взводимому на самихъ приведшихъ, но и на ихъ людей и крестьянъ ([279]). Условій недѣйствительности оговора въ Уложеніи не опредѣлено ([280]).

IV. Система судебныхъ доказательствъ въ Уложеніи осталась прежняя, а именно: 1) повальный обыскъ, 2) язычная молка и язычныя молки, 3) поличное, 4) собственное признаніе, 5) очная ставка и 6) разспросъ.

1) Что касается повальнаго обыска и 2) язычныхъ молокъ, то положенія о нихъ находимъ тѣ же самыя, какія видѣли въ предыдущемъ періодѣ ([281]).

3) Относительно поличнаго явились нѣкоторыя новыя законоположенія: 1) розыскъ по поличному установлено производить въ томъ только случаѣ, когда о пропадшемъ или объ отнятомъ въ разбоѣ имуществѣ поданы были истцомъ письменныя явки въ приказы или въ городахъ воеводамъ и губнымъ старостамъ; при отсутствіи такихъ явокъ, дѣло производилось судомъ ([282]). Исключеніе сдѣлано для служилыхъ людей: если служилый человѣкъ, находясь на службѣ, покупалъ лошадь у служилаго же человѣка, и если потомъ кто нибудь признавался къ ней, а между тѣмъ продавецъ запирался въ продажѣ, то на него повелѣно давать судъ, безъ суда же «въ такихъ лошадяхъ, которыя куплены въ полкѣхъ никого не винить, потому что на службѣ такіе лошади служилые люди

([276]) Улож. XXI, 50. Ср. съ ст. 21 Уст. Кн.

([277]) Улож. XXI, 38. Ср. съ ст. 4 Уст. Кн. Улож. XXI, 40. Ср. съ ст. 5 Уст. Кн.

([278]) Улож. XXI, 39.

([279]) Ibid. ст. 8 ср. Съ ст. 36 Уст. Кн.

([280]) Уст. Кн. ст. 20.

([281]) Улож. XXI, 42, 76 161, Ср. съ ст. 7 и 8 Уст. Кн. и съ боярск. приговор. 31 августа 1631 г.

([282]) Улож. XXI, 51 и 52.

покупаютъ безъ записки» ([283]). 2) Въ Уставной Книгѣ мы не находимъ постановленій, какъ поступать съ тѣми, которые насильно ополичили кого нибудь, въ Уложеніи же они, какъ и подметчики, т. е. тѣ, которые подкидывали чѣмъ-либо съ цѣлью ополичить, считаются лихими людьми, и на этомъ основаніи подвергаются извѣстнымъ наказаніямъ, разсмотрѣннымъ нами выше ([284]).

4) Собственное признаніе имѣло безусловную силу; но въ Уложеніе не перешло постановленіи Уставной Книги, по которому не давшіе собственнаго признанія не могли быть подвергаемы смертной казни ([285]). Собственное признаніе вынуждалось пыткою, и данное до пытки, какъ и прежде, не освобождало отъ нея ([286]). Пытка производилась только оффиціальными лицами, поэтому тотъ, кто подвергалъ ей пойманнаго имъ преступника у себя на дому, долженъ былъ уплатить ему безчестье и увѣчье и, сверхъ того, лишался права вести дѣло розыскомъ. Преступники могли быть подвергнуты пыткѣ и въ праздничные и табельные дни на томъ основаніи, что «разбойники и тати и въ праздники православныхъ крестьянъ бьютъ и мучатъ и огнемъ жгутъ и до смерти побиваютъ» ([287]). Вѣрить татямъ и разбойникамъ, которые, для избѣжанія пытки, говорили за собою государево великое дѣло, запрещалось. Разспросъ объ этомъ повелѣно производить уже послѣ пытки ихъ въ разбоѣ и татьбѣ ([288]). Всѣхъ этихъ постановленій въ Уставной Книгѣ нѣтъ.

Выше мы замѣтили, что въ Уложеніи нѣтъ общаго постановленія о томъ, чтобы преступники, не сознавшіеся въ преступленіи, не подвергались смертной казни; слѣдовательно для этого наказанія не требовалось собственнаго признанія въ совершеніи преступленія; однако же въ немъ находимъ какъ бы исключительный случай,

---

([283]) Ibid. ст. 53. Далѣе, ср. Улож. XXI гл. ст. 50 съ 23 ст. Уст. кн.; Ул. XXI, 54 съ 22 ст. Уст. кн. Къ 54 ст. прибавлено: «а будетъ сыскать нѣкѣмъ, и имъ въ томъ дать судъ, и съ суда Указъ учинить по тому же до чего доведется.» Улож. XXI, 57 ср. съ 23 ст. Уст. кн. Улож. XXI, 75 съ 304 стр. А. И. Ш, 167.

([284]) Ул. XXI, 55 и 56.

([285]) Уст. Кн. ст. 9.

([286]) Улож. XXI, 58. Ср. съ ст. 24 Уст. Кн. Случаи, въ которыхъ употреблялась пытка: Улож. XXI, 23. Ср. съ 45 ст. Уст. Кн. Улож. ст. 24. Ср. 46 ст. Уст. Кн. Ул. ст. 25; Уст. Кн. 47, 69, 71, 73 до словъ: а будетъ истецъ учнетъ бить челомъ... и боярск. пригов. 17 февраля 1625 года до словъ: которыхъ людей розбойники розбиваютъ.—О томъ, сколько разъ однѣ и тѣже лица могли быть подвергнуты пыткѣ ср. Ул. XXI гл. ст. 39 со словъ: «а пытати оговорныхъ людей.... съ 5 ст. Уст. Кн. съ тѣхъ же самыхъ словъ. О пыткѣ для дворянъ и др. при обвиненіи ихъ въ лихомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ ихъ крестьянами ср. Ул. XXI, 47 съ 15 ст. О пыткѣ однихъ лицъ вмѣсто другихъ ср. Ул. XXI, 74 съ Уст. Кн. стр. 304 отъ словъ: которыхъ людей розбойники розбиваютъ... до словъ: а у кого поимается истецъ...

([287]) Улож. XXI, 32.

([288]) Ibid. ст. 103.

когда при отсутствіи такого условія они не могли быть подвергнуты смертной казни ([289]), что можно объяснить недостаткомъ редакціи.

5) Относительно очной ставки въ Уложеніи не находимъ ничего новаго ([290]).

6) Разспросъ, предварительное слѣдствіе, остался первымъ актомъ сыскнаго процесса; отдѣльныхъ постановленій о немъ, какъ судебномъ доказательствѣ, въ Уложеніи, какъ и въ разсмотрѣнныхъ памятникахъ, нѣтъ.

Порядокъ доказательствъ при обвиненіи на повальномъ обыскѣ сохраненъ прежній ([291]), какъ и

при оговорѣ ([292]). Если три или четыре преступника съ пытокъ оговаривали знатныхъ людей (дворянъ или дѣтей боярскихъ), или торговыхъ людей, «которые прежде того въ приводѣ не бывали и ни въ какомъ воровствѣ не объявлялись», то оговоренные могли потребовать повальнаго обыска, и будучи на немъ одобрены, освобождались на поруки, въ противномъ случаѣ подвергались пыткѣ ([293]). О степени довѣрія къ оговорамъ преступниковъ, уже заключенныхъ въ тюрьму, нѣтъ новыхъ постановленій ([294]); какъ и

о порядкѣ доказательствъ при обвиненіи частными лицами. ([295]).

V) Окончательнымъ актомъ сыскнаго процесса былъ приговоръ, которымъ подсудимый могъ быть оправданъ, тогда онъ освобождался отъ отвѣтственности (по крайней мѣрѣ личной), или обвиненъ, въ такомъ случаѣ слѣдовало его наказаніе.

Обыкновенно обвиняемый, будучи оправданъ, отдавался на поруки. Постановленія о поручительствѣ, одинаковыя съ постановленіями предыдущаго времени, разсѣяны въ разныхъ статьяхъ XXI гл. Уложенія.

Въ нашемъ сравненіи Уставной Книги Разбойнаго Приказа съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича мы ограничились только XXI главою послѣдняго, потому что только въ ней говорится о тѣхъ преступленіяхъ, для которыхъ была установлена подсудность губнымъ учрежденіямъ, и о розыскѣ по дѣламъ лихимъ. Государственное лихое дѣло, мало опредѣленное въ разсмотрѣнныхъ нами памятникахъ до Уложенія, въ немъ получило гораздо большую опредѣленность, чѣмъ другія лихія дѣла; смѣшанное въ памятникахъ предыдущаго времени съ послѣдними, въ Уложеніи оно обособляется

([289]) Ib. ст. 43. Ср. съ ст. 6 Уст. Кн.

([290]) Улож. XXI, 38. Ср. Уст. Кн. ст. 4. Ул. 48. Ср. Уст. Кн. ст. 16.

([291]) Улож. XXI, 35 и 36. Ср. Уст. Кн. ст. 1 и 2.

([292]) Улож. XXI, 35. Ср. Уст. Кн. ст. 1; Улож. XXI, 38. Ср. Уст. Кн. ст. 4, Ул. Ib. 40, ср. Уст. Кн. 5. Ул. Ib. 42 ср. Уст. Кн. 7. Ул. Ibid. 43, ср. Уст. Кн. 11. Ул. Ib. 44. Уст. Кн. ст. 12.

([293]) Улож. XXI, 39.

([294]) Ib. 33. Ср. ст. 43 Уст. Кн.

([295]) Ул. XXI, 48, 49, 50, 54, 57. Ср. со ст. 16, 18, 21, 22 и 23 Уст. Кн.

и служитъ предметомъ особыхъ главъ. Кругъ лихихъ дѣлъ становится, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, гораздо обширнѣе; вѣдомство Разбойнаго приказа опредѣляется окончательно, такъ что и разсмотрѣніе всѣхъ лихихъ дѣлъ по отношенію къ нашему предмету дѣлается совершено лишнимъ.

Въ Уложеніи, за исключеніемъ усиленія наказаній за лихія дѣла, не содержится, какъ мы видѣли, ничего новаго сравнительно съ Уставною Книгою Разбойнаго Приказа, а потому мы и разсматриваемъ его, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ спеціально говорится о нашемъ предметѣ, какъ послѣднюю редакцію Книги. Но слѣдственный процессъ въ томъ видѣ, какъ опредѣляетъ его Уложеніе, оставался не долго; скоро явились въ новоуказныхъ статьяхъ о разбойныхъ, татиныхъ и убійственныхъ дѣлахъ многія важныя и существенныя измѣненія; напр. допущенъ отводъ повальнаго обыска, который поэтому совершенно потерялъ прежнее свое значеніе и окончательно сравнялся съ свидѣтельскими показаніями, и многія другія, такъ что на мѣсто началъ, высказанныхъ въ Уставной Книгѣ и Уложеніи, явились новыя. Показать, въ чемъ состояли перемѣны, произведенныя новоуказными статьями въ области слѣдственнаго процесса, указать на причины этихъ перемѣнъ,—весьма важно и интересно, но такъ какъ мы ограничились одною только Уставною Книгою Разбойнаго Приказа, поэтому новоуказныя статьи и не могутъ войти въ наше изслѣдованіе.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

На	3	стр.	на	11	строкѣ	вмѣсто	XII	дол.	быть	XVI.
»	17	»	»	26	»	»	лихаю	»	»	лихаго.
»	19	»	»	I	»	»	ябеднисчесто	»	»	ябедничество.